

ТВОИ
ДРУЗЬЯ
ВЕСЕЛЫЕ

ТВОИ ДРУЗЬЯ ВЕСЕЛЫЕ

ЦЕНА 7р.90к.

И вы
ДРУЗЬЯ
ВЕСЕЛЫЕ

РАССКАЗЫ
ФЕЛЬЕТОНЫ
ПАМФЛЕТЫ
Б А С Н И
ЭПИГРАММЫ
ПАРОДИИ

Белгородское книжное издательство
1958

Составитель *Б. С. Круглов*
Оформление художника *И. Д. Зайцева*

Log za logom

М. Горький

РУССКИЕ СКАЗКИ

I

Будучи некрасив и зная это, молодой человек сказал себе:

— Я умен. Сделаюсь мудрецом. У нас это — очень просто.

И стал читать толстые сочинения — он был действительно не глуп, понимал, что наличие мудрости всего легче доказать цитатами из книг.

А прочитав столько мудрых книг, сколько нужно, чтобы стать близоруким, он гордо поднял нос, покрасневший от тяжести очков, и заявил всему существующему:

— Ну, нет, меня не обманешь! Я ведь вижу, что жизнь — это ловушка, поставленная для меня природой!

— А — любовь? — спросил Дух жизни.

— Благодарю, я, слава богу, не поэт! Я не войду ради кусочка сыра в железную клетку неизбежных обязанностей!

Но все-таки он был человек не особенно даровитый и потому решил взять должность профессора филологии.

Приходит к министру народного просвещения и говорит:

— Ваше высокопревосходительство, вот — я могу проповедовать, что жизнь бессмысленна и что внушениям природы не следует подчиняться!

Министр задумался. «Годится это или нет?»

Потом спросил:

— А велениям начальства надо подчиняться?

— Обязательно — надо! — сказал философ, почтительно склонив вытертую книгами голову. — Ибо страсти человечьи...

— Ну, то-то! Лезьте на кафедру. Жалованья — шестнадцать рублей. Только — если я предпишу принять к руководству даже и законы природы, смотрите — без вольнодумства! Не потерплю!

И, подумав, он меланхолически сказал:

— Мы живем в такое время, что ради интересов целостности государства, может быть, и законы природы придется признать не токмо существующими, но и полезными — отчасти!

«Черта с два! — мысленно воскликнул философ. — Дойдете вы до этого, как же...»

А вслух — ничего не сказал.

Вот он устроился: еженедельно влезал на кафедру и по часу говорил разным кудрявым юношам:

— Милостивые государи! Человек ограничен извне, ограничен изнутри, природа ему враждебна, женщина — слепое орудие природы, и по всему этому жизнь наша совершенно бессмысленна!

Он привык думать так и часто, увлекаясь, говорил красиво, искренно; юные студентики восторженно хлопали ему, а он, довольный, ласково кивал им лысой головой, умиленно блестел его красненький носик, и все шло очень хорошо.

Обеды в ресторанах были вредны ему, — как все пессимисты, он страдал несварением желудка, — поэтому он женился, двадцать девять лет обедал дома; между делом, незаметно для себя, произвел четверых детей, а после этого — помер.

За его гробом почтительно и печально шли три дочери с молодыми мужьями и сын, влюбленный во всех красивых женщин мира. Студенты пели «Вечную па-

мать» — пели очень громко и весело, но — плохо; над могилой товарищи профессора говорили цветистые речи о том, как стройна была покойникова метафизика: все было вполне прилично, торжественно и даже минутами трогательно.

— Вот и помер старикашка! — сказал один студент товарищам, когда расходились с кладбища.

— Пессимист он был, — отозвался другой.

А третий спросил:

— Ну? Разве?

— Пессимист и консерватор.

— Ишь, лысый! А я и не заметил...

Четвертый студент был человек бедный, он озабоченно осведомился:

— Позовут нас на поминки?

Да, их позвали.

Так как покойный профессор написал при жизни хорошие книги, в которых горячо и красиво доказывал бессцельность жизни, — книги покупались хорошо, и читали их с удовольствием -- ведь что ни говорите, а человек любит красивое!

Семья была хорошо обеспечена — и пессимизм может обеспечить! — поминки были устроены богатые, бедный студент наредкость хорошо покушал и, когда шел домой, то думал, добродушно улыбаясь:

«Нет — и пессимизм полезен...»

II

А еще был такой случай.

Некто, считая себя поэтом, писал стихи, но — почему-то все плохие, и это очень сердило его.

Вот однажды идет он по улице и видит: валяется на дороге кнут — извозчик потерял.

Осенило поэта вдохновение, и тотчас же в уме его сложился образ:

Как черный бич — в пыли дорожной
Лежит — раздавлен — труп змеи.
Над ним — рой мух гудит тревожно,
Вокруг — жуки и муравьи.
Белеют тонких ребер звенья
Сквозь прорванную чешую...
Змея! Ты мне напоминаешь
Любовь издохшую мою...

А кнут встал на конец кнutowища и говорит, качаясь:
— Ну, зачем врешь? Женатый человек, грамоту знаешь, а — врешь! Ведь не издыхала твоя любовь, жене ты и любишь и боишься ее...

(Поэт рассердился.

— Это не твое дело!..

— И стихи скверные...

— А тебе и таких не выдумать! Только свистеть можешь, да и то не сам.

— А все-таки зачем врешь? Ведь не издыхала любовь-то?

— Мало ли чего не было, а нужно, чтоб было...

— Ой, побьет тебя жена! Отнеси-ка ты меня к ней...

— Как же, дожидайся!

— Ну, бог с тобой! — сказал кнут, свиваясь штопором, лег на дороге и задумался о людях, а поэт пошел в трактир, спросил бутылку пива и тоже стал размышлять, но — о себе.

«Хотя кнут и — дрянь, но стихи опять плоховаты, это верно! Странное дело! Один пишет всегда плохие стихи, а другому, иной раз, удаются хорошие — до чего все не правильно в этом мире! Дурацкий мир!».

Так он сидел, пил и, все более углубляясь в познание мира, пришел, наконец, к твердому решению: «Надо говорить правду: совершенно никуда не годится этот мир, и человеку в нем даже обидно жить!» Часа полтора думал он в этом направлении, а потом сочинил:

Пестрый бич наших страстных желаний
Гонит нас в кольца Смерти-Змен,
Мы плутаем в глубоком тумане,
Ах — убьете желанья свои!
Они в даль нас обманно манят,
Мы влачимся сквозь терн обид,
По-пути — сердце скорби нам ранят,
А в конце его — каждый убит...

И прочее в этом духе — двадцать восемь строк.

— Вот это — ловко! — воскликнул поэт и пошел домой, очень довольный собою

Дома он прочитал стихи жене — ей тоже понравилось.

— Только, — сказала она, — первое четверостишие как будто не того...

— Сожрут! Пушкин начал тоже «не того»... Зато — размер каков? Панихида!

Потом он стал играть со своим сынишкой: посадив его на колено и подкидывая, пел тенорком:

Скок-поскок
На чужой мосток!
Эх, буду я богат —
Я свой намошу,
Никого не пушу!

Очень весело провели вечер, а утром поэт снес стихи редактору, и редактор сказал глубокомысленно — они все глубокомысленны, редактора, оттого-то журналы и скучны.

— Гм? — сказал редактор, трогая себя за нос. — Это, знаете, не плохо, а главное, — очень в тон настроению времени, очень! М-да, вот вы, пожалуй, и нашли себя. Ну-с, продолжайте в том же духе... Шестнадцать копеек строка... четыре сорок восемь... Поздравляю!

Потом стихи были напечатаны, и поэт почувствовал себя именинником, а жена усердно целовала его, томно говоря:

— М-мой поэт, о-о...

Славно время провели!

А один юноша — очень хороший юноша, мучительно искавший смысла жизни, — прочитал эти стихи и застрелился.

Он, видите ли, был уверен, что автор стихов, прежде чем отвергнуть жизнь, искал смысла в ней также долго и мучительно, как искал сам он. юноша, и он не знал, что эти мрачные мысли продаются по шестнадцати копеек строка. Серьезный был.

Да не помыслит читатель, что я хочу сказать, будто бы порою даже кнут может быть употреблен с пользою для людей.

III

Долго жил Евстигней Закивакин в тихой скромности, в робкой зависти и вдруг неожиданно прославился.

А случилось это так: однажды после роскошной пирушки он истратил последние свои шесть гривен и, проснувшись наутро в тяжком похмелье, весьма удрученный

сел за свою привычную работу: сочинять объявления в стихах для «Анонимного бюро похоронных процессий».

Сел и, пролив обильный пот, убедительно написал:

Бьют тебя по шее или в лоб, —
Все равно, ты ляжешь в темный гроб..
Честный человек ты иль прохвост, —
Все-таки отташат на погост..
Правду ли ты скажешь иль соврешь, —
Это все едино: ты умрешь!..

И так далее в этом роде, аршина полтора.

Понес работу в «бюро», а там не принимают:

— Извините, — говорят, — это никак нельзя напечатать: многие покойники могут обидеться и даже содрогнуться в гробах. Живых же увещевать к смерти не стоит, — они и сами собою, бог даст, помрут...

Огорчился Закивакин:

— Чорт бы вас побрал! О покойниках заботитесь, монументы ставите, панихиды служите, а живой — помирай с голоду...

В гибельном настроении духа ходит он по улицам и вдруг видит — вывеска, а на ней — черными буквами по белому полю — сказано:

«Жатва Смерти».

— Еще похоронное бюро, а я и не знал! — обрадовался Евстигней.

Но оказалось, что это не бюро, а редакция нового беспартийного и прогрессивного журнала для юношества и самообразования. Закивакина ласково принял сам редактор — издатель Мокей Говорухин, сын знаменитого салотопа и мыловара Антипы Говорухина, парень жизнерадостный, хотя и худосочный.

Посмотрел Мокей стихи, — одобрил:

— Ваши, — говорит, — вдохновения как раз то самое, еще никем не сказанное слово новой поэзии, в поисках за которым я и снаряжился, подобно аргонавту Герострату...

Конечно, все это он врал по внушению странствующего критика Лазаря Сыворотки, который тоже всегда врал, чем и создал себе громкое имя.

Смотрит Мокей на Евстигнея покупающими глазами и повторяет:

— Материальчик впору нам, но имейте в виду, что мы стихов даром не печатаем!

— Я и хочу, чтобы мне заплатили, — сознался Евстигнейка.

— Ва-ам? За стихи-то? Шутите! — смеется Мокей. — Мы, сударь, только третьего дня вывеску повесили, а уж за это время стихов нам прислано семьдесят девять сажень! И все именами подписаны!

Но Евстигней не уступает, и согласились на пятаке за строку.

— Только потому, что уж очень это у вас здорово пущено! — объяснил Мокей. — Надо бы псевдонимец вам избрать, а то Закивакин не вполне отлично. Вот ежели бы... например, — Смертяшкин, а? Стильно!

— Все равно, — сказал Евстигней. — Мне — абы гонорар получить: есть очень хочется...

Он был парень простодушный.

И через некоторое время стихи были напечатаны на первой странице первой книги журнала, под заголовком: «Голос вечной правды».

С того дня и постигла Евстигнейку слава: прочитали жители стихи его — обрадовались:

— Верно написал, материн сын! А мы живем, стараемся кое-как, то да се, и незаметно нам было, что в жизни-то нашей никакого смысла, между прочим, нет! Молодец Смертяшкин!

И стали его на вечера приглашать, на свадьбы, на похороны да на поминки, а стихи его во всех модных журналах печатаются по полтине строка, и уже на литературных вечерах полногрудые дамы, очаровательно улыбаясь, читают «поэзы Смертяшкина»:

Нас ежедневно жизнь разит,
Нам отовсюду смерть грозит!
Со всяких точек зрения
Мы только жертвы тления!

— Bravo-o! Спасибо-o! — кричат жители.

«А ведь, пожалуй, я и в самом деле поэт?» — задумался Евстигнейка и начал — понемножку зазнаваться: завел чернопестрые носки и галстуки, брюки надел тоже черные с белой полоской поперек и стал говорить томно, разводя глазами в разные стороны:

— Ах, как это пошло-жизненно!

Заупокойную литургию прочитал и употребляет в речи мрачные слова: паки, дондеже, всеу...

Ходят вокруг него разные критики, истощая Евстигнейкин гонорарий, и внушают ему:

— Углубляйся, Евстигней, а мы поддержим!

И действительно, когда вышла книжка: «Некрологи мечтаний и эпитафии желаний, поэзы Евстигнея Смертяшкина», то критики весьма благосклонно отметили глубокую могильность настроений автора. Евстигнейка же на радостях решил жениться: пошел к знакомой модерн-девице Нимфодоре Заваялкиной и сказал ей:

— О, безобразна, бесславна, не имущая вида!

Она долго ожидала этого и, упав на грудь его, воркует, разлагаясь от счастья:

— Я согласна идти к смерти рука об руку с тобою!

— Обреченная уничтожению! — воскликнул Евстигней.

Нимфодора же, смертельно раненная страстью, отзывается:

— Мой бесследно исчезающий!

Но тотчас, вполне возвратясь к жизни, предложила:

— Мы обязательно должны устроить стильный быт!

Смертяшкин уже ко многому привык и сразу понял.

— Я, — говорит, — конечно, недосыгаемо выше всех предрассудков, но, если хочешь, давай обвенчаемся в кладбищенской церкви!

— Хочу ли? О, да! И пусть все шафера тотчас после свадьбы застрелятся!

— Все, пожалуй, не пойдут на это, а Кукин может, — он уже семь раз стрелялся.

— И чтобы священник был старенький, знаешь, такой... накануне смерти.

Так, стильно мечтая, они сидели до той поры, пока из холодной могилы пространства, где погребены мириады погасших солнц и в мертвой пляске кружатся замороженные планеты, — пока в этой пустыне бездонного кладбища усопших миров не появился скорбный лик луны, угрюмо осветив землю, пожирающую все живое... Ах, это жуткое сияние умершей луны, подобное свечению гнилушек, всегда напоминает чутким сердцем, что смысл бытия — тление, тление...

Смертяшкин настолько воодушевился, что даже без особого труда стихи сочинил и прошептал их черным шепотом в ухо будущему скелету возлюбленной:

Чу, смерть стучит рукою честной:
По крышке гроба, точно в бубен!..
Я слышу зов ее так ясно
Сквозь пошлый хаос скучных буден.
Жизнь спорит с нею, — лживым кличем
Зовет людей к своим обманам;
Но мы с тобой не увеличим
Числа рабов, плененных ею!
Нас не подкупишь ложью сладкой,
Ведь знаем мы с тобою оба,
Жизнь — только миг, больной и краткий,
А смысл ее — под крышкой гроба!

— Как мертво! — восхищалась Нимфодора. — Как тупо-могильно!

Она все эти штуки превосходно понимала.

На сороковой день после этого они венчались у Николы на Тычке, в старенькой церкви, тесно окруженной самодовольными могилами переполненного кладбища. Ради стиля свидетелями брака подписались два могильщика, шаферами были заведомые кандидаты в самоубийцы; в подруги невеста выбрала трех истеричек, из которых одна уже вкушала уксусную эссенцию, другие готовились к этому и одна дала честное слово покончить с собой на девятый день после свадьбы.

А когда вышли на паперть, шафер, прыщеватый парень, изучавший на себе действие сальварсана, открыв дверь кареты, мрачно сказал:

— Вот катафалк!

Новобрачная, в белом платье с черными лентами и под черной фатой, умирала от восторга, а Смертяшкин, влажными глазами оглядывая публику, спрашивал шафера:

— Репортеры есть?

— И фотограф...

— Не шевелись, Нимфочка...

Репортеры, из уважения к поэту, оделись факельщиками, а фотограф — палачом, жители же, — им все равно, на что смотреть, было бы забавно! — жители одобряли:

— Guel snic!*

И даже какой-то вечно голодающий мужичок согласился с ними:

— Charmant!**

---

* Какой шик!

** Очаровательно!

— Да-а, — говорил Смертяшкин новобрачной за ужином в ресторане против кладбища, — мы прекрасно похоронили нашу юность! Вот именно это и называется победой над жизнью!

— Ты помнишь, что это все мои идеи? — спросила нежно Нимфодора.

— Твои? Разве?

— Конечно.

— Ну... все равно:

Я и ты — одна душа и тело!
Мы с тобой теперь навеки слиты.
Это смерть так мудро повелела.
Мы — ее рабы и сателлиты...

— Но все-таки я не позволю тебе поглотить мою индивидуальность! — очаровательно предупредила она. — И потом, сателлиты, я думаю, надо произносить два «т» и два «л»! Впрочем, сателлиты, вообще, кажутся мне не на месте...

Смертяшкин еще раз попробовал одолеть ее стихами:

Что такое наше «я»,
Смертная моя?
Нет его иль есть оно, —
Это все равно!
Будь активна, будь инертна, —
Все равно, ты не бессмертна!

— Нет, уж это надобно оставить для других, — кратко сказала она.

После длинного ряда таких и подобных столкновений у Смертяшкина случайно родилось дитя — девочка, и Нимфодора повелела:

— Люльку закажи в форме гробика!

— Не слишком ли это, Нимфочка?

— Нет уж, пожалуйста! Стиль надо сохранять строго, если ты не хочешь, чтобы критики и публика упрекнули тебя в раздвоении и неискренности...

Она оказалась очень хозяйственной дамой: сама солила огурцы, тщательно собирала все рецензии о стихах мужа и, уничтожая неодобрительные, — похвальные издавала отдельными томиками за счет поклонников поэта.

С хорошей пищи стала она женщиной дородной, глаза ее всегда туманились мечтой, возбуждая в людях мужского пола страстное желание подчиниться року.

Завела домашнего критика, жилистого мужчину, рыжего цвета, сажала его рядом с собою и, вонзая туманный взгляд прямо в сердце ему, читала нарочито гнусаво стихи мужа, убежденно спрашивая:

— Глубоко? Сильно?

Тот первое время только мычал, а потом стал ежемесячно писать пламенные статьи о Смертяшкине, который «с непостижимой углубленностью проник в бездонность той черной тайны, которую мы, жалкие, зовем Смертью, а он — полюбил чистой любовью прозрачного ребенка. Его янтарная душа не отемнилась познанием ужаса бесцельности бытия, но претворила этот ужас в тихую радость, в сладостный призыв к уничтожению той непрерывной пошлости, которую мы, слепые души, именуем Жизнью».

При благосклонной помощи рыжего, — по убеждениям он был мистик и эстет, по фамилии — Прохарчук, по профессии — парикмахер, — Нимфодора довела Евстигнейку до публичного чтения стихов: выйдет он на эстраду, развернет коленки направо—налево, смотрит на жителей белыми овечьими глазами и, покачивая угловатой головою, на которой росли разные разности мочального цвета, безучастно вещает:

В жизни мы — как будто на вокзале...
Пред отъездом в темный мир загробный...
Чем вы меньше чемоданов взяли,
Тем для вас и легче и удобней!
Будем жить бессмысленно и просто!
Будь пустым, тогда и будешь чистым.
Краток путь от люльки до погоста!
Служит Смерть для жизни машинистом!..

Браво-о! — кричат вполне удовлетворенные жители. — Спасибо-о!

И говорят друг другу:

— Ловко, шельма, доказывает, даром, что этакий обсосанный!..

Те же, кому ведомо было, что раньше Смертяшкин работал стихи для «Анонимного бюро похоронных процессий», были, конечно, и теперь уверены, что он все свои пёх ни поет для рекламы «бюро», но, будучи ко все-му одинаково равнодушны, молчали, твердо памятуя одно:

«Каждому жрать надо!»

«А может, я и в самом деле — гений! — думал Смертяшкин, слушая одобрительный рев жителей. — Ведь никто не знает, что такое гений; некоторые утверждали же, будто гении — полоумные.

....А если так...»

И при встрече со знакомыми стал спрашивать их не о здоровье, а:

— Когда умрете?

Чем и приобрел еще большую популярность среди жителей.

А жена устроила гостиную в виде склепа; диванчики поставила зелененькие, в стиле могильных холмиков, а на стенах развесила снимки с Гойя, — все с Гойя, да еще и Вюртц!

Хвастается:

— У нас даже в детской веяние Смерти ошутимо: дети спят в гробиках, няня одета схимницей, — знаете такой черный сарафан, с вышивками белым — черспа, кости и прочее, очень интересно! Евстигней, покажи дамам детскую! А мы, господа, пойдем в спальню...

И, обаятельно улыбаясь показывала убранство спальни: над кроватью в форме саркофага — черный балдахин, с серебряной бахромой; поддерживали его выточенные из дуба черепа; орнамент — маленькие скелетики играют могильными червяками.

— Евстигней, — объясняла она, — так поглощен своей идеей, что даже спит в саване...

Некоторые жители изумлялись:

— Спи-ит?

Она печально улыбалась.

А Евстигнейка был в душе парень честный и порою невольно думал:

«Уж если я — гений, то — что же уж? Критика пишет о влиянии, о школе Смертяшкина, а я... неверю я в это!»

Приходил Прохарчук, разминая мускулы, смотрел на него и спрашивал басом:

— Писал? Ты, брат, пиши больше. Остальное мы с твоей женой живо сделаем... Она у тебя хорошая женщина, и я ее люблю...

Смертяшкин и сам давно видел это, но по недостатку времени и любви к покою ничего не предпринимал против.

А то сядет Прохарчук в кресло поудобнее и рассказывает обстоятельно:

— Знал бы ты, брат, сколько у меня мозолей и каки! У самого Наполеона не было таких...

— Бедный мой! — вздыхала Нимфодора, а Смертяшкин пил кофе и думал:

«Как это правильно сказано, что для женщин и лакеев нет великих людей!».

Конечно, он, как всякий мужчина, был неправ в суждении о своей жене, — она весьма усердно возбуждала его энергию:

— Стегнышко! — любовно говорила она. — Ты, кажется, и вчера ничего не писал? Ты все чаще манкируешь талантом, милый! Иди, поработай, а я пришлю тебе кофе...

Он шел, садился к столу и неожиданно сочинял совершенно новые стихи:

Сколько пошлости и вздора
Написал я, Нимфодора,
Ради тряпок, ради шубок,
Ради шляпок, кружев, юбок!

Это его пугало, и он напоминал себе:

«Дети!»

Детей было трое. Их надо было одевать в черный бархат; каждый день, в десять часов утра, к крыльцу подавали изящный катафалк, и они ехали гулять на кладбище, — все это требовало денег.

И Смертяшкин уныло выводил строка за строкой:

Всюду жирный трупный запах
Смерть над миром пролила.
Жизнь в ее костлявых лапах,
Как овца в когтях орла.

— Видишь ли что, Стегнышко, — любовно говорила Нимфодора. — Это не совсем... как тебе сказать? Как надо сказать, Маса?

— Это — не твое, Евстигней! — говорил Прохарчук басом и с полным знанием дела. — Ты — автор «Гимнов смерти», и пиши гимны...

— Но это же новый этап моих переживаний! — возражал Смертяшкин.

— Ну, милый, ну, какие переживания? — убеждала жена. — Надобно в Ялту ехать, а ты чудишь!

— Помни, — гробовым тоном внушал Прохарчук, — что ты обещал

Прославить смерти власть
Беззлобно и покорно...

— А потом обрати внимание: «как овца в» невольно напоминает фамилию министра — Коковцев, и это может быть принято за политическую выходку! Публика глупа, политика — пошлость!

— Ну, ладно, не буду, — говорил Евстигней, — не буду! Все едино, — ерунда!

— Имей в виду, что твои стихи за последнее время вызывают недоумение не у одной твоей жены! — предупреждал Прохарчук.

Однажды Смертяшкин, глядя, как его пятилетняя дочурка Лиза гуляет в саду, написал:

Маленькая девочка ходит среди сада,
Беленькая ручка дерзко рвет цветы...
Маленькая девочка, рвать цветы не надо,
Ведь они такие же хорошие, как ты!

Маленькая девочка! Черная, немая,
За тобою следом тихо смерть идет,
Ты к земле наклонишься, косу поднимая, —
Смерть оскалит зубы и — смеется, ждет...

Маленькая девочка! Смерть и ты — как сестры;
Ты ненужно губишь яркие цветы,
А она косою острой — вечно острой! —
Убивает деток, вот таких, как ты...

— Но это же сентиментально, Евстигней, — негодуя, крикнула Нимфодора. — Помилуй, куда ты идешь? Что ты делаешь с своим талантом?

— Не хочу я больше, — мрачно заявил Смертяшкин.

— Чего не хочешь?

— Этого. Смерть, смерть, — довольно! Мне противно слово самое!

— Извини меня, но ты — дурак!

— Пускай! Никому не известно, что такое гений! А я больше не могу... К черту могильность и все это... Я — человек...

— Ах, вот как? — иронически воскликнула Нимфодора. — Ты — только человек?

— Да. И люблю все живое...

— Но современная критика доказала, что поэт не должен считаться с жизнью и вообще с пошлостью!

— Критика? — заорал Смертяшкин. — Молчи, бесстыдная женщина! Я видел, как современная критика целовала тебя за шкафом!

— Это от восхищения твоими же стихами!

— А дети у нас рыжие, — тоже от восхищения?

— Пошляк! Это может быть результатом чисто интеллектуального влияния!

И вдруг, упав в кресло, заявила:

— Ах, я не могу больше жить с тобой!

Евстигнейка и обрадовался, и в то же время испугался.

— Не можешь? — с надеждой и со страхом спросил он. — А дети?

— Пополам!

— Троих-то?

Но она стояла на своем. Потом пришел Прохарчук. Узнав, в чем дело, он огорчился и сказал Евстигнейке:

— Я думал, ты — большой человек, а ты — просто маленький мужчина!

И пошел собирать Нимфодорины шляпки. А пока он мрачно занялся этим, она говорила мужу правду:

— Ты выдохся, жалкий человек. У тебя нет больше ни таланта, ничего! Слышишь: ни-че-го!

Захлебнувшись слюной честного негодования и докончила:

— У тебя и не было ничего никогда! Если бы не я и Прохарчук — ты так всю жизнь и писал бы объявления в стихах, слизняк! Негодяй, похититель юности и красоты моей...

Она всегда в моменты возбуждения становилась красноречива.

Так и ушла она, а вскоре, под руководством и при фактическом участии Прохарчука, открыла «Институт красоты мадам Жизан из Парижа. Специальность — коренное уничтожение мозолей».

Прохарчук же, разумеется, напечатал разносную статью «Мрачный мираж», обстоятельно доказав, что у Евстигнея не только не было таланта, но что вообще можно сомневаться, существовал ли таковой поэт. Если же существовал и публика признавала его, то это —

вина торопливой, неосторожной и неосмотрительной критики.

А Евстигнейка потосковал, потосковал, и — русский человек быстро утешается! — видит: детей кормить надо!

Махнул рукой на прошлое, на всю смертельную поэзию, да и занялся старым, знакомым делом: веселые объявления для «Нового похоронного бюро» пишет, убеждая жителей:

Долго, сладостно и ярко
На земле мы любим жить,
Но придет однажды Парка
И обрежет жизни нити!

Обсудивши этот случай,
Не спеша, со всех сторон,
Предлагаем самый лучший
Материал для похорон!

Все у нас вполне блестяще,
Не истерто, не старо:
Заходите же почаще
В наше «Новое бюро»!
Могильная, 16.

Так все и возвратилось на стези своя.

Сергей Есенин

1 9 2 4

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ

Эй вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные!
Не народ, а дрохва
Подбитая!
Русь нечесаная,
Русь немытая.
Вы послушайте
Новый вольный сказ,
Нсвый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было.
А второй — про то,
Что сейчас всплыло.
Для тебя я, Русь,
Эти сказы спел,
Потому что был
И правдив и смел.
Был мастак слагать
Эти притчины,
Не боясь ничьей
Зуботычины.

* * *

Ой, во городе,
Да во Ипатьеве
При Петре было
При императоре.
Говорил слова
Непутевый дьяк:
«Уж и как у нас, ребята,
Стал быть, царь дурак.
Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак,
Строит Питер-град
На немецкий лад.
Видно, делать ему
Больше нечего.
Принялся он Русь
Онемечивать.
Бреет он князьям
Брады, усие,
Как не плакаться
Тут на Русию?
Не тужить тут как
Над судьбиною?
Непослушных он
Бьет дубиною».

* * *

Услыхал те слова
Молодой стрелец.
Хвать смутьянщика
За тугой косец.
«Ты иди, ползи,
Не кочурься, брат.
Я свезу тебя
Прямо в Питер-град.
Привезу к царю,
Кайся, сукин кот!
Кайся, сукин кот,
Что смущал народ».

* * *

По Тверской-Ямской,
Под дугою вбряк,
С колокольцами
Ехал бедный дьяк,
На четвертый день,
О полдневных пор,
Прикатил наш дьяк
Ко царю во двор.
Выходил тут царь
С высока крыльца,
Мах — дубинкою
Подозвал стрельца.
«Ты скажи, зачем
Прикатил, стрелец?
Аль с Москвы какой
Потайной гонец?» —
«Не гонец я, царь,
Не родня с Москвой.
Я всего лишь есть
Слуга верный твой.
Я привез к тебе
Бунтаря-дьяка.
У него, знать, в жисть
Не болят бока.
В кабаке на весь
На честный народ
Он позорил, царь,
Твой высокий род».

* * *

«Ну, — сказал тут Петр, —
Вылезай-кось, вошь!»
Космы дьяковы
Поднялись, как рожь.
У Петра с плеча
Сорвался кулак...
И навек задрал
Лапти кверху дьяк.
У Петра был двор,
На дворе был кол,

На колу — мочало.
Это только, ребята,
Начало.
Ой, суров наш царь,
Алексеич Петр.
Он в единый дух
Ведро пива пьет.
Курит — дым идет
На три сажени,
Во немецких одеждах
Разнаряженный.
Возговорит наш царь
Алексеич Петр:
«Подойди ко мне,
Дорогой Лефорт.
Мастер славный ты;
В Амстердаме был,
Русский царь тебе,
Как батрак, служил.
Он учился там,
Как топор держать.
Ты езжай-кось, мастер,
В Амстердам опять.
Передай ты всем
От Петра поклон
Да скажи, что сейчас
В страшной доле он.
В страшной доле я
За родную Русь...
Скоро смерть придет,
Помирать боюсь.
Помирать боюсь,
Да и жить не рад.
Кто ж теперь блюсти
Будет Питер-град?
Средь туманов сих
И цепных болот
Снится сгибший мне
Трудовой народ.
Слышу, голос мне
По ночам звенит,
Что на их костях
Лег тугой гранит.

Оттого подчас,
Обступая град,
Мертвецы встают
В строевой парад.
И кричат они,
И вопят они —
От такой кричли
Загашай огни.
Говорят слова:
«Мы всему цари!
Попадешься, Петр,
Лишь сумеи, помри.
Мы сдерем с тебя
Твой лихой чупрын,
Потому что ты
Был собачий сын.
Поблажал ты знать
Со министрами,
На крови для них
Город выстроил.
Но пускай зато
Знает каждый дом —
Мы придем еще,
Мы придем, придем!
Этот город наш,
Потому и тут
Только может жить
Лишь рабочий люд».

* * *

Смолк наш царь
Алексей Петр,
В три ручья с него
Льет холодный пот.

* * *

Слушайте, слушайте,
Вы, конечно, народ
Хороший —

Хоть метелью вас крой,
Хоть порошей.
Одним словом — миляги!
Не дадите ли
Ковшик браги?
Человеческий язык,
Чай, не птичий.
Славный вы, люди,
Придумали
Обычай.

* * *

И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете,
Что это значит?
Много было роз,
Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплавав.
И с того ль что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил,
Но с того вот дня
Да на двести лет
Дуракам—царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подземный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд.
Мы сгребем дворян
Да по плечи им,
На фонарных столбах
Перевешаем».

* * *

Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,

Подымая рябь,
Утром встал народ
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай, да славный люд!
Ай, да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют-палят?
Бьют за городом,
Бьют из-за моря.
Понимай, как хошь,
Ты, душа моя.
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я спою о них,
Как спознать сумел.

* * *

Веселись, душа
Молодецкая.
Нынче наша власть,
Власть Советская.
Офицерика,
Да голубчика
Прикокошили
Вчера в Губчека.

Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так еще
Подотрем вам нос».

* * *

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть Советская

Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут;
И Деникин здесь.
А на помог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.

* * *

Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!
Вы крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни ногой вас не взять,
Ни рязанами,
Вы гольем пошли гулять
С партизанами.
Красной Армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сыном
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать —
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать,
Чтоб шумела рожь
И овес звенел,
Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.

* * *

Ну, и как же ту злобу
Не вынашивать?
На Дону теперь поют
Не по-нашему:

«Пароход идет
Мимо пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами».
А у нас для них поют:
«Куда ты котишься?
В Вечека попадешь —
Не воротись».

* * *

От одной беды
Целых три растут, —
Вдруг над Питером
Слышен новый гуд.
Не поймет никто.
Отколь гуд идет:
«Ты не смей дремать,
Трудовой народ.
Как под Питером
Рать Юденича».
Что же делать нам
Всем теперича?
И оттуда бьют,
И отсель палят, —
Ой ты, бедный люд,
Ой ты, Питер-град!

* * *

. . . . .
Дождик лил тогда
В три погибели.
На корню дожди
Озимь выбили.
И на энтот год
Не шумела рожь,
То не жизнь была,
А в печенки нож.

. . . . .
Дождик льет и льет,

Ты терпи, терпи.
В куртке кожаной
Коммунар, не спи.

* * *

А за синим Доном,
Станицы казачьей,
В это время волк ехидный
По-кукушки плачет.
Говорит Корнилов
Казакам поречным:
«Угостите партизанов
Вишеньем картечным.
С Красной Армией Деникин
Справится, я знаю.
Расстелились наши пики
С Дона до Дунаю».

* * *

Вей сильнее и крепче,
Ветер синь-студеный.
С нами храбрый Ворошилов,
Удалой Буденный.

* * *

Если крепче жмут,
То сильнее орешь.
Мужику одно:
Не топтали б рожь,
А как пошла по ней
Тут рать Деникина —
В сотни верст легла
Прямо в нить она.
Над такой бедой
В стане белых ржут.
Валят сельский скот
И под водку жрут.

Мнут крестьянских жен,
Девок лапают.
«Так и надо вам,
Сиволапые,
Ты, мужик, прохвоет!
Сволочь, бестия!
Отплати-кось нам
За поместья.
Отплати за то,
Что ты вешал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать».

* * *

Ой ты, синяя сирень,
Голубой палисад!
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены,
Заливные луга
Не покосены.
И примят овес,
И прибита рожь, —
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

* * *

Но сильней всего
Те встревожены,
Что ночью не спят
В куртках кожаных,
Кто за бедный люд
Жить и сгибнуть рад,
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.

* * *

Там под Лиговом
Страшный бой кипит.

Питер траурный
Без огня не спит,
Миг — и вот сейчао
Враг проломит все,
И прощай мечта
Городов и сел...
Пот и кровь струит
С лиц встревоженных.
Бьют и бьют людей
В куртках кожаных.
Как снопы, лежат
Трупы по полю.
Кони в страхе ржут,
В страхе топают.
Но напор от нас
Все сильнее, сильнее;
Бьются восемь дней,
Бьются девять дней...
На десятый день
Не сдержался враг...
И пошел чесать
По кустам в овраг.
Наши взад им: «Крой!»...
Пушки бьют, палят...
Ай, да славный люд!
Ай, да Питер-град!
А за Белградом,
Окол Харькова
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.
Бедный люд в Москву
Босяком бежит.
И от стона и от рева
Вся земля дрожит.
Ищут хлеба они,
Просят милости.
Ну, и как же злобной воле
Тут не вырасти?
У околицы
Гуляй-полевой
Собиралися
Буйны головы.

Да как стали жечь,
Как давай палить,
У Деникина
Аж живот болит.

* * *

Эх ты, песня,
Песня!
Есть ли что на свете
Чудесней?
Хоть под гусли тебя пой,
Хоть под тальяночку.
Не дадите ли вы мне,
Хлопцы,
Еще баночку.
Ах, яблочко,
Цвета милого!
Бьют Деникина,
Бьют Корнилова.
Цветочек мой,
Цветик маковый.
Ты скорей, адмирал,
Отколचाкивай.
Там за степью гул,
Там за степью гром,
Каждый в битве защищает
Свой отцовский дом.
Курток кожаных
Под Донцом не счесть —
Видно, много в Петрограде
Этой масти есть.

* * *

В белом стане вопль,
В белом стане стон:
Обступает наша рать
Их со всех сторон.
В белом стане крик
В белом стане бред,

Как пожар стоит
Золотой рассвет.
И во всех кабаках
Огни светятся...
Завтра многие друг с другом
Уж не встретятся.
И все пьют за царя,
За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть.

* * *

В красном стане храп,
В красном стане смрад,
Вонь портяночная
От сапог солдат.
Завтра, еле свет,
Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

* * *

На заре, заре
В дождевой крутень,
Свистом ядерным
Мы встречали день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной
Коммунар сказал:
«Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут,
Будет крыть нас плеть,

Всем весь век тогда
В нищете корпеть».
С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул;
Громко кашлянув,
«На, — сказал он мне, —
Дома нет сапог,
Передай жене».

* * *

На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы сушили день.
Эх ты, яблочко,
Да цвету разного,
Бей того... которого...
Буржуазного.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За лошиной пруд,
А за прудом лог.
Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

* * *

Вот и кончен бой,
Машет красный флаг.
Не жалея пят,

Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел.
И сказал: «Жене
Сапоги не враз,
Я их сам теперь
Износить горазд».

* * *

Вот и кончен бой,
Тот, кто жив, тот рад
Ай, да вольный люд!
Ай, да Питер-град!
От полуночи
До синя утра
Над Невой твоей
Бродит тень Петра.
Бродит тень Петра,
Грозно хмурится
На кумачный цвет
В наших улицах.
В берег бьет вода
Пенной индewью...
Корабли плывут
Будто в Индию...

**СКАЗКА
О ПАСТУШОНКЕ ПЕТЕ,
ЕГО КОМИССАРСТВЕ
И КОРОВЬЕМ ЦАРСТВЕ**

Пастушонку Пете
Трудно жить на свете:
Тонкой хворостиной
Управлять скотиной.
Если бы корова
Понимала слово,
То жилось бы Пете
Лучше нет на свете.
Но коровы в спуске

На траве у леса,
Говоря по-русски,
Смыслят ни бельмеса.
Им бы лишь мычалось,
Да трава качалась, —
Трудно жить на свете
Пастушонку Пете.
Хорошо весною
Думать под сосною,
Улыбаясь в дреме,
О родимом доме.
Май все хорошеет,
Ели все игольчей;
На коровьей шее
Плачет колокольчик.
Плачет и смеется
На цветы и травы,
Голос раздается
Звоном средь дубравы.
Пете пастушонку
Голоса не новы, —
Он найдет сторонку,
Где звенят коровы,
Соберет всех в кучу,
На село отгонит,
Не получит взбучу —
Чести не уронит.
Любо хворостиной
Управлять скотиной —
В ночь у перелесиц
Спи и плюй на месяц.

* * *

Ну, а если лето —
Песня плохо спета.
Слишком много дела —
В поле рожь поспела.
Ах, уж не с того ли
Дни похорошели, —
Все колосья в поле,
Как лебяжьи шеи.

Но беда на свете
Каждый час готова.
Зазевался Петя, —
В рожь зайдет корова.
А мужик, как взглянет,
Разведет ручишей
Да как в спину втянет
Прямо кнутовищей.
Тяжко хворостиной
Управлять скотиной.

* * *

Вот приходит осень
С цепью кленов голых,
Что шумит, как восемь
Чертенят веселых.
Мокрый лист с осины
И дорожных ивок
Так и хлещет в спину,
В спину и в загривок.
Елка ли, кусток ли,
Только вплоть до кожи
Сапоги промокли,
Одежонка — тоже.
Некому открыться,
Весь как есть пропащий,
Вспуганная птица
Улетает в чашу.
И дрожишь полсутки
То душой, то телом.
Рассказать бы утке —
Утка улетела.
Рассказать дубровам —
У дубровы опадь.
Рассказать коровам —
Им бы только лопать.
Нет, никто на свете
На обмокшем спуске
Пастушонка Петю
Не поймет по-русски.
Трудно хворостиной
Управлять скотиной.

Мыслит Петя с жаром:
 То ли дело в мире
 Жил он комиссаром
 На своей квартире.
 Знал бы все он сроки,
 Был бы всех речистей,
 Собирал оброки
 Да дороги чистил.
 А по вязкой грязи,
 По осенней тряске
 Ездил в каждом разе
 В волостной коляске.
 И приснился Пете
 Страшный сон на свете.
 Все доступно в мире, —
 Петя комиссаром
 На своей квартире
 С толстым самоваром.
 Чай пьет на террасе,
 Ездит в тарантасе.
 Лучше нет на свете
 Жизни, чем у Пети.
 Но всегда не даром
 Служат комиссаром:
 Нужно знать все сроки,
 Чтоб собирать оброки.
 Чай, конечно, сладок,
 А с вареньем дважды,
 Но блюсти порядок
 Может, да не каждый.
 Нужно знать законы,
 Ну, а где же Пете?
 Он еще иконы
 Держит в волсовете.
 А вокруг совета
 В дождь и непогоду
 С самого рассвета
 Уймище народу.
 Наш народ ведь голый,
 Что ни день, то с требой
 То построй им школу,

То давай им хлеба.
Кто им наморочил?
Кто им накудахтал?
Отчего-то очень
Стал им нужен трактор.
Ну, а где же Пете?
Он ведь пас скотину —
Понимал на свете
Только хворостину.
А народ суровый
В ропоте и гаме
Хуже, чем коровы,
Хуже и упрямей.
С эдаким товаром
Дрянь быть комиссаром.
Взяли раз Петрушу
За живот, за душу,
Бросили в коляску
Да как дали таску...
.
.
.
.
.
.
.
Тут проснулся Петя,
Сладко жить на свете!

* * *

Встал, а день что надо, —
Солнечный, звенящий,
Легкая прохлада
Овевает чащи.
Петя с кротким словом
Говорит коровам:
«Не хочу и даром
Быть я комиссаром».
А над ним береза,
Веткой утираясь,
Говорит сквозь слезы,
Тихо улыбаясь:
«Тяжело на свете
Быть для всех примером.
Будь ты лучше, Петя,
Раньше пионером».

* * *

Малышам в острастку.
В мокрый день осенний,
Написал ту сказку
Я — Сергей Есенин.

И. Бабель

МОЙ ПЕРВЫЙ ГУСЬ

Савицкий, начдив шесть, встал, завидев меня, и я удивился красоте гигантского его тела. Он встал и пурпуром своих рейтуз, малиновой шапочкой, сбитой набок, орденами, вколоченными в грудь, разрезал избу пополам, как штандарт разрезает небо. От него пахло духами и приторной прохладой мыла. Длинные ноги его были похожи на девушек, закованных до плеч в блестящие ботфорты.

Он улынулся мне, ударил хлыстом по столу и потянул к себе приказ, только что отдиктованный начальником штаба. Это был приказ Ивану Чеснокову выступить с вверенным ему полком в направлении Чугунов—Добрыводка и, войдя в соприкосновение с неприятелем, такового уничтожить...

«...Какое уничтожение, — стал писать начдив и измазал весь лист, — возлагаю на ответственность того же Чеснокова вплоть до высшей меры, которого и шлепну на месте, в чем вы, товарищ Чесноков, работая со мною на фронте не первый месяц, не можете сомневаться...»

Начдив шесть подписал приказ с завитушкой, бросил его ординарцам и повернул ко мне серые глаза, в которых танцевало веселье.

Я подал ему бумагу о прикомандировании меня к штабу дивизии.

— Провести приказом! — сказал начдив. — Провести приказом и зачислить на всякое удовольствие, кроме переднего. Ты грамотный?

— Грамотный, — ответил я, завидуя железу и цветам этой юности, — кандидат прав Петербургского университета...

— Ты из киндербальзамов, — закричал он, смеясь, — и очки на носу. Какой паршивенький!.. Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки. Поживешь с нами, што ль?

— Поживу, — ответил я и пошел с квартирьером на село искать ночлег.

Квартирьер нес на плечах мой сундучок, деревенская улица лежала перед нами, круглая и желтая, как тыква, умирающее солнце испускало на небе свой розовый дух.

Мы подошли к хате с расписными венцами, квартирьер остановился и сказал вдруг с виноватой улыбкой:

— Канитель тут у нас с очками, и унять нельзя. Человек высшего отличия — из него здесь душа вон. А испортить вы даму, самую чистенькую даму, тогда вам от бойцов ласка...

Он помялся с моим сундучком на плечах, подошел ко мне совсем близко, потом отскочил в отчаянии и побежал в первый двор. Казаки сидели там на сене и брили друг друга.

— Вот, бойцы, — сказал квартирьер и поставил на землю мой сундучок. — Согласно приказания товарища Савицкого, обязаны вы принять этого человека к себе в помещение и без глупостей, потому этот человек пострававший по ученой части...

Квартирьер побагровел и ушел, не оборачиваясь. Я приложил руку к козырьку и отдал честь казакам. Молодой парень с льяным висячим волосом и прекрасным рязанским лицом подошел к моему сундучку и выбросил его за ворота. Потом он повернулся ко мне задом и с особенной споровкой стал издавать постыдные звуки.

— Орудия номер два нуля, — крикнул ему казак постарше и засмеялся, — крой беглым...

Парень истощил свое умение и отошел. Тогда, ползая по земле, я стал собирать рукописи и дырявые мон

обноски, вывалившиеся из сундучка. Я собрал их и отнес на другой конец двора. У хаты, на кирпичиках, стоял котел, в нем варилась свинина, она дымилась, как дымится издалека родной дом в деревне, и путала во мне голод с одиночеством без примера. Я покрыл сеном разбитый мой сундучок, сделал из него изголовье и лег на землю, чтобы прочесть в «Правде» речь Ленина на Втором конгрессе Коминтерна. Солнце падало на меня из-за зубчатых пригорков, казаки ходили по моим ногам, парень потешался надо мной без устали, излюбленные строчки шли ко мне тернистою дорогой и не могли дойти. Тогда я отложил газету и пошел к хозяйке, сучившей пряжу на крыльце.

— Хозяйка, — сказал я, — мне жрать надо...

Старуха подняла на меня разлившиеся белки полуослепших глаз и опустила их снова.

— Товарищ, — сказала она, помолчав, — от этих дел я желаю повеситься.

— Господа бога душу мать, — пробормотал я тогда с досадой и толкнул старуху кулаком в грудь, — толковать тут мне с вами...

И, отвернувшись, я увидел чужую саблю, валяющуюся неподалеку. Строгий гусь шатался по двору и безмятежно чистил перья. Я догнал его и пригнул к земле, гусятная голова треснула под моим сапогом, треснула и потекла. Белая шея была разостлана в навозе и крылья заходили над убитой птицей.

— Господа бога душу мать! — сказал я, копаясь в гусе саблей. — Изжарь мне его, хозяйка.

Старуха, блестя слепотой и очками, подняла птицу, завернула ее в передник и потащила к кухне.

— Товарищ, — сказала она, помолчав, — я желаю повеситься, — и закрыла за собой дверь.

А на дворе казаки сидели уже вокруг своего котелка. Они сидели неподвижно, прямые, как жрецы, и не смотрели на гуся.

— Парень нам подходящий, — сказал обо мне один из них, мигнул и зачерпнул ложкой щи.

Казаки стали ужинать со сдержанным изяществом мужиков, уважающих друг друга, а я вытер саблю песком, вышел за ворота и вернулся снова, томясь. Луна висела над двором, как дешевая серьга.

— Братишка, — сказал мне вдруг Суровков, стар-

ший из казаков, садись с нами снестать, покеле твой гусь доспеет...

Он вынул из сапога запасную ложку и подал ее мне. Мы похлебали самодельных щей и съели свинину.

— В газете-то что пишут? — спросил парень с льяным волосом и опростал мне место.

— В газете Ленин пишет, — сказал я, вытаскивая «Правду», — Ленин пишет, что во всем у нас недо-стача...

И громко, как торжествующий глухой, я прочитал казакам ленинскую речь.

Вечер завернул меня в живительную влагу сумеречных простынь, вечер приложил материнские ладони к пылающему моему лбу.

Я читал и ликовал и подстерегал, ликуя, таинственную кривую ленинской прямой.

— Правда всякую ноздрю щекочет, — сказал Суровков, когда я кончил, — да как ее из кучи вытащить, а он бьет сразу, как курица по зерну.

Это сказал о Ленине Суровков, взводный штабного эскадрона, и потом мы пошли спать на сеновал. Мы спали шестеро там, согреваясь друг от друга, с перепутанными ногами, под дырявой крышей, пропускавшей звезды.

Я видел сны, и женщин во сне, и только сердце мое, обогренное убийством, скрипело и текло.

КОМБРИГ ДВА

Буденный в красных штанах с серебряным лампасом стоял у дерева. Только что убили комбрига два. На его место командарм назначил Колесникова.

Час тому назад Колесников был командиром полка. Неделью тому назад Колесников был командиром эскадрона.

Нового бригадного вызвали к Буденному. Командарм ждал его, стоя у дерева. Колесников приехал с Алмазовым, своим комиссаром.

— Жмет нас гад, — сказал командарм с ослепительной своей усмешкой. — Победим или подохнем. Иначе — никак. Понял?

— Понял, — ответил Колесников, выпучив глаза.

— А побежишь — расстреляю, — сказал командарм, улыбнулся и отвел глаза в сторону начальника особого отдела.

— Слушаю, — сказал начальник особого отдела.

— Катись, Колесо! — бодро крикнул какой-то казак со стороны.

Буденный стремительно повернулся на каблуках и отдал честь новому комбригу. Тот растопырил у козырька пять красных юношеских пальцев, вспотел и ушел по распаханной меже. Лошади ждали его в ста саженьях. Он шел, опустив голову, и с томительной медленностью перебирал кривыми, длинными ногами. Пылающие закаты разлились над ним, малиновое и неправдоподобное, как надвигающаяся смерть.

И вдруг на распростершейся земле, на развороченной и желтой нагоде полей мы увидели ее одну — узкую спину Колесникова с болтающимся руками и упавшей головой в сером картузе.

Ординарец подвел ему коня.

Он вскочил в седло и поскакал к своей бригаде, не оборачиваясь. Эскадроны ждали его у большой дороги, у Бродского шляха.

Стонущее «ура», разорванное ветром, доносилось до нас.

Наведя бинокль, я увидел комбрига, вертевшегося на лошади в столбах густой пыли.

— Колесников повел бригаду, — сказал наблюдатель, сидевший над нашими головами на дереве.

— Есть, — ответил Буденный, закурил папиросу и закрыл глаза.

«Ура» смолкло. Канонада задохлась. Ненужная шрапнель лопнула над лесом. И мы услышали великое безмолвие рубки.

— Душевный малый, — сказал командарм, вставая. — Ищет чести. Надо полагать — вытянет.

И, потребовав лошадей, Буденный уехал к месту боя. Штаб двинулся за ним.

Колесникова мне довелось увидеть в тот же вечер, через час после того, как поляки были уничтожены. Он ехал впереди своей бригады, один, на буланом жеребце и дремал. Правая рука его висела на перевязи. В десяти

шагах от него конный казак вез развернутое знамя. Головной эскадрон лениво напевал похабные куплеты. Бригада тянулась пыльная и бесконечная, как крестьянские возы на ярмарку. В хвосте пытели устлые оркестры.

В тот вечер в посадке Колесникова я увидел властительное равнодушие татарского хана и распознал выучку прославленного Книги, своевольного Павличенки, пленительного Савицкого.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛОШАДИ

Савицкий, наш начдив, забрал когда-то у Хлебникова, командира первого эскадрона, белого жеребца. Это была лошадь пышного экстерьера, но с сырыми формами, которые мне тогда казались тяжеловатыми. Хлебников получил взамен вороную кобыленку неплохих кровей, с гладкой рысью. Но он держал кобыленку в черном теле, жаждал мести, ждал своего часу и дождался его.

После июльских боев, когда Савицкого сместили и заслали в резерв тылов командного запаса, Хлебников написал в штаб армии прошение о возвращении ему лошади. Начальник штаба наложил на прошение резолюцию: «Возвратить изложенного жеребца в первобытное состояние», и Хлебников, ликуя, сделал сто верст для того, чтобы найти Савицкого, жившего тогда в Радзивиллове, в изувеченном городишке, похожем на оборванную салопницу. Он жил один, смещенный начдив, лизуны из штабов не узнавали его больше. Лизуны из штабов удили жареных куриц в улыбках командарма, и, холопствуя, они отвернулись от прославленного начдива.

Облитый духами и похожий на Петра Великого, он жил в опале, с казачкой Павлой, отбитой им у еврея-интенданта, и с двадцатью кровными лошадьми, которых мы считали его собственностью. Солнце на его дворе напиралось и томилось слепотой своих лучей, жеребята на его дворе бурно сосали маток, конюхи с взмокшими спинами просеивали овес на выцветших веялках. Израненный истиной и ведомый местью, Хлебников шел напрямик к забаррикадированному двору.

— Личность моя вам знакома? — спросил он у Савицкого, лежавшего на сене.

— Видал я тебя как будто, — ответил Савицкий и зевнул.

— Тогда получайте резолюцию начштаба, — сказал Хлебников твердо, — и прошу вас, товарищ из резерва, посмотреть на меня официальным глазом...

— Можно, — примирительно пробормотал Савицкий, взял бумагу и стал читать ее необыкновенно долго. Потом он позвал вдруг казачку, чесавшую себе волосы в холодку, под навесом.

— Павла, — сказал он, — с утра, слава тебе, господи, чешемся... Направила бы самоварчик...

Казачка отложила гребень и, взяв в руки волосы, перебросила их за спину.

— Целый день сегодня, Константин Васильевич, цепляемся, — сказала она с ленивой и повелительной усмешкой, — то того вам, то другого...

И она пошла к начдиву, неся грудь на высоких башмаках, грудь, шевелившуюся, как животное в мешке.

— Целый день цепляемся, — повторила женщина, сияя, и застегнула начдиву рубаху на груди.

— То этого мне, а то того, — засмеялся начдив, вставая, обнял Павлины отдавшиеся плечи и обернул вдруг к Хлебникову помертвевшее лицо.

— Я еще живой, Хлебников, — сказал он, обнимаясь с казачкой, — еще ноги мои ходят, еще кони мои скачут, еще руки мои тебя достанут и пушка моя греется около моего тела...

Он вынул револьвер, лежавший у него на голом животе, и подступил к командиру первого эскадрона,

Тот повернулся на каблуках, шпоры его застонали, он вышел со двора, как ординарец, получивший эстафету, и снова сделал сто верст для того, чтобы найти начальника штаба, но тот прогнал от себя Хлебникова.

— Твое дело командир, решенное, — сказал начальник штаба. — Жеребец тебе мною возвращен, а докуки мне без тебя хватает...

Он не стал слушать Хлебникова и возвратил, наконец, первому эскадрону сбежавшего командира. Хлебников целую неделю был в отлучке. За это время нас перегнали на стоянку в Дубенские леса. Мы разбили там палатки и жили хорошо. Хлебников вернулся, я помню, в воскресенье утром, двенадцатого числа. Он потребовал у меня бумаги больше дести и чернил.

Казак обстрегал ему пень, он положил на пень револьвер и бумаги и писал до вечера, перемарывая множество листов.

— Чистый Карл Маркс, — сказал ему вечером военком эскадрона. — Чего ты пишешь, хрен с тобою?

— Описываю разные мысли согласно присяги, — ответил Хлебников и подал военному заявление о выходе из коммунистической партии большевиков.

«Коммунистическая партия, — было сказано в этом заявлении, — основана, палагаю, для радости и твердой правды без предела и должна также осматриваться на малых. Теперь коснусь до белого жеребца, которого я отбил у неимоверных по своей контре крестьян, имевший захудалый вид, и многие товарищи беззастенчиво надсмехались над этим видом, но я имел силы выдержать тот резкий смех и, сжав зубы за общее дело, выходил жеребца до желаемой перемены, потому я есть, товарищи, до серых коней охотник и положил на них силы, в малом количестве оставшиеся мне от империалистической и гражданской войны, и таковые жеребцы чувствуют мою руку, и я также могу чувствовать его бессловесную нужду и что ему требуется, но несправедливая вороная кобылица мне без надобности, я не могу ее чувствовать и не могу ее переносить, что все товарищи могут подтвердить, как бы не дошло до беды. И вот партия не может мне возворотить, согласно резолюции, мое кровное, то я не имею выхода, как писать это заявление со слезами, которые не подобают бойцу, но текут бесперечь и секут сердце, засекая сердце в кровь...»

Вот это и еще много другого было написано в заявлении Хлебникова. Он писал его целый день, и оно было очень длинно. Мы с военкомом бились над ним с час и разобрали до конца.

— Вот и дурак, — сказал военком, разрывая бумагу, — приходи после ужина, будешь иметь беседу со мной.

— Не надо мне твоей беседы, — ответил Хлебников, вздрагивая, — проиграл ты меня, военком.

Он стоял, сложив руки по швам, дрожал, не сходя с места, и озирался по сторонам, как будто примериваясь, по какой дороге бежать. Военком подошел к

нему вплотную, но не доглядел. Хлебников рванулся и побежал изо всех сил.

— Проиграл! — закричал он дико, влез на пень и стал обрывать на себе куртку и царапать грудь.

— Бей, Савицкий, — закричал он, падая на землю, — бей враз.

Мы потащили его в палатку, казаки нам помогли. Мы вскипятили ему чай и набили папирос. Он курил и все дрожал. И только к вечеру успокоился наш командир. Он не заговаривал больше о сумасбродном своем заявлении, но через неделю поехал в Ровно, освидетельствовался во врачебной комиссии и был демобилизован как инвалид, имеющий шесть поранений.

Так лишились мы Хлебникова. Я был этим опечален, потому что Хлебников был тихий человек, похожий на меня характером. У него одного в эскадроне был самовар. В дни затишья мы пили с ним горячий чай. Нас потрясли одинаковые страсти. Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ОДНОЙ ЛОШАДИ

Четыре месяца тому назад Савицкий, бывший наш начдив, забрал у Хлебникова, командира первого эскадрона, белого жеребца. Хлебников ушел тогда из армии, а сегодня Савицкий получил от него письмо.

Хлебников — Савицкому

«И никакой злобы на Буденную армию больше иметь не могу, страдания мои посередь той армии понимаю и содержу их в сердце чище святыни. А вам, товарищ Савицкий, как всемирному герою, трудящаяся масса Витебщины, где нахожусь председателем уревкома, шлет пролетарский клич — «Даешь мировую революцию!» — и желает, чтобы тот белый жеребец ходил под вами долгие годы по мягким тропкам для пользы всеми любимой свободы и братских республик, в которых осо-

бенный глаз должны мы иметь за властью на местах и за волостными единицами в административном отношении...».

Савицкий — Хлебникову

«Неизменный товарищ Хлебников! Которое письмо ты написал для меня, то оно очень похвально для общего дела, тем более сказать, после твоей дурости, когда ты застелил глаза собственной шкурой и выступил из коммунистической нашей партии большевиков. Коммунистическая наша партия есть, товарищ Хлебников, железная шеренга бойцов, отдающих кровь в первом ряду, и когда из железа вытекает кровь, то это вам, товарищ, не шутка, а победа или смерть. То же самое относительно общего дела, которого не дожидаяю увидеть расцвет, так как бои тяжелые и командный состав сменяю в две недели раз. Тридцатые сутки бьюсь арьергардом, заграждая непобедимую Первую Конную и находясь под действительным ружейным, артиллерийским и аэропланным огнем неприятеля. Убит Тардый, убит Лухманников, убит Лыкошенко, убит Гулевой, убит Трунов, и белого жеребца нет подо мной, так что согласно перемене военного счастья не дожидаяю увидеть любимого начдива Савицкого, товарищ Хлебников, а увидимся, прямо сказать, в царствии небесном, но, как по слухам, у старика на небесах не царствие, а бордель по всей форме, а трипперов и на земле хватает, то может, и не увидимся. С тем прощай, товарищ Хлебников».

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ В ОДЕССЕ

Начал я.

— Реб Арье-Лейб, — сказал я старику, — поговорим о Бене Крике. Поговорим о молниеносном его начале и ужасном конце. Три тени загромождают пути моего воображения. Вот Фроим Грач. Сталь его поступков — разве не выдержит она сравнения с силой Короля? Вот Колька Паковский. Бешенство этого человека содержало в себе все, что нужно для того, чтобы властвовать. И неужели Хаим Дронг не сумел различить блеск но-

вой звезды? Но почему же один Беня Крик взлез на вершину веревочной лестницы, а все остальные повисли внизу, на шатких ступенях?

Реб Арье-Лейб молчал, сидя на кладбищенской стене. Перед нами расстилалось зеленое спокойствие могил. Человек, жаждущий ответа, должен запастись терпением. Человеку, обладающему знанием, приличествует важность. Поэтому Арье-Лейб молчал, сидя на кладбищенской стене. Наконец, он сказал:

— Почему он? Почему не они, хотите вы знать? Так вот — забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень. Перестаньте скандалить за вашим письменным столом и заикаться на людях. Представьте себе на мгновение, что вы скандалите на площадях и заикаетесь на бумаге. Вы тигр, вы лев, вы кошка. Вы можете переночевать с русской женщиной, и русская женщина останется вами довольна. Вам двадцать пять лет. Если бы к небу и к земле были приделаны кольца, вы схватили бы эти кольца и притянули бы небо к земле. А папаша у вас биндюжник Мендель Крик. Об чем думает такой папаша? Он думает об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде, об своих конях — и ничего больше. Вы хотите жить, а он заставляет вас умирать двадцать раз на день. Что сделали бы вы на месте Бени Крика? Вы ничего бы не сделали. А он сделал. Поэтому он Король, а вы держите фигу в кармане.

Он — Бенчик — пошел к Фроиму Грачу, который тогда уже смотрел на мир одним только глазом и был тем, что он есть. Он сказал Фроиму:

— Возьми меня. Я хочу прибиться к твоему берегу. Тот берег, к которому я прибьюсь, будет в выигрыше.

Грач спросил его:

— Кто ты, откуда ты идешь и чем ты дышишь?

— Попробуй меня, Фроим, — ответил Беня, — и перестанем размазывать белую кашу по чистому столу.

— Перестанем размазывать кашу, — ответил Грач, — я тебя попробую.

И налетчики собрали совет, чтобы подумать о Бене Крике. Я не был на этом совете. Но говорят, что они собрали совет. Старшим был тогда покойный Левка Бык

— Что у него делается под шапкой, у этого Бенчика? — спросил покойный Бык.

И одноглазый Грач сказал свое мнение:

— Беня говорит мало, но он говорит смачно. Он говорит мало, но хочется, чтобы он сказал еще что-нибудь.

— Если так, — воскликнул покойный Левка, — тогда попробуем его на Тартаковском.

— Попробуем его на Тартаковском, — решил совет, и все, в ком еще квартировала совесть, покраснели, услышав это решение. Почему они покраснели? Вы узнаете об этом, если пойдете туда, куда я вас поведу.

Тартаковского называли у нас «полтора жида» или «девять налетов». «Полтора жида» называли его потому, что ни один еврей не мог вместить в себе столько дерзости и денег, сколько было у Тартаковского. Ростом он был выше самого высокого городского в Одессе, а весу имел больше, чем самая толстая еврейка. А «девятью налетами» прозвали Тартаковского потому, что фирма Левка Бык и компания произвели на его контору не восемь и не десять налетов, а именно девять. На долю Бени, который не был тогда еще Королем, выпала честь совершить на «полтора жида» десятый налет. Когда Фроим передал ему об этом, он сказал «да» и вышел, хлопнув дверью. Почему он хлопнул дверью? Вы узнаете об этом, если пойдете туда, куда я вас поведу.

У Тартаковского душа убийцы, но он наш. Он вышел из нас. Он наша кровь. Он наша плоть, как будто одна мама нас родила. Пол-Одессы служит в его лавках. И он пострадал через своих же молдаванских. Два раза они выкрадывали его для выкупа, и однажды во время погрома его хоронили с певчими. Слободские громилы били тогда евреев на Большой Арнаутской. Тартаковский убежал от них и встретил похоронную процессию с певчими на Софийской. Он спросил:

— Кого это хоронят с певчими?

Прохожие ответили, что это хоронят Тартаковского. Процессия дошла до Слободского кладбища. Тогда наши вынули из гроба пулемет и начали сыпать по слободским громилам. Но «полтора жида» этого не предвидел. «Полтора жида» испугался до смерти. И какой хозяин не испугался бы на его месте?

Десятый налет на человека, уже похороненного однажды, это был грубый поступок. Беня, который еще не был тогда Королем, понимал это лучше всякого другого. Но он сказал Грачу «да» и в тот же день написал Тартаковскому письмо, похожее на все письма в этом роде:

«Многоуважаемый Рувим Осипович! Будьте настолько любезны положить к субботе под бочку с дождевой водой... и так далее. В случае отказа, как вы это себе в последнее время стали позволять, вас ждет большое разочарование в вашей семейной жизни. С почтением знакомый вам Бенцион Крик».

Тартаковский не поленился и ответил без промедления.

«Беня! Если бы ты был идиот, то я бы написал тебе как идиоту. Но я тебя за такого не знаю, и упаси боже тебя за такого знать. Ты, видно, представляешься мальчиком. Неужели ты не знаешь, что в этом году в Аргентине такой урожай, что хоть завались, и мы сидим с нашей пшеницей без почина?.. И скажу тебе, положая руку на сердце, что мне надоело на старости лет кушать такой горький кусок хлеба и переживать эти неприятности после того, как я отработал всю жизнь, как последний ломовик. И что же я имею после этих бессрочных каторжных работ? Язвы, болячки, хлопоты и бессонницу. Брось этих глупостей, Беня. Твой друг, гораздо больше, чем ты это предполагаешь, — *Рувим Тартаковский*».

«Полтора жида» сделал свое. Он написал письмо. Но почта не доставила письмо по адресу. Не получив ответа, Беня рассерчал. На следующий день он явился с четырьмя друзьями в контору Тартаковского. Четыре юноши в масках и с револьверами ввалились в комнату.

— Руки вверх! — сказали они и стали махать пистолетами.

— Работай спокойнее, Соломон, — заметил Беня одному из тех, кто кричал громче других, — не имей эту привычку быть нервным на работе, — и, оборотившись к приказчику, белому, как смерть, и желтому, как глина, он спросил его:

— «Полтора жида» в заводе?

— Их нет в заводе, — ответил приказчик, фамилия

которого была Мугинштейн, а по имени он звался Иосиф и был холостым сыном тети Песи, куриной торговки с Серединской площади.

— Кто будет здесь, наконец, за хозяина? — стали допрашивать несчастного Мугинштейна.

— Я здесь буду за хозяина, — сказал приказчик, зеленый, как зеленая трава.

— Тогда отчини нам, с божьей помощью, кассу! — приказал ему Беня, и началась опера в трех действиях.

Нервный Соломон складывал в чемодан деньги, бумаги, часы и монограммы; покойник Иосиф стоял перед ним с поднятыми руками, и в это время Беня рассказывал истории из жизни еврейского народа.

— Коль раз он разыгрывает из себя Ротшильда, — говорил Беня о Тартаковском, — так пусть он горит огнем. Объясни мне, Мугинштейн, как другу: вот получает он от меня деловое письмо; отчего бы ему не сесть за пять копеек на трамвай и не подъехать ко мне на квартиру и не выпить с моей семьей стопку водки и закусить чем бог послал? Что мешало ему выговорить передо мной душу? «Беня, — пусть бы он сказал, — так и так, вот тебе мой баланс, повремени мне пару дней, дай вздохнуть, дай мне развести руками». Что бы я ему ответил? Свинья со свиньей не встречается, а человек с человеком встречается. Мугинштейн, ты меня понял?

— Я вас понял, — сказал Мугинштейн и солгал, потому что совсем ему не было понятно, зачем «полтора жида», почтенный богач и первый человек, должен был ехать на трамвае закусывать с семьей биндюжника Менделя Крика.

А тем временем несчастье шлялось под окнами, как нищий на заре. Несчастье с шумом ворвалось в контору. И хотя на этот раз оно приняло образ еврея Савки Буциса, но оно было пьяно, как водовоз.

— Го-гу-го, — закричал еврей Савка, — прости меня, Бенчик, я опоздал, — и он затопал ногами и стал махать руками. Потом он выстрелил, и пуля попала Мугинштейну в живот.

Нужны ли тут слова? Был человек и нет человека. Жил себе невинный холостяк, как птица на ветке, — и вот он погиб через глупость. Пришел еврей, похожий на

матроса, и выстрелил не в какую-нибудь бутылку с сюрпризом, а в живот человека. Нужны ли тут слова?

— Тикать с конторы, — крикнул Бенья и побежал последним. Но, уходя, он успел сказать Буцису:

— Клянусь гробом моей матери, Савка, ты ляжешь рядом с ним...

Теперь скажите мне вы, молодой господин, режущий купоны на чужих акциях, как поступили бы вы на месте Бени Крика? Вы не знаете, как поступить. А он знал. Поэтому он Король, а мы с вами сидим на стене второго еврейского кладбища и отгораживаемся от солнца ладонями.

Несчастный сын тети Песи умер не сразу. Через час после того, как его доставили в больницу, туда явился Бенья. Он велел вызвать к себе старшего врача и сиделку и сказал им, не вынимая рук из кремовых штанов:

— Я имею интерес, — сказал он, — чтобы больной Иосиф Мугинштейн выздоровел. Представляюсь на всякий случай — Бенцион Крик. Камфору, воздушные подушки, отдельную комнату — давать с открытой душой. Если нет, то на всякого доктора, будь он даже доктором философии, приходится не более трех аршин земли.

И все же Мугинштейн умер в ту же ночь. И тогда только «полтора жида» поднял крик на всю Одессу.

— Где начинается полиция, — вопил он, — и где кончается Бенья?

— Полиция кончается там, где начинается Бенья, — отвечали резонные люди, но Тартаковский не успокаивался, и он дождался того, что красный автомобиль с музыкальным ящиком проиграл на Серединой площади свой первый марш из оперы «Смейся, паяц». Среди бела дня машина подлетела к домику, в котором жила тетя Песя.

Автомобиль гремел колесами, плевался дымом, сиял медью, вонял бензином и играл арии на своем сигнальном рожке. Из автомобиля выскочил некто и прошел в кухню, где на земляном полу билась маленькая тетя Песя. «Полтора жида» сидел на стуле и махал руками.

— Хулиганская морда, — прокричал он, увидя гостя, — бандит, чтобы земля тебя выбросила! Хорошую моду себе взял — убивать живых людей...

— Мосье Тартаковский, — ответил ему Беня Крик тихим голосом, — вот идут вторые сутки, как я плачу за дорогим покойником, как за родным братом. Но я знаю, что вы плевать хотели на мои молодые слезы. Стыд, мосье Тартаковский, — в какой несгорасмый шкаф упрятали вы стыд? Вы имели сердце послать матери нашего покойного Иосифа сто жалких карбованцев. Мозг вместе с волосами поднялся у меня дыбом, когда я услышал эту новость.

Тут Беня сделал паузу. На нем был шоколадный пиджак, кремовые штаны и малиновые штиблеты.

— Десять тысяч единовременно, — заревел он, — десять тысяч единовременно и пенсию до ее смерти, пусть она живет сто двадцать лет. А если нет, тогда выйдем из этого помещения, мосье Тартаковский, и сядем в мой автомобиль...

Потом они бранились друг с другом. «Полтора жид» бранился с Беней. Я не был при этой ссоре. Но те, кто были, те помнят. Они сошлись на пяти тысячах наличными и пятидесяти рублях ежемесячно.

— Тетя Песя, — сказал тогда Беня всклокоченной старушке, валявшейся на полу, — если вам нужна моя жизнь, вы можете получить ее, но ошибаются все, даже бог. Вышла громадная ошибка, тетя Песя. Но разве со стороны бога не было ошибкой поселить евреев в России, чтобы они мучились, как в аду? И чем было бы плохо, если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озера, гористый воздух и сплошные французы? Ошибаются все, даже бог. Слушайте меня ушами, тетя Песя. Вы имете пять тысяч на руки и пятьдесят рублей в месяц до вашей смерти, — живите сто двадцать лет. Похороны Иосифа будут по первому разряду: шесть лошадей, как шесть львов, две колесницы с венками, хор из Бродской синагоги, сам Миньковский придет отпевать покойного вашего сына...

И похороны состоялись на следующее утро. О похоронах этих спросите у кладбищенских нищих. Спросите о них у шамесов из синагоги, торговцев кошерной птицей или у старух из второй богадельни. Таких похорон Одесса еще не видала, а мир не увидит. Городовые в этот день одели нитяные перчатки. В синагогах, увитых зеленью и открытых настежь, горело электричество. На

белых лошадях, запряженных в колесницу, качались черные плюмажи. Шестьдесят певчих шли впереди процессии. Певчие были мальчиками, но они пели женскими голосами. Старосты синагоги торговцев кошерной птицей вели тетю Песю под руки. За старостами шли члены общества приказчиков евреев, а за приказчиками евреями — присяжные поверенные, доктора медицины и акушерки-фельдшерицы. С одного бока тети Песи находились куриные торговки со Старого базара, а с другого бока находились почетные молочницы с Бугаевки, завороченные в оранжевые шали. Они топали ногами, как жандармы на параде в табельный день. От их широких бедер шел запах моря и молока. И позади всех плелись служащие Рувима Тартаковского. Их было сто человек, или двести, или две тысячи. На них были черные сюртуки с шелковыми лацканами и новые сапоги, которые скрипели, как поросята в мешке.

И вот я буду говорить, как говорил господь на горе Синайской из горящего куста. Кладите себе в уши мои слова. Все, что я видел, я видел своими глазами, сидя здесь, на стене второго кладбища, рядом с шепелявым Мойсейкой и Шимшоном из погребальной конторы. Видел это я, Арье-Лейб, гордый еврей, живущий при покойниках.

Колесница подъехала к кладбищенской синагоге. Гроб поставили на ступени. Тетя Песя дрожала, как птичка. Кантор вылез из фаэтона и начал панихиду. Шестьдесят певчих вторили ему. И в эту минуту красный автомобиль вылетел из-за поворота. Он проиграл «Смейся паяц» и остановился. Люди молчали как убитые. Молчали деревья, певчие, нищие. Четыре человека вылезли из-под красной крыши и тихим шагом поднесли к колеснице венок из невиданных роз. А когда панихида кончилась, четыре человека подвели под гроб свои стальные плечи, с горящими глазами и выпяченной грудью зашагали вместе с членами общества приказчиков евреев.

Впереди шел Бенья Крик, которого тогда никто еще не называл Королем. Первым приблизился он к могиле, взошел на холмик и простер руку.

— Что хотите вы делать, молодой человек? — подсежал к нему Кофман из погребального братства.

— Я хочу сказать речь, — ответил Беня Крик.

И он сказал речь. Ее слышали все, кто хотел слушать. Ее слышал я, Арье-Лейб, и шепелявый Мойсейка, который сидел на стене со мною рядом.

— Господа и дамы, — сказал Беня Крик, — господа и дамы, — сказал он, и солнце встало над его головой, как часовой с ружьем. — Вы пришли отдать последний долг честному труженику, который погиб за медный грош. От своего имени и от имени всех, кто здесь не присутствует, благодарю вас. Господа и дамы! Что видел наш дорогой Иосиф в своей жизни? Он видел пару пустяков. Чем занимался он? Он пересчитывал чужие деньги. За что погиб он? Он погиб за весь трудящийся класс. Есть люди, уже обреченные смерти, и есть люди, еще не начавшие жить. И вот пуля, летевшая в обреченную грудь, пробивает Иосифа, не видевшего в своей жизни ничего, кроме пары пустяков. Есть люди, умеющие пить водку, и есть люди, не умеющие пить водку, но все же пьющие ее. И вот первые получают удовольствие от горя и от радости, а вторые страдают за всех тех, кто пьет водку, не умея пить ее. Поэтому, господа и дамы, после того как мы помолимся за нашего бедного Иосифа, я прошу вас проводить к могиле неизвестного вам, но уже покойного Савелия Буциса...

И, сказав эту речь, Беня сошел с холмика. Молчали люди, деревья и кладбищенские нищие. Два могильщика пронесли некрашенный гроб к соседней могиле. Кантор, заикаясь, окончил молитву. Беня бросил первую лопату и перешел к Савке. За ним пошли, как овцы; все присяжные поверенные и дамы с брюшками. Он заставил кантора пропеть над Савкой полную панихиду, и шестьдесят певчих вторили кантору. Савке не снилась такая панихида — поверьте слову Арье-Лейба, старого старика.

Говорят, что в тот день «полтора жида» решил закрыть дело. Я при этом не был. Но то, что ни кантор, ни хор, ни погребальное братство не просили денег за похороны, — это видел я глазами Арье-Лейба. Арье-Лейб — так зовут меня. И больше я ничего не мог видеть, потому что люди, тихонько отойдя от Савкиной могилы, бросились бежать, как с пожара. Они летели в фаэтонах, в телегах и пешком. И только те че-

тыре, что присхали на красном автомобиле, на нем же и уехали. Музыкальный ящик проиграл свой марш, машина вздрогнула и умчалась.

— Король, — глядя ей вслед, сказал шепелявый Мойсейка, тот самый, что забирает у меня лучшие места на стенке.

Теперь вы знаете все. Вы знаете, кто первый произнес слово «король». Это был Мойсейка. Вы знаете, почему он не назвал так ни одноглазого Грача, ни бешеного Кольку. Вы знаете все. Но что пользы, если на носу у вас по-прежнему очки, а в душе осень?..

М. Зощенко

БАНЯ

Бани у нас неплохие. Мыться можно. Но только у нас с номерками беда. Прошлую субботу я пошел в баню — дают два номерка. Один за белье, другой за пальто с шапкой.

А голому человеку куда номерки деть? Прямо сказать — некуда. Карманов нету. Кругом — живот да ноги. Грех один с номерками. К бороде не привяжешь.

Ну, привязал я к ногам по номерку, чтоб не враз потерять. Вошел в баню.

Номерки теперича по ногам хлопают. Ходить скучно. А ходить надо. Потому шайку надо. Без шайки какое ж мытье? Грех один.

Ищу шайку. Гляжу, один гражданин в трех шайках моется. В одной стоит, в другой башку мылит, а третьей левой рукой придерживает, чтоб ее не унесли.

Потянул я третью шайку, хотел, между прочим, ее себе взять, а гражданин не выпускает.

— Ты что ж это, говорит, чужие шайки ворует? Как ляпну тебе шайкой между глаз — не зарадуешься. Я говорю:

— Не царский, говорю, режим шайками ляпать. Эгоизм, говорю, какой. Надо ж, говорю, и другим помыться. Не в театре, говорю.

А он задом повернулся и моется.

Не стоять же, думаю, над его душой. Теперича, думаю, он нарочно три дня будет мыться.

Пошел дальше.

Через час гляжу, какой-то дядя зазевался, выпустил из рук шайку. За мылом нагнулся или замечтался — не знаю. А только тую шайку я взял себе.

Теперича и шайка есть, а сесть негде. А стоя мыться — какое же мытье? Грех один.

Хорошо. Стою стоя, держу шайку в руке, моюсь.

А кругом-то, батюшки-светы, стирка самосильно идет. Один штаны моет, другой подштанники трет, третий еще что-то крутит. И шум такой стоит от стирки — мыться неохота. Не слышишь, куда мыло трешь. Грех один.

Ну их, думаю, в болото. Дома домоюсь.

Иду в предбанник. Выдают на номер белье. Гляжу — все мое, штаны не мои.

— Граждане, говорю. На моих тут дырка была. А на этих звон где.

А банщик говорит:

— Мы, говорит, за дырками не приставлены. Не в театре, говорит.

Хорошо. Надеваю эти штаны, иду за пальто. Пальто не выдают — номерок требуют. А номерок на ноге забытый. Раздеваться надо. Снял штаны, ишу номерок — нету номерка. Веревка тут, на ноге, а бумажки нет. Смылась бумажка.

Подую баншику веревку — не хочет.

— По веревке, говорит, не выдаю. Это, говорит, каждый гражданин настрижет веревок — польт не напа-сешься. Обожди, говорит, когда публика разойдется — выдам, какое останется.

Я говорю:

— Братишечка, а вдруг да дрянь останется? Не в театре же, говорю. Выдай, говорю, по приметам. Один, говорю, карман рванный, другого нету. Что касается пуговиц, то, говорю, верхняя есть, нижних же не предвидится.

Все-таки выдал. И веревки не взял.

Оделся я, вышел на улицу. Вдруг вспомнил: мыло забыл.

Вернулся снова. В пальто не впускают.

Я говорю:

— Я, граждане, не могу в третий раз раздеваться. Не в театре, говорю. Выдайте тогда хоть стоимость мыла.

Не дают.

Не дают — не надо. Пошел без мыла.

Конечно, читатель может полюбопытствовать: какая, дескать, это баня? Где она? Адрес?

Какая баня? Любая баня, которая за вход берет гривенник.

АРИСТОКРАТКА

Григорий Иванович шумно вздохнул и начал рассказывать:

Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдековские, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а пустое место.

А в свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней и в театр ее водил. В театре-то все и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме.

А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу — стоит этакая фря. Чулочки на ней, зуб золоченый.

— Откуда, говорю, ты, гражданка? Из какого номера?

— Я, говорит, из седьмого.

— Пожалуйста, говорю, живите.

И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой номер. Бывало, приду как лицо официальное. Дескать, как у вас гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действуют?

— Да, отвечает, действуют.

И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур больше. Только глазами стрижет. И зуб во рту блестит.

Походил я к ней месяц — привыкла. Стала подробней отвечать. Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович.

Дальше — больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она велит под руку принять. Приму

ее под руку и волочусь, что шука. И чего сказать — не знаю, и перед народом совестно.

Ну, а раз она мне говорит:

— Что вы, говорит, меня все по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы, говорит, как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.

— Можно, говорю.

И как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал.

На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой — внизу сидеть, а который Васькин — аж на самой галерке.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я — на Васькин. Сажу на верхотурье и ни хрена не вижу. А ежели нагнуться через барьер, то ее вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел. Гляжу — антракт. А она в антракте ходит.

— Здравствуйте, говорю.

— Здравствуйте.

— Интересно, говорю, действует ли тут водопровод?

— Не знаю, говорит.

И сама в буфет идет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.

А я этаким гусем, этаким буржуем нерезанным выюсь около нее и предлагаю:

— Ежели, говорю, вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

— Мерси, говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом, жрет.

А денег у меня — кот наплакал. Самое большое что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег — гулькин нос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крикнул. И молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Я хожу вокруг нее, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается.

Я говорю:

— Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

— Нет.

И берет третье.

Я говорю:

— Натощак — не много ли?

А она:

— Нет, говорит, мы привыкшие.

И берет четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

— Ложи, говорю, взад!

Она испугалась. Открыла рот. А мне будто попала вожжа под хвост. Все равно, думаю, теперь с ней не гулять.

— Ложи, говорю, к чертовой матери!

Положила она назад. А я говорю хозяину:

— Сколько с нас за скушанные три пирожные?

А хозяин держится индифферентно — ваньку валяет.

— С вас, говорит за скушанные четыре штуки столько-то.

— Как, говорю, за четыре?! Когда четвертое в блюде находится.

— Нету, отвечает, хотя оно и в блюде находится, но надкус на нем сделан, и пальцем смято.

— Как, говорю, надкус, помилуйте! Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индифферентно — перед носом руками крутит.

Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты.

Одни говорят — надкус сделан, другие — нету.

А я вывернул карманы — всякое, конечно, барахло на пол вывалилось, — народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю. Сосчитал деньги — в обрез за четыре штуки.

Зря, мать честная, спорил.

Заплатил. Обращаюсь к даме:

— Докушайте, говорю, гражданка. Заплачено. А дама не двигается. И конфузится докушивать.

А тут какой-то дядя ввязался.

— Давай, говорит, я докушаю.

И докушал. За мои-то деньги.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.

А у дома она мне и говорит своим буржуйским тоном;

— Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег — не ездят с дамами.

А я говорю:

— Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за указание.

Так мы с ней и разошлись.

Не нравятся мне аристократки.

1923

ПАЦИЕНТКА

В сельскую больницу Анисья приехала за тридцать верст.

Выехала на рассвете и в полдень остановилась у белого одноэтажного дома.

— Хирург-то принимает? — спросила она мужика, сидевшего на крыльце.

— Хирург-то? — с интересом спросил мужик. — А ты не больна ли будешь? Животом, что ли?

— Больна, — ответила Анисья.

— Я, милая, тоже больной, — сказал мужик. — Пшеном объелся... Седьмым записан.

Анисья привязала лошадь к плетню и вошла в больницу.

Больных принимал фельдшер Иван Кузьмич. Был он маленький, старенький и ужасно знаменитый. Все вокруг знали его, хвалили и называли без причины хирургом.

Анисья вошла к нему в комнату, низко поклонилась и присела на край стула.

— Больна, что ли? — спросил Иван Кузьмич.

— Больна я, — сказала Анисья. — То есть, вся насквозь больная. Каждая косточка ноет и трясется. Сердце гниет заживо.

— С чего бы это? — равнодушно спросил фельдшер. — С каких пор?

— С осени, Иван Кузьмич. С самой осени. Осенью я заболела. Как, знаете ли, супруг Димитрий Наумыч приехал из города, так я и заболела. Я стою, например, возле стола и лепешки в мuke валяю, Димитрий Наумыч

любил эти самые лепешки. Где-то, думаю, он теперь, Дмитрий Наумыч-то? В городе он советский депутат...

— Позволь, бабонька, — сказал фельдшер, — ври, да не завирайся. Чем больна-то?

— Да я ж и говорю, — сказала Анисья, — стою возле стола, кручу лепешки... Вдруг тетка Агафья, что баран, прибегает и рукой машет. «Иди, кричит, Анисьюшка, иди поскорей. Твой-то никак приехал из города и идет будто по улице с мешком и с палкой». Зашлось у меня сердце. Подкосились ноги. Стою дурой и лепешки мну... Бросила после лепешки, выбежала во двор. А во дворе солнце играет, играет. Воздух легкий. А налево, этак у хлева, желтый теленок стоит и хвостишкой мух пугает. Взглянула я на теленка — слезы каплют. Вот, думаю, Дмитрий Наумыч-то обрадуется этому самому желтому теленку...

— Позволь, — хмуро сказал фельдшер, — ты дело говори.

— Я ж и говорю, батюшка, Иван Кузьмич. Не сердитесь только. Дело я говорю... Выбежала я за ворота. Гляжу эдак, знаете ли, — налево церковь, коза ходит, петух ножкой ворошит, а направо по самой серединке, гляжу — Дмитрий Наумыч идет. Глянула я на него. Сердце закатилось, икота подступает. Ой, думаю, мать честная, пресвятая богородица! Ой, думаю, тошненько!

А он-то идет серьезным, мелким шагом. Боролась по воздуху треплется. И платье городское на нем. И в штиблетах... Как увидела я штиблеты, будто что оторвалось у меня внутри. Ой, думаю, куда ж я такая-то, необразованная, гожусь ему в пару, если он, может, первый человек и депутат советский... Встала я дурой у плетня и ногами не могу идти. Перебираю пальцами плетень и стою. А он-то, Дмитрий Наумыч, депутат советский, доходит до меня мелким ходом и здороваается.

Здравствуйте, говорит, Анисья Васильевна. Сколько, говорит, лет, сколько зим не виделись с вами...»..

Мне бы дуре, мешок у Дмитрия Наумыча схватить, а я гляжу на штиблеты и не двигаюсь. Ой, думаю, отвык от меня мужик. Штиблеты носит. С городскими, может, с комсомолками разговаривает. А Дмитрий Наумыч отвечает басом:

«Ох, говорит, Анисья, Анисья, такая-то ты есть. Тем-

ная, говорит, ты у меня, Анисья Васильевна. Про что, говорит, я с тобой теперь разговаривать буду? Я, говорит, человек просвещенный и депутат советский. Я, говорит, может, четыре правила арифметики знаю. Дробь, говорит, умею... А ты, говорит, вон какая! Небось, говорит, и фамилию не можешь подписывать на бумаге? Другой бы очень просто бросил бы тебя за темноту и необразованность».

А я стою у плетня и лепечу слова: дескать, конечно, Димитрий Наумыч, бросьте меня такую-то, что вам стоит.

А он берет меня за ручку и отвечает:

«Я шутку пошутил, Анисья Васильевна. Оставьте думать. Я, говорит, это так. Что вы...».

Снова закатилось у меня сердце, икота подступает.

«Я, говорю, Димитрий Наумыч, будьте спокойны, тоже, конечно, могу дробь узнать и четыре правила. Или фамилию на бумаге подписывать. Я, говорю, не осрамлю вас, образованного».

Фельдшер Иван Кузьмич встал со стула и прошелся по комнате.

— Ну, ну, — сказал он, — хватит, завралась... Чем болеешь-то?

— Болею-то? Да теперь ничего, Иван Кузьмич. Полегче будто стало теперь. На здоровье не могу пожаловаться... А он-то, Димитрий Наумыч, говорит: «Пошутил, говорит, я». Вроде, как, значит, шутку он выразил.

— Ну да, пошутил, — сказал фельдшер. — Конечно, пошутил. Порошков, может, тебе дать?

— А не надо, — сказала Анисья. — Спасибо тебе, Иван Кузьмич, за советы. Мне, конечно, теперь сильно полегчало. Чувствительно спасибо. Досвиданьице.

И Анисья, оставив на столе кулек с зерном, пошла к двери. Потом вернулась.

— Дробь-то мне, Иван Кузьмич... Где мне про эту самую дробь-то теперь узнать? К учителю, что ли, мне ехать?

— К учителю, — сказал фельдшер, вздыхая, — конечно, к учителю. Медицины это не касается.

Анисья низко поклонилась и вышла на улицу.

НЕРВНЫЕ ЛЮДИ

Недавно в нашей коммунальной квартире драка произошла. И не то, что драка, а цельный бой. На углу Глазовой и Боровой.

Дрались, конечно, от чистого сердца. Инвалиду Гаврилову последнюю ногу чуть было не оторвали. И увечье нанесли.

Главная причина — народ очень уж нервный. Расстраивается по мелким пустякам. Горячится. И через это дерется грубо, как в тумане.

Оно, конечно, после гражданской войны нервы, говорят, у народа завсегда расшатываются. Может, оно и так, а только у инвалида Гаврилова от этой идеологии череп поскорее не зарастет.

А приходит, например, одна жиличка, Марья Васильевна Щипцова, в девять часов вечера на кухню и разжигает примус. Она всегда, знаете, об это время разжигает примус. Чай пьет и компрессы ставит.

Так приходит она на кухню. Ставит примус перед собой и разжигает. А он, провалился совсем, не разжигается.

Она думает: «С чего бы он, дьявол, не разжигается? Не закоптел ли, провалился совсем!».

И берет она в левую руку ёжик, а другая жиличка, Дарья Петровна Кобылина, чей ёжик, посмотрела чего взято, и отвечает:

— Ёжик-то, уважаемая Марья Васильевна, промежду прочим, назад положьте. Это мой ёжик.

Щипцова, конечно, вспыхнула от этих слов и отвечает:

— Пожалуйста, отвечает, подавитесь, Дарья Петровна, своим ёжиком. Мне, говорит, до вашего ёжика дотронуться противно, не то что его в руку взять.

Тут, конечно, вспыхнула от этих слов Дарья Петровна Кобылина. Стали они между собой разговаривать. Шум у них поднялся, грохот, треск.

Муж, Иван Степанович Кобылин, чей ёжик, на шум является. Здоровый такой мужчина, пузатый даже, но, в свою очередь, нервный.

Так является этот Иван Степанович и говорит:

— Я, говорит, ну ровно слон работаю за тридцать два рубля с копейками в кооперации, улыбаюсь, гово-

рит, покупателям и колбасу им отвешиваю, и из этого, говорит, на трудовые гроши ежики себе покупаю, и ни-почем, то есть, не разрешу постороннему чужому персоналу этими ежиками воспользоваться.

Тут снова шум и дискуссия поднялась вокруг ежика. Все жильцы, конечно, влезли в кухню. Хлопочут. Инвалид Гаврилыч тоже является.

— Что, говорит, за шум, а драки нету?

Тут сразу после этих слов и подтвердилась драка. Началось.

А кухня знает, узкая. Драться неспособно. Кругом кастрюли и примуса. А тут двенадцать человек все-таки. Тесно. На все натыкаешься, падаешь. Не то что, знаете, безногому инвалиду — с тремя ногами устоять на полу нет никакой возможности.

А инвалид, чертова перечница, несмотря на это, в самую гущу втерся. Иван Степанович, чей ежик, кричит ему:

— Уходи, Гаврилыч, от греха. Гляди, последнюю ногу оборвут.

Гаврилыч говорит:

— Пушай, говорит, нога пропадает! А только, говорит, не могу я теперича уйти до окончания драки.

Ну, и не уходит, накидывается. Тут в это время кто-то и ударяет инвалида кастрюлькой по его лысине.

Инвалид — брык на пол и лежит. Скучает.

Тут кто-то за милицией кинулся.

Является мильтон. Кричит:

— Запасайтесь, дьяволы, гробами, сейчас стрелять буду!

Только после этих роковых слов народ маленько очухался. Бросился по своим комнатам.

«Вот-те думают, клюква, с чего ж это мы, уважаемые граждане, разодрались?».

Бросился народ по своим комнатам, один только инвалид Гаврилыч не бросился. Лежит, знаете, на полу скучный. И кровь вокруг.

Через две недели после этого факта суд состоялся.

А нарсудья тоже нервный такой мужчина попался — он сказал тем, которые дрались:

— Вы, говорит, не советские люди, а обломки рухнувшей империи. Но, говорит, революционная закон-

ность не позволит вам справлять свой дебош на развалинах прежней жизни!

И с этими словами судья оштрафовал каждого участника. А тому, который Гаврилыча изувечил, дал шесть месяцев.

Это справедливо, братцы мои. Нервы нервами, а драться не следует.

1925

ГАЛОША

Конечно, потерять галошу в трамвае не трудно.

Особенно, если сбоку поднажмут, да сзади какой-нибудь пассажир на задник наступит — вот вам и нет галоши.

Галошу потерять прямо пустяки.

С меня галошу сняли в два счета. Можно сказать, ахнуть не успел.

В трамвай вошел — обе галоши стояли на месте. А вышел из трамвая — гляжу, одна галоша здесь, на ноге, а другой нету. Сапог — здесь. И носок, гляжу, здесь. И подштанники на месте. А галоши нету.

А за трамваем, конечно, не побежишь.

Снял остальную галошу, завернул в газету и пошел так.

После работы, думаю, пушусь в розыски. Не пропадать же товару! Где-нибудь да раскопаю.

После работы пошел искать. Первое дело — посоветовался с одним знакомым вагоновожатым.

Тот прямо как меня обнадежил.

— Скажи, говорит, спасибо, что в трамвае потерял. В другом общественном месте не ручаюсь, а в трамвае потерять — святое дело. Такая у нас существует камера для потерянных вещей. Приходи и бери. Святое дело.

— Ну, говорю, спасибо. Прямо гора с плеч. Главное, галоша почти что новенькая. Всего третий сезон ношу.

На другой день иду в камеру.

— Нельзя ли, говорю, братцы, галошу заимчить обратно? В трамвае сняли.

— Можно, говорят. Какая галоша?

— Галоша, говорю, обыкновенная. Размер — двенадцатый номер.

— У нас, говорят, двенадцатого номера, может, двенадцать тысяч. Расскажи приметы.

— Приметы, говорю, обыкновенные какие: задник, конечно, обтрепан, внутри байки нету, сносилась байка.

— У нас, говорят, таких галош, может, больше тыщи. Нет ли специальных признаков?

— Специальные, говорю, признаки имеются. Носок вроде бы начисто оторван, еле держится. И каблука, говорю, почти что нету. Сносился каблук. А бока, говорю, еще ничего, пока что удержались.

— Посиди, говорят, тут. Сейчас посмотрим.

Вдруг выносят мою галошу.

То есть, ужасно обрадовался. Прямо умилился.

Вот, думаю, славно аппарат работает. И какие, думаю, идейные люди, сколько хлопот на себя приняли из-за одной галоши.

Я им говорю:

— Спасибо, говорю, друзья, по гроб жизни. Давайте поскорей ее сюда. Сейчас я надену. Благодарю вас.

— Нету, говорят, уважаемый товарищ, не можем дать. Мы, говорят, не знаем, может, это не вы потеряли.

— Да я же, говорю, потерял. Могу дать честное слово.

Они говорят:

— Верим и вполне сочувствуем, и очень вероятно, что это вы потеряли именно эту галошу. Но отдать не можем. Принеси удостоверение, что ты действительно потерял галошу. Пушай домоуправление заверит этот факт, и тогда без излишней волокиты мы тебе выдадим то, что законно потерял.

Я говорю:

— Братцы, говорю, святые товарищи, да в доме не знают про этот факт. Может, они не дадут такой бумаги.

Они отвечают:

— Дадут, говорят, это их дело дать. На что они у вас существуют?

Поглядел я еще раз на галошу и вышел.

На другой день пошел к председателю нашего дома.

Говорю ему:

— Давай бумагу. Галоша гибнет.

— А верно, говорит, потерял? Или закручиваешь? Может, хочешь схватить лишний предмет ширпотреба?

— Ей-богу, говорю, потерял.

Он говорит:

— Конечно, на слова я не могу положиться. Вот если б ты мне удостоверение достал с трамвайного парка, что галошу потерял, — тогда бы я тебе выдал бумагу. А так не могу.

Я говорю:

— Так они же меня к вам посылают.

Он говорит:

— Тогда, говорит, напиши мне заявление.

Я говорю:

— А что там писать?

Он говорит:

— Пиши: сего числа пропала галоша. И так далее. Даю, дескать, расписку о невыезде впредь до выяснения.

Написал заявление. На другой день форменное удостоверение получил.

Пошел с этим удостоверением в камеру. И там мне, представьте себе, без хлопот и без волокиты выдают мою галошу.

Только когда надел галошу на ногу, почувствовал полное умиление. Вот, думаю, люди работают! Да в каком-нибудь другом месте разве стали бы возиться с моей галошей столько времени? Да выкинули бы ее — только и делов. А тут, неделю не хлопотал, выдают обратно.

Одно досадно, за эту неделю во время хлопот первую галошу потерял. Все время носил ее под мышкой в пакете и не помню, в каком месте ее оставил. Главное, что не в трамвае. Это гиблое дело, что не в трамвае. Ну, где ее искать?

Но зато другая галоша у меня. Я ее на комод поставил.

Другой раз станет скучно, взглянешь на галошу, и как-то легко и безобидно на душе становится.

Вот, думаю, славно канцелярия работает!

Сохраню эту галошу на память. Пушай потомки любуются.

ЦАРСКИЕ САПОГИ

В этом году в Зимнем дворце разное царское барахлишко продавалось. Музейный фонд, что ли, этим торговал. Я не знаю кто.

Я с Катериной Федоровной Коленкоровой ходил туда. Ей самовар нужен был на десять персон.

Самовара, между прочим, там не оказалось. Или царь пил из чайника, или ему носили из кухни в каком-нибудь граненом стакане, я не знаю, — только самовары в продажу не поступили.

Зато других вещей было множество. И вещи, действительно, все очень великолепные. Разные царские портьеры, бордюры, разные рюмочки, плевательницы, сорочки и другие разные царские штучки. Ну прямо глаза разбегаются, не знаешь, за что схватиться и какую вещь приобрести.

Тогда Катерина Федоровна на свободные деньги купила, вместо самовара, четыре сорочки из тончайшего мадеполама. Очень роскошные. Царские.

Я сразу спросил у артельщика, который торговал: — Какие это сапоги, любезный приятель?

Он говорит:

— Обыкновенно какие — царские.

— А какая, говорю, мне гарантия, что это царские? Может, говорю, какой-нибудь капельдинер трепал, а вы их вместо царских выдаете. Это, говорю, нехорошо, неприлично.

Артельщик говорит:

— Тут кругом все имущество царской фамилии. Мы, говорит, дермом не торгуем.

— Покажи, говорю, товар.

Поглядел сапоги. Очень мне ужасно понравились, я размер подходящий. И такие они не широкие, узенькие, опрятные. Тут носок, тут каблук. Ну, прямо цельные сапоги. И вообще мало ношенные. Может, только три дня царь их носил. Подметка еще не облупилась.

— Господи, говорю, Катерина Федоровна, да разве, говорю, раньше можно было мечтать насчет царской обуви? Или, например, в царских сапогах по улице пройти? Господи, говорю, как история меняется, Катерина Федоровна!

Восемнадцать целковых отдал за них на горюю. И конечно, за царские сапоги эта цена очень и очень небольшая.

Выложил восемнадцать целковых и понес эти царские сапоги домой.

Действительно, обувать их было трудно. Не говоря про портянку, на простой носок — и то еле лезут. Все-таки, думаю, разношу.

Три дня разношивал. На четвертый день подметка отлипла. И не то чтобы одна подметка, а так полностью вместе с каблуком весь нижний этаж отвалился. Даже нога наружу вышла.

А случилось это поганое дело на улице, на бульваре Союзов, не доходя Дворца труда. Так и домой побрел без подметки.

Главное, денег было очень жалко. Все-таки восемнадцать целковых. И пожаловаться некуда. Ну, будь эти сапоги фабрики «Скороход» или какой-нибудь другой фабрики — другой вопрос. Можно было бы дело возбудить или директора с места погнать за такую техническую слабость. А тут, извольте, царские сапоги.

Конечно, на другой день сходил в Музейный фонд. А там уже и торговать кончили — закрыто.

Хотел в Эрмитаж зайти или еще куда-нибудь, но после рукой махнул. Главное, Катерина Федоровна меня остановила.

— Это, говорит, не только царский, любой королевский сапог может за столько лет прогнить. Все-таки, как хотите, со дня революции десять лет прошло. Нитки, конечно, сопреть смогли за это время. Это понимать надо.

А действительно, братцы мои, десять лет протекло. Шутка ли! Товар и тот распадаться начал.

И хотя Катерина Федоровна меня успокоила, но когда, между прочим, после первой стирки у нее эти самые царские дамские сорочки полезли в разные стороны, то она очень ужасно крыла царский режим. А вообще, конечно, десять лет прошло — смешно обижаться.

Время-то как быстро идет, братцы мои! Все прежнее в прах распадается.

МОНТЕР

Я, братцы мои, зря спорить не буду, кто важней в театре — актер, режиссер или, может быть, театральный плотник. Факты покажут. Факты всегда сами за себя говорят.

Дело это произошло в Саратове или в Симбирске, одним словом где-то недалеко от Туркестана. В городском театре. Играли в этом городском театре оперу. Кроме выдающейся игры артистов, был в этом театре, между прочим, монтер — Иван Кузьмич Мякишев.

На общей группе, когда весь театр в двадцать третьем году снимали на карточку, монтера этого пихнули куда-то сбоку — мол, технический персонал. А в центр, на стул со спинкой, посадили тенора.

Монтер Иван Кузьмич Мякишев ничего на это не сказал, но в душе затаил некоторую грубость. Тем более, что на карточку сняли его вдобавок мутно, не в фокусе.

А тут такое подошло. Сегодня, для примеру, играют «Руслан и Людмила». Музыка Глинки. Дирижер — маэстро Кацман. А без четверти минут восемь являются до этого монтера две знакомые ему барышни. Или он их раньше пригласил, или они сами подошли — неизвестно. Так являются эти две знакомые барышни, отчаянно флиртуют и вообще просят их посадить в общую залу — посмотреть на спектакль. Монтер говорит:

— Да ради бога, медам. Сейчас я вам пару билетов устрою. Посидите тут, у будки.

И сам, конечно, к управляющему.

Управляющий говорит:

— Сегодня выходной день. Народу пропасть. Каждый стул на учете. Не могу.

Монтер говорит:

— Ах так, говорит. Ну, так я играть отказываюсь. Отказываюсь, одним словом, освещать ваше производство. Играйте без меня. Посмотрим тогда, кто из нас важней и кого сбоку сымать, а кого в центр сажать.

И сам обратно в будку. Выключил по всему театру свет, замкнул на все ключи будку и сидит — флиртует с девицами.

Тут произошла, конечно, форменная неразбериха. Управляющий бегаёт. Публика орёт. Кассир визжит, пугается, как бы у него деньги в потемках не взяли. А бродяга, главный оперный тенор, привыкший всегда сыматься в центре, заявляется до дирекции и говорит своим тенором:

— Я в темноте петь тенором отказываюсь. Раз, говорит, темно — я ухожу. Мне, говорит, голос себе дорожке. Пушай ваш монтер прет.

Монтер говорит:

— Пушай не поёт. Наплевать на него. Раз он в центре сымается, то и пушай одной рукой поёт, другой свет зажигает. Думает — тенор, так ему и свети все время. Теноров нынче нету!

Тут, конечно, монтер схлестнулся с тенором.

Вдруг управляющий является, говорит:

— Где эти чертовы две девицы? Через них наблюдается полная гибель. Сейчас я их куда-нибудь посажу, леший их забодай.

Монтер говорит:

— Вот они, девицы! Только не через их гибель, а гибель через меня. Сейчас, говорит, я свет дам. Мне энергии принципиально не жалко.

Дал он сию минуту свет.

— Начинайте, говорит.

Сажает тогда его девиц на выдающиеся места и начинают спектакль.

Теперь и разбирайтесь сами, кто важнее в этом сложном театральном механизме.

Конечно, если без горячности разбираться, то тенор тоже для театра — известная ценность. Иная опера не сможет даже без него пойти. Но и без монтера нет жизни на театральных подмостках.

Так что они оба представляют собой одинаково крупную ценность. И нечего тут задаваться, дескать, я — тенор. Нечего избегать дружеских отношений. И сымать на карточку мутно, не в фокусе!

НЕ ПУЩУ

Есть такая картина. Она написана, не помню, каким-то известным художником. Она называется «Не пущу».

А дело там вот в чем. Пивная. И около дверей пивной стоит женщина во весь рост. И, широко расставив руки, эта женщина не пускает в пивную своего мужа.

А муж, видимо, не дурак выпить, все же ломится. И хочет ее отстранить.

А при ней вдобавок еще, кажется, перепуганный ребенок. И, так сказать, всем своим видом женщина говорит: «Не пущу». А у самой на лице горе и волнение. И волосы у нее в беспорядке распущены, дескать, не до прически. И кругом пустынно. Никого нет. И никто этим явлением не заинтересован.

Очень сильная дореволюционная картина. Она очень метко схватывает моменты той эпохи. И зритель через эту картину убеждается, какие были пьяные забулдыги-мужья, и как неважно жилось женам, и как зарабатывал на этом каналья-кабатчик, который каждую минуту мог выйти и прогнать женщину, не допускавшую мужа пропить свой последний рубль.

В этом смысле дореволюционный мастер кисти неплохо справился со своей задачей и по мере своих слабых сил честно отразил момент действительности.

Эту картину поучительно видеть во все исторические времена.

И, например, наблюдая эту картину в наши дни, видишь существенную разницу.

Конечно, у нас пьют порядочно. И заливают, как говорится, за галстук при первой возможности. Но, между прочим, пьют сравнительно как-то не так, как прежде. Все меньше и меньше наблюдаешь в лежку пьяненьких.

Бывало, раньше идешь в воскресенье или в какой-нибудь царский день и прямо чуть не наступаешь на лежащих граждан. А над ними хлопочут дворники и городовые. Натирают им уши и подставляют к носу пузырьки с нашатырным спиртом, чтоб те очухались и смогли бы на своих ножках дойти до участка. А уже там их, миленьких, в полутемной каморке, как дрова, сваливают друг на друга.

Сейчас, конечно, этого почти не бывает. А уж если какой-нибудь тип свалится у нас, то вскоре торжественно и культурно подъезжает до него карета «Скорой помощи», и его, как случайно захворавшего, везут в вытрезвитель. А уж там его йодом смажут и с научной целью внутренности промоют. И вдобавок утром какую-нибудь лекцию прочтут. И возьмут с него за все про все вместе с процедурами рублей десять или двадцать. Не знаю, конечно, как у вас, а у нас это так — в Ленинграде.

Так что, я говорю, разница с прошлым имеется. И даже по этому поводу надо бы выпить.

А что касается жен, то и они порядочно выросли. И уж такую женщину, какая выведена на картине, навряд ли можно найти.

И уж если муж у нее сильно пьет, то она, скорей всего, с ним разойдется, если квартирный вопрос позволяет. А если она его любит, то она и сама зайдет с ним, куда его тянет, и там культурно посидит с ним за столиком.

А которые потеряли совесть, то на них уж такие робкие слова «не пушу» все равно не действуют. Таким нужно что-нибудь более современное.

И на этих днях мы видели нечто подобное, которое и вдохновило нас (как и того художника) зарисовать для потомства момент действительности.

Идем мы по Выборгской стороне. И вдруг видим — человек двадцать граждан идут вдоль панели и все ахают. Некоторые возмущаются. Другие машут руками. Третьи смеются.

И вдруг мы видим — на панели идет мужчина. В обыкновенной синей спецовке и в кепочке.

И вдруг все видят, что этот мужчина — пьяный. Он идет очень неровно. И его сильно кренит то в одну, то в другую сторону.

И тут все замечают, что этот пьяный мужчина держит на руках малыша. Он держит маленького ребенка лет, может, трех. Такая чудная крошка. Курчавенький. Носик пуговкой. И смеется. Ему, видать, забавно, и у него дух замирает, что он так на руках качается. Он не понимает, конечно, что его пьяный несет и он

через это качается. Он, может быть, думает, что это такая игра.

А рядом с этим странным шествием идет женщина. И одной рукой эта женщина отстраняет прохожих. А другой рукой она по временам делает «козу». Она этим, видать, еще более забавляет малыша, который сидит на руках у пьяного.

И вот, я говорю, кругом в толпе раздаются возмущенные возгласы. Некоторые женщины, недовольные такой безобразной сценой и видя, что крошка подвергается опасности упасть и вдребезги разбиться, начинают кричать на пьяного, чтобы он прекратил свое шествие с ребенком. Но тот, мало что понимая, идет, покачиваясь, дальше.

А та женщина, которая идет с ним рядом, не смущается этим и продолжает забавлять ребенка. И по всему видно, что она мать этой деточки и жена этого пьяного. И тем не менее такая сцена.

Тогда одна молодая особа, не могущая больше видеть подобные дела, бежит до милиционера и с ним возвращается.

И тогда все, наперерыв галдя, рапортуют милиционеру, что вот, дескать, пьяный дурак подвергает опасности ребенка, а эта ненормальная мать потакает. Не допускайте это шествие.

Тогда милиционер делает под козырек этой паре. И те останавливаются.

И вдруг женщина машет на толпу рукой, чтоб все замолчали. И когда прекратились крики, она произнесла такую речь:

— Товарищи, — сказала она, — этот выпивший человек, несущий на руках нашего сына, есть мой муж. И он в настоящее время лечится от алкоголя. И он уже делает некоторые успехи. Но пока он провел двадцать сеансов. А врачи ему сказали, что надо двадцать пять. Так что он еще не окончательно забылся от своей привычки. И он последнее время каждый день сидит в пивной, покуда я его оттуда не вытяну. Но поскольку я его силой вывести не могу и он все равно будет сидеть до закрытия, я тогда прибегаю к нашему сыну. Муж у меня исключительно любит ребенка. И только когда я в пивную зайду с сыном, муж мой весь преображается,

берет его на руки и идет домой. Но попробуйте от него отнять ребенка — и он обратно вернется и будет снова пить. Что же касается до того, что он уронит ребенка, то на этот случай я иду рядом, и если муж опрокинется, то я вполне успею подхватить мальчика. Конечно, в каждом деле есть риск и волнение, но тут меньше беды, чем если он у меня сопьется и тем самым сделает еще больший вред себе, сыну и обществу. Вот что я могу вам сказать в ответ на ваши законные крики, угрозы и возмущение.

Тут многие развели руками, когда услышали эту реплику. А некоторые зааплодировали и расступились, чтоб дать им дорогу.

И пьяный отец, который во время речи мотался, как пшеничный колос от ветра, торжественно пошел дальше.

И тут все убедились, что он крайне бережно и крепко держит мальчишку.

И снова рядом с ними пошла женщина, продолжая делать мальчику «козу».

И милиционер, не зная, какую резолюцию подвести под это дело, снова взял под козырек и, вздохнувши, сказал:

— Все в порядке... Пушай идут

И кто-то из толпы добавил:

— Все в порядке — пьяных нет.

И тут все засмеялись и разошлись по своим делам.

1937

СОЛДАТСКИЕ РАССКАЗЫ

Иногда у нас в траншеях играл патефон. И вся рота слушала музыку благодаря усилителю. И даже гитлеровцам кое-что доносилось из наших мелодий.

Мы особенно любили песню «Выходила на берег Катюша». И гитлеровцам чрезвычайно нравилась эта пластинка. Они всякий раз аплодировали. И даже много раз подпевали своими сиплыми голосами.

И вот однажды слышим голос по их репродуктору:

— Эй, русс, поставьте «Катюшу». Давно не ставили, скучаем...

Услышав это, мы стали смеяться. Принесли патефон. И поставили «Катюшу».

Мы три раза ставили эту пластинку. Но им все было мало. Они хлопали в ладоши и кричали: «Еще».

Мы поставили в четвертый раз. Но тут один из наших бойцов говорит:

— А ведь мы, ребята, не дело делаем. Мы этим создаем благодушное настроение у себя. И веселим фашистов, которые сжигают наши села и города и убивают наших братьев, жен и детей.

И тогда мы поняли нашу оплошность. Сняли к черту эту пластинку. И больше ее не ставили.

А через несколько дней прибыла на фронт наша уважаемая пушка под названием тоже «Катюша». И уж она заставила гитлеровцев позабыть все другие мотивы.

* * *

Наша славная артиллерия била по противнику без перерыва. Три дня била так, что у них земля горела.

На рассвете 4 сентября мы пошли в атаку. Прорвали их оборону и продвинулись вглубь на шесть километров.

Между прочим, всех удивило одно обстоятельство. Ни раненых, ни убитых мы здесь не нашли. Только за деревней красовалась одна могилка. Свеженькая, аккуратненькая могилка. Березовый крест. На кресте немецкая каска. И под ней надпись «Ганс Федр — 1 сентября 1942 г.»

Стали мы над артиллеристами подшучивать. Дескать, слабо стреляли, уважаемые. Мазали. Только лишь одного фрица на небеса отправили.

Артиллеристы говорят:

— Мы и сами поражаемся — почему у них нет потерь.

Между прочим, командир той батареи, которая била по этим местам, лично обошел весь район, но, кроме одной этой могилки, он ничего не нашел.

И тогда он подошел к этой могилке, задумался и вдруг говорит:

— Беру на себя ответственность. Приказываю разрыть эту могилу, чтобы посмотреть, что там такое.

Разрыли эту могилу. Видим — под одним этим крестом навалено множество трупов.

Командир батареи говорит:

— Оказывается, и в этих своих божественных делах фашисты занимаются враньем. Они создают видимость отсутствия потерь. Так и запишем.

* * *

Захватили мы в плен группу немецких солдат. Глядим — что такое: один среди них исключительно похож на Гитлера.

Такие же у него усики. Прическа на лоб спустилась. И такое же бессмысленное выражение лица.

Бойцы говорят:

Черт возьми, может мы самого Гитлера словили. Вот будет исторический номер.

Повели пленных в штаб. Видим, и «Гитлер» идет своей мелкой походкой, не сопротивляется.

Командир полка тоже удивился, что перед ним стоит такой экземпляр. Спрашивает его:

— Кто вы такой? Что за птица?

Тот говорит:

— Да нет, я не Гитлер. Я ефрейтор шестого гренадерского полка.

Командир полка спрашивает:

— А что вы нарочно так загримировались или это ваша природная наружность?

Похожий на Гитлера говорит:

— Нет, сама природа не дает такого сходства. Я два года добивался этого. И добился того, что господа офицеры вздрагивали при виде меня. И сам начальник дивизии попятился и хотел побежать, когда меня встретил. Но ему разъяснили, что это я и зачем мне это нужно. Он сначала категорически запретил мне это сходство, но потом разрешил и только не велел мне на глаза показываться.

Командир полка спрашивает пленного ефрейтора:

— А зачем вам понадобилось играть под Гитлера? Какая вам от этого польза?

Пленный говорит:

— Польза огромная. Все солдаты боялись меня как огня. Они страшились, когда я появлялся перед ними в своем историческом облике. И в силу этого они беспре-

кословно выполняли все мои приказания. Помимо того, и господа офицеры считались со мной, мягко беседовали и награждали...

Похожий на Гитлера хотел еще о чем-то поговорить, но командир крикнул:

— Уведите от меня это историческое чучело. Оно мне на нервы действует.

Мы увели похожего на Гитлера во двор. А там стояли другие пленные. Они стояли кучкой и о чем-то между собой беседовали.

Похожий на Гитлера закричал на них и велел им построиться. Но они не послушались его и засмеялись. А один из пленных подошел к ефрейтору, хлопнул его по затылку и сказал:

— Капут тебе, Гитлер.

Похожий на Гитлера хотел рассердиться и даже сделал свирепое лицо. Но потом махнул рукой, встал у забора и принялся жевать хлеб, который достал из своего кармана.

* * *

Стоим у моста и вдруг видим — два красноармейца идут. Окликнули их. Спросили что полагается. Они ответили. И мы отпустили их.

Но старший сержант Анисимов снова окликнул этих красноармейцев. И велел им показать документы.

Осмотрел их документы. Все оказалось в порядке. Отпустил их.

Отпустил, а сам смотрит им вслед. Мы спрашиваем его:

— В чем дело, товарищ Анисимов? Что заставляет вас проявлять такую высокую бдительность в отношении этих двух бойцов?

Анисимов говорит:

— Понимаете, какая запятая. Ведь с пятнадцатого числа вся наша армия имеет зимнее обмундирование, а эти, глядите, идут, как цуцки, в летних шинельках и в сапогах.

Один из бойцов говорит:

— Товарищ Анисимов, а может, это действительно фашистская агентура, закинутая в наш тыл?

Анисимов говорит:

— В точности не могу вам ответить на этот вопрос,

но знаю, что теплые вещи — это самое узкое место у гитлеровцев.

И вот старший сержант Анисимов смотрит на этих двух удаляющихся красноармейцев и сам нервно барабанит пальцами по своему ремню. Потом говорит нам:

— Конечно, для своих агентов они достали бы пару наших полушубков. Дело не в этом. А дело в том, что именно в этом вопросе они могли иметь недоглядку. И это позволяет мне сделать соответствующие выводы.

И, сказав так, сержант Анисимов крикнул двум красноармейцам, которые удалились уже на двести шагов:

— Остановитесь. Стой!

И вдруг мы видим, что эти два, кому крикнули, — побежали.

И тогда мы одного ранили, а другого поймали. И все оказалось так, как подумал Анисимов.

В приказе по нашей части Анисимов получил благодарность за проявленную бдительность и смекалку.

* * *

Ночью пошли в разведку. Я впереди, два бойца сзади.

Ночь светлая. Луна сияет. И тихо. Стрельбы нету. Вдруг видим, впереди нас что-то мелькнуло. Видим — фигура. Гитлеровский фельдфебель.

Легли за кусточком. Ждем. Видим — он остановился. Стоит. Задумчиво смотрит вокруг себя. Потом сноза идет, заложив руки за спину.

Удивились. Думаем: «Если идешь в плен сдаваться, так иди побыстрей, без рук за спиной».

Велю бойцам его взять. Взяли. Видим, не хочет сдаваться. Борется. И даже оказывает отчаянное сопротивление, то есть кусается.

Пришлось, я извиняюсь, немного его ранить, чтоб он вел себя скромней, проще, не так агрессивно. Успокоился. Пошел культурней.

Приводим его в штаб. В штабе спрашивают: «Куда шел, зачем, какие имел задания?» Молчит.

Обыскали. Нашли документы. И среди них имелась одна бумага от их высшего командования, дескать такой-то фельдфебель, награжденный железным крестом,

является владельцем двух десятин земли. И видим, в бумаге указаны приблизительно те места, где расположены наши и немецкие траншеи и где поле, по которому шел этот гитлеровец.

Конечно, в штабе хохот поднялся, смех. Командир полка говорит:

— Что ж вы такие неудобные земли выбираете для своих владений?

Молчит. Не хочет отвечать. Командир полка спрашивает:

— Значит, вы просто шли и своим хозяйским оком осматривали ваше имение?

Не отвечает. После попросил папироску, закурил. Говорит:

— У нас многие, которые отличились, получили дарственные земли среди восточных пространств.

В штабе снова хохот поднялся. Смех. Шутки.

Спрашивают фельдфебеля:

— Когда же вы сподобились получить это дарственное поместье?

— Еще, говорит, в сентябре сорок первого года.

Командир полка говорит:

— Время-то как быстро летит... Прошло больше года, а вы еще и поместье свое не приняли.

Под общий смех и веселье спрашивают пленного:

— Ну, хоть понравилось ли оно вам?

Тот говорит:

— Нет, не понравилось. Плохая земля. И деревня разбита.

Командир полка говорит:

— Так вы бы поглядели землю, прежде чем ее брать. Еще в помещики лезете. А не предусмотрели такую мелочь. Взяли kota в мешке.

Гитлеровец сердито говорит:

— Да как же я мог ее глядеть, если вы там были.

Командир полка говорит:

— Так вы бы на парашюте спустились. Разве можно так беспечно свои коммерческие дела совершать. Вот и оболванили вас. Не то подсунули.

Фельдфебель понял, что над ним подшучивают. За-молчал.

Командир полка говорит:

— Нахальство гитлеровцев не поддается описанию. Русские земли они раздавали своей немчуре с надеждой, что они все завоюют... А ну-ка быстренько отведите скороспелого помещика в штаб дивизии. Тут его историческая миссия закончена.

Мы дали помещику вторую папироску. Он нервно закурил. И мы его увели.

* * *

Стоим в своих окопах. Наблюдаем за передним краем обороны противника.

Вдруг старший лейтенант говорит:

— Ах, мерзавцы, ну что они делают!

Спрашиваем:

— А в чем дело, товарищ старший лейтенант? Почему вы так восклицаете?

Старший лейтенант говорит:

— Поглядите в бинокль, что происходит. У меня руки дрожат от негодования.

Смотрим в бинокль. Видим — два фрица с автоматами гонят каких-то женщин. И гонят прямо к передним позициям. И вдруг видим — это наши советские женщины, крестьянки. Скромно одетые, в платочках. И только одна среди них, видим, в шляпке. Может быть, это учительница или пианистка, попавшая в лапы к этим преступникам.

Один из бойцов говорит:

— Удивляться не приходится. Сколько раз они уже прибегали к таким методам. И вот сегодня опять мы это наблюдаем.

Смотрим в бинокль. Видим — отряд остановился. И женщины разбирают лопаты. Начинают копать окопы.

Тут же среди работающих ходят два фрица с автоматами. И понукают работающих.

Старший лейтенант говорит:

— Они знают, что мы не будем стрелять в своих, да еще в женщин. И вот пользуются этим. Ведут оборонную работу среди бела дня.

Один из бойцов говорит:

— Товарищ старший лейтенант, у меня прямо руки чешутся. Разрешите выстрелить хотя бы вот в того фрица с автоматом.

Старший лейтенант говорит:

— Снайпер ты неплохой, но уж очень цель далекая — тысяча пятьсот шагов. И я боюсь, как бы ты своей пулей не задел женщин.

Кто-то из бойцов говорит снайперу:

— Как назло, около этого фрица работает учительница. Ну, если ты ее заденешь, я прямо не знаю, что с тобою сделаю.

Старший лейтенант говорит:

— Конечно, жаль эту учительницу, но стрелять придется. Подобьем одного фрица, потом другого. И тогда женщины разбегутся. Вот как нам надо поступить.

Снайпер нацелился. Раздался выстрел. И вдруг мы, к своему прискорбию, видим — учительница упала.

Упала бедная учительница, и шляпка скатилась с ее головы.

Вдруг старший лейтенант, который глядел в бинокль, воскликнул:

— Боже мой! Так ведь это же не учительница. Глядите — это фриц. Вот и прическа ежиком. И усики на его лице.

Тут мы стали глядеть в бинокль. Действительно, видим — сплошь немцы. Самые настоящие фрицы, но только в юбках и в платках.

Тогда мы открыли минометный огонь. И две мины упали прямо в толпу. И тут толпа побежала.

Видим — бегут фрицы, теряя юбки и платки.

И видим — притче всех бежит пресловутая учительница, раненная в руку. Она падает, подымается и снова бежит, путаясь в своей юбке.

Наконец, она сбрасывает с себя то, что ей мешает. И в суконных штанах и в высоких сапогах бежит дальше.

И, увидев все это, мы подняли такой частый и ураганный огонь, что даже сами удивились.

Мы задали им перцу — и за их нахальство, и за обман, и за то, что они в другой раз и в самом деле гонят перед собой мирных жителей, когда идут в атаку.

Позади наших траншей натянули огромный экран. И объявили — будут показывать немцам кино.

Некоторые из нас выразили сомнение: дескать немцы сорвут сеанс — откроют огонь и погубят нашу установку.

Которые натягивали экран говорят:

— А вы взгляните — какой это экран. Это марля. Пускай немцы в нее стреляют — с ней ничего не произойдет и катастрофы не будет.

Когда еще больше стемнело, начали сеанс.

Сначала показали кинохронику. Немцы вели себя прилично — не стреляли.

А когда начали вертеть комическую «Как фриц корову украл», немцы стали стрелять.

Только смотрим — действительно ничего не случается. Пульки проскакивают сквозь марлю, и сеанс продолжается.

Тогда немцы стали стрелять зажигательными пулями. Но и эти пули, видим никакого вреда не принесли. Ну, кое-где вспыхнет экран и сразу гаснет. Марля.

Но когда стали вертеть карикатуры на их руководителей, тогда гитлеровцы открыли оружейный огонь.

Однако сеанс продолжался. И у всех у нас возникло одно желание — довертеть ленту до конца, не дать им сорвать сеанс, чтобы не представить им морального перевеса.

И под грохот орудий это было выполнено с превышением, поскольку после ленты показали еще комическую сценку из серии «Фриц-куроцап».

Повели гитлеровцы наступление против нас. Но шли они не особенно энергично. Припадали к земле. И мы сразу поняли, что они ведут всего лишь разведку.

В общем, они стали откатываться назад. Откатились. И на поле боя остались только убитые, некоторые раненые и те невредимые, которым уж очень не хотелось подниматься с земли под нашим губительным огнем.

И вот стоим у бойниц и наблюдаем за полем боя.

Вдруг видим, из одной воронки выскочил фашистский солдат. Он выскочил всего лишь на секунду. Помахал нам рукой. Показал для чего-то на свою ногу. И снова скрылся в воронке.

Сначала мы даже не поняли, что этому фрицу нужно. Но вдруг видим — из воронки торчит его нога. Торчит его нога и немного покачивается, как бы говорит нам — давайте стреляйте сюда.

Среди нас смех поднялся. Поскольку уж очень откровенное желание у фрица.

И вот торчит его нога из воронки, а мы смеемся и вместе с тем соображаем, как нам поступить — уважить ли его просьбу или оставить ее без последствий. С одной стороны, как-то неохота выполнить его просьбу, оказать такую любезность этому арапу, пожелавшему выйти из войны. А с другой стороны, как будто полезно для дела — все-таки еще один гитлеровец будет сброшен со счетов. Да и финансовый урон нанесем фашистской лавочке, поскольку повезут этого пройдоху в тыл, начнут лечить, кормить, тратить на него горючее.

В общем, приходим к мысли — уважить его желание. Наш снайпер Иван Андреевич Фролов — старший сержант, награжденный орденом Отечественной войны второй степени, — говорит нам:

— Попробую, братки, покрепче его зацепить.

И с этими словами он стреляет.

Видим, пуля угодила сверхчувствительно. Нога аж кверху подскочила. И стон раздался.

И после долго никакого шевеления в воронке нельзя было заметить.

Уж не загнулся ли, думаем. Нет, видим, не загнулся. Высовывается он из воронки и нам кулаком грозит. Выражает этим свое неудовольствие, что мы его чувствительно ранили.

Послали мы ему еще несколько добавочных пуль, но он молниеносно скрылся в воронке.

Когда стемнело, двое из нас подошли к воронке, чтоб посмотреть, там ли фриз или уполз.

Оказывается, уполз. И никакой благодарственной записки нам не оставил.

ДВАДЦАТЬ ТРИ И ВОСЕМЬ ДЕСЯТЫХ

Один немолодой колхозник проживал со своей старухой на хуторе в том самом районе, где сейчас раскинулось Цимлянское море.

Три года назад хутор этот по плану строителей оказался в зоне затопления. Предстояло переехать на новые места, чтобы не очутиться на дне будущего моря.

Старуха взгрустнула от такой великой перемены, но старик Федор Федорович спокойно отнесся к событиям. Он осмотрел новые места, одобрил их и стал полегоньку готовиться к переезду.

Нет, особого удивления он не проявил, когда трактористы приподняли домкратами его домишко и на салазках перевезли за двадцать километров. Но одна деталь, связанная с переездом, все же необыкновенно поразила старика. Он был крайне удивлен, когда на новом месте строители указали людям, где ляжет край воды будущего моря.

Вот это указание строителей чрезвычайно изумило нашего старика. Он обошел многие хутора и станицы на их новых местах, и оказалось, что уже всюду был отмечен берег будущего моря. И даже с такой точностью, что некоторые станицы называли свои крайние улицы набережными.

С немалой гордостью старик подумал о наших строителях, которые так красиво и четко планируют воду. Но потом червь сомнения стал подтачивать его сердце. Ему вдруг показалось, что у строителей моря не получится: вода уйдет сквозь грунт в глубину и там растечется.

И вот целую неделю буравит его эта тревожная мысль. «Уйдет, думает, от них вода, в землю всосется».

Конечно, Федор Федорович имел всего двухлетнее образование, да и то получил полвека назад, однако дело об утечке воды, казалось, не требовало высокого образования. Тут логика сама за себя отвечала. Земля перепаханная, рыхлая. В такую землю вода не может не войти. Она непременно в нее войдет и просочится глубже. Вот это будет скандал на весь мир! Скажут: «Не получилось у них моря, утекло сквозь грунт в земные недра».

Чувствует старик: надо бы сказать об этом людям,

предостеречь строителей от такой опасности. Будет неловко, совестно, если море уйдет, а набережные в степи останутся.

Но кому об этом сказать? В правлении своего колхоза? Вот на этот шаг Федор Федорович не решился. Подумал: люди станут над ним подтрунивать, ежели окажется, что он неправильно мыслит.

Свою же старуху он с утра до ночи глушил подобными разговорами. Однако старуха, слишком далекая от таких забот, отмалчивалась. И только однажды, выведенная из терпения, сердито воскликнула:

— Весь век прожил без моря, старый черт, так и теперь без него обойдешься, если оно у тебя утечет!

Но потом, увидев, что супруг ее окончательно перекис от своих тревожных мыслей, сказала ему более мягко:

— Не надо, Федя, со мной толковать об этом. Я почему знаю, что у них будет и получится. Побеседуй с нашим сыном Петрушей. Все-таки он четыре аттестата имеет. Он тебе скажет, утечет ли море или оно гут, при тебе останется.

У них был сын Петр Федорович. Шофер. Раз в неделю он заезжал на хутор повидать своих родителей и отчасти покушать. Он действительно имел четыре аттестата. Он окончил в свое время семилетку, школу водителей автомашин, краткосрочные курсы и еще одни курсы, на которых он проходил переподготовку. К этому добавим, что Петр Федорович занимался самообразованием много читал, но, правда, все больше ерунду — легкие романы.

В общем, если считать по годам, проведенным за книгой, то следует сказать, что почти вся сознательная жизнь Петра Федоровича прошла в интенсивной учебе.

По этой причине нежные родители считали, что по культуре и знаниям их Петр уже достиг тех командных высот, какие позволяют людям обозревать мир с полным пониманием всех происходящих процессов.

Федор Федорович не хотел обращаться к сыну за справкой он вообще избегал задавать сыну какие-нибудь вопросы, чтобы не подрывать свой родительский авторитет. Но тут, вынужденный обстоятельствами, все же заговорил с ним о море. Однако, к великому удивле-

нию, увидел, что Петр ничего не смыслит в этом вопросе.

Почесывая свой затылок, Петр Федорович сказал.

— Ваш вопрос об утечке моря, папаша, застал меня врасплох. И поэтому, не подумавши, я не берусь на него ответить.

Пообедав и часок поспав, сын сказал отцу:

— Ко всем нашим мероприятиям, папаша, я, как вам известно, питаю глубочайшее доверие. И хотя вода и в самом деле в землю всасывается, тем не менее, вопреки этому закону, тут, видимо, следует ожидать обратных результатов. Иначе не стали бы строителям платить такую крупную зарплату. Так что будем надеяться, что море у них получится.

Такой витиеватый ответ еще больше встревожил старика. Уж если сын не взялся ответить на этот вопрос, то стало быть, и строители столкнутся с неожиданно стью. Видимо, и среди них поднимется волынка, когда спущенная вода пойдет гулять по вспаханным полям. Она стремительно начнет всасываться в землю, и уж тут будет поздно ее удерживать.

Сын Петр уехал в воскресенье вечером, а в понедельник утром Федор Федорович, ничего не сказав жене, ушел из дому.

В полдень люди видели его в штабе гидротехнического района. Решительной походкой он вошел в помещение штаба, и когда инженеры обступили его, он им рассказал о своей тревоге.

Молоденькая машинистка, находившаяся в помещении, засмеялась, услышав слова об утечке моря. Но один из инженеров строго сказал ей:

— Напрасно смеетесь, Апечка. Наша геологическая наука именно так и ставит вопрос: уйдет ли море, если в недрах земли не окажется водонепроницаемых пород?

И тут, обернувшись к нашему старику, инженер сказал:

— Да, несомненно, вода просочится сквозь грунт. Все ближайшие пласты земли сильно пропитаются водой. Но это и установит нужное равновесие. Эти пласты явятся барьером и будут препятствовать уходу воды. Поэтому нет оснований думать, что искусственное море исчезнет.

Другой, видимо, главный, инженер добавил к этим словам:

— Конечно, при наличии глубоких трещин возможны катастрофы. Однако наука заранее исследует недра земли. В данном случае наши ученые уже дали свои сведения проектировщикам. А те с учетом этого произвели свои расчеты и даже установили, что в Цимлянском море будет 23,8 миллиарда кубометров воды. Правда, этот объем будет достигнут не сразу, а только к лету 1953 года.

Неловко было Федору Федоровичу слушать эти слова. Он чувствовал себя ничтожной мошкой, которая опалила свои крылышки блеском науки. Желая скрыть свое душевное смятение, он порывлся в карманах, вытащил клочок бумаги и, деловито хмурясь, записал для памяти эту цифру — 23 и 8 десятых.

Федор Федорович и сам не помнил, как он вернулся домой. Сердце его ликовало от многих дум, но вместе с тем ему было невыносимо грустно, что в свое время он не поступил в школу для взрослых и даже не посещал лекций, какие читали приезжие лекторы.

Вечером, укладываясь спать, Федор Федорович сказал старухе:

— Уж теперь я и не знаю, что мне о нашем Петре думать. Конечно, понимаю, все изучить нельзя. Но все-таки основы надо бы знать, чтобы носить высокое звание образованного человека.

На это старуха сказала, желая успокоить мужа:

— Наш Петруша не старый человек. Он еще может получить пятый аттестат. И тогда будет знать, сколько воды в морях и океанах.

* * *

Недавно в газетах промелькнуло краткое сообщение: «В мае этого года Цимлянское море достигло своего проектного объема — 23,8 миллиарда кубометров воды».

С волнением я прочитал эти сухие газетные строчки. И, живо вспомнив всю эту историю, записал ее в том виде, в каком услышал от одного знакомого гидролога.

1953

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Минувшим летом я провел свой отпуск в доме отдыха.

Директор нашего дома отдыха все свои отеческие заботы направлял на питание отдыхающих, справедливо полагая, что хороший стол покроет многие минусы его учреждения.

Он привлек к работе отличного повара, который изготовлял великолепные пирожки, удивительные салаты и неплохие котлеты. Сладкое блюдо, сделанное искусной рукой этого повара, всегда вызывало общее одобрение.

По этой причине отдыхающие были настроены благодушно и не раз благодарили директора за его образцовое хозяйство и за чудесный стол.

Желая еще больше угодить отдыхающим, директор однажды сказал тем, кто пришел его благодарить:

— С вашего разрешения, — сказал он, — я передам вашу благодарность нашему повару Ивану Фомичу, который старается там у плиты. Это, несомненно, поощрит его. И мы тем самым достигнем еще лучших результатов.

Действительно, со следующего дня качество обедов еще более повысилось. И тогда директор, сияя от удовольствия, сказал отдыхающим:

— Вот видите, какое усердие проявляет наш повар, получив благодарность. А ведь устная благодарность — это птица в небе. Советую от души: составьте похвальное письмецо повару. Мы опубликуем это письмецо в нашей стенной газете. И тогда посмотрим, что будет.

Отдыхающие так и сделали. За пятью подписями они поместили в стенгазете письмо, где в пышном стиле отметили выдающуюся кулинарную деятельность повара Ивана Фомича.

Причем один художник из отдыхающих нарисовал вокруг письма красивую рамку, увитую лентами, цветами и лаврами.

Эффект превзошел ожидания директора.

Чудесные пирожки, изготовленные нашим поваром, теперь буквально таяли во рту. Салаты стали такие, что даже объевшийся человек ел их еще и еще. А слад-

кое блюдо с этого дня вызывало всеобщее изумление, смешанное с шумным восторгом.

Но особый восторг проявлял один из отдыхающих — молодой композитор, который сидел за столиком рядом со мной. Точнее сказать: он чаще вскакивал, чем сидел. Какая-то скрытая пружина не позволяла его худому и длинному телу пребывать в покое.

За нашим столиком помещались доктор филологических наук и его супруга. Филолог был на редкость тощий и молчаливый субъект. Но супруга с избытком уравновешивала эти его недочеты.

Так вот, однажды, обедая, молодой композитор проявил исключительную восторженность, доходящую до первозности. Все, что на этот раз подавали к столу, он восхвалял в неумеренной степени. Но когда принесли сладкое, он вскочил со стула и воскликнул, обращаясь к филологу:

— Немедленно попробуйте крем! Это чудо поварского искусства!

Доктор филологических наук, попробовав крем, сказал «да» и склонил свою голову в знак удовлетворения.

Жена филолога стала пояснять нам, чем именно хорош этот крем и почему заварные кремы бывают неважного качества.

Не дожидаясь конца ее речи, композитор снова воскликнул:

— Нет, нет, мы еще не в полной мере отметили великие заслуги нашего повара! Мы обязаны еще и еще раз поощрить этот божественный дар!

Жена филолога предложила взять с отдыхающих некоторую сумму денег, чтобы купить повару серебряный портсигар либо отрез простенькой материи на костюм. Однако композитор с досадой воскликнул:

— Ах, это будет не то, не то! Перед нами изумительный мастер своего дела — художник, артист! И мы, как артисту, должны оказать ему почести.

И с этими словами композитор принялся аплодировать.

Обедающие с недоумением посмотрели на него. И тогда композитор торопливо бежал столики и не-

громко оповестил всех, что сейчас решено вызвать аплодисментами повара для того, чтобы устроить ему овацию.

Все охотно согласилось с этим. И по знаку, данному композитором, в столовой раздались дружные аплодисменты.

Служебный персонал кухни не тотчас разобрался в значении этого шума. На пороге столовой появилась судомойка. И вслед за ней выскочил поварской ученик Федюшка. Оба они с улыбкой, но не понимая, взирали на рукоплещущих людей.

Забегали официантки. Появился директор. Он тотчас присоединился к аплодирующим и громко крикнул, вызывая повара:

— Иван Фомич! Просим...

Вскоре появился повар Иван Фомич. Это был грузный мужчина с отвисшими седеющими усами. Высокий поварской колпак придавал ему несколько устрашающий вид.

Да, конечно, повар Иван Фомич уже привык к вниманию и успеху, однако овация заметно изволновала и даже ошеломила его новизной дела. Некоторое время повар молча стоял на пороге столовой и, вытирая передником свое запотевшее лицо, искоса посматривал на окружающих, которые стоя аплодировали ему.

Аплодисменты усилились. Композитор, бросившись к роялю, заиграл туш. И тогда повар Иван Фомич вышел на середину столовой.

Теперь на его побледневшем лице светилась сложная гамма чувств. Гордость, душевное волнение, восторг, изумление — вот что одновременно можно было прочесть в его облике.

Директор поднял руку и, водворив тишину, обратился к повару с краткой речью. Он так без запинки сказал:

— Дорогой Иван Фомич! Ваши предшественники долго морочили публику своей сомнительной кулинарией. И только с вашим приходом дирекция обрела душевный покой, что является ключевой позицией к здоровью. Позвольте же от имени всех отдыхающих еще раз поблагодарить вас за ваше высокое мастерство, которое, как солнце, озарило наш скромный дом отдыха!

Тут под гром бурных аплодисментов директор обнял повара и трижды поцеловал его в усы и в щеки.

Теперь полагалось повару выступить с ответным словом. Но Иван Фомич не оказался мастером и в этом сложном искусстве. Впрочем, быть может, волнение сковало его речевой дар. Так или иначе, Иван Фомич скупно обронил несколько фраз, по которым, однако, можно было судить о благородном достоинстве его мыслей. Сняв свой белый колпак и прижав его к сердцу, он сказал:

— Старался... Достигал... Обещаю и впредь проявить к людям заблуду... От души благодарю за внимание... Спасибо...

Бурными аплодисментами, музыкой и криками «браво» закончилась эта встреча отдыхающих с поваром. Скромно поклонившись, Иван Фомич удалился на кухню.

Нет, я не был свидетелем дальнейших событий, но очевидцы с протокольной точностью рассказали о том, что вскоре случилось.

В пять часов дня повар Иван Фомич, взяв с собой своего племянника Федюшку, направился в поселок к знакомым рыбакам. Там, крепко напившись, Иван Фомич нанял лодку с двумя гребцами. Эту лодку он украсил коврами и зеленью. Посадил на корму знакомого гармониста. И в этой лодке под звуки музыки проплыл по озеру вдоль поселка и вдоль многочисленных здравниц и санаториев.

Весь этот водный путь повар совершил стоя в лодке, положив руку на плечо одного из гребцов. Весь этот путь (по словам очевидцев) Иван Фомич стоял, как монумент, среди зелени и ковров. Причем, когда гармонист смолкал, поварской ученик Федюшка тотчас же принимался тренькать на своей мандолине.

Однако немалое количество вина, поглощенное поваром, привело экспедицию к неожиданной аварии. Когда гребцы резко повернули лодку для вторичного рейса, Иван Фомич не удержался на ногах и упал за борт. Дородное тело его поколебало утлое суденышко, и оно, зачерпнув воды, перевернулось.

Федюшка и гребцы сами выплыли к берегу. А повара и гармониста с его баяном выловили рыбаки.

Иван Фомич сильно наглотался воды и долгое вре-

мя лежал на берегу почти без движений. Жители поселка хотели было откачивать его, но он не дался. И вместе со своим промокшим племянником Федюшкой поспешил на свою квартиру.

И там у себя на квартире (как утверждают люди) Иван Фомич до глубокой ночи пил, ел и даже бушевал.

Об этом чрезвычайном происшествии узнали в нашем доме отдыха только лишь на другой день, когда к утреннему завтраку, вместо изысканных салатов, подали манную кашу с вульгарной клюквенной подливкой.

За завтраком доктор филологических наук сказал нам, чуть улыбаясь:

— Да, я всегда полагал, что пышная похвала требует от людей особой моральной стойкости.

Жена филолога стала нам расшифровывать мысль своего мужа и при этом многословно принялась пояснять, что хвалить людей нужно, это педагогично и дает чудесные результаты. Однако при некотором переборе (сказала она) иной раз возникает странные неожиданности — вроде скандального происшествия с нашим поваром. Из чего явствует, что непомерная похвала для слабой души таит в себе некоторую опасность.

Молодой композитор воскликнул с душевным волнением:

— Нет, я не согласен с вами! Даже самая возвышенная похвала не может повредить делу. И я более чем уверен, что наш повар, оправившись от аварии, превзойдет самого себя!

В этот день нам подали обед, наспех приготовленный чьей-то неискусной рукой. Да и в течение пяти дней (а это немалый срок для стдыхающих) обеды были весьма сомнительного качества. Но к концу недели отдыхающие снова не могли удержаться от шумных восторгов в адрес нашего повара Ивана Фомича.

И тогда молодой композитор, кушая за обедом сладкое, взволнованно сказал жене филолога:

— Попробуйте эти меренги! Пышная похвала отнюдь не повредила делу. Те почести, какие мы оказали повару, только лишь окрылили его изумительное мастерство!

Похвалив меренги, жена филолога осталась при своем мнении. Она сказала, что пышная похвала более опасна для неопытного подмастерья, чем для первоклассного мастера. Неопытный подмастерье после безмерных похвал нередко останавливается в своем росте, считая, что ему далее некуда идти. Либо он падает духом от первой неудачи. И уж тогда ищет забвения в стакане вина.

Молодой композитор вскочил из-за стола, чтобы на это что-то возразить, но жена филолога, не сделав паузы, продолжала:

— Однако и для первоклассного мастера, — сказала она, — здесь таится некоторая опасность. Безмерная похвала нередко убаюкивает сознание, взращивает гордыню и не позволяет критически отнестись к своему труду. Вот по этой причине и первоклассный мастер (допустим, художник слова) иной раз бросает свое дивное мастерство — он становится доморожденным проповедником, ханжой, кликушей, а то и развинченным декадентом.

Жена филолога долго и многословно говорила на эту тему и заключила свою речь следующими словами:

— Конечно, такого превращения с нашим первоклассным поваром не может произойти. Пышная похвала только лишь на короткое время поколебала его душевное равновесие. Судя по меренгам, все уже закончилось к общему благополучию. И теперь нашего повара, видимо, снова можно хвалить, не рискуя натолкнуться на неприятные неожиданности.

Доктор филологических наук не принимал участия в этом разговоре и только под самый конец беседы сказал композитору назидательным тоном:

— Моральная закалка, молодой человек, нужна решительно в любой профессии, включая сюда кулинарное дело и в особенности музыку, которая столь часто сопровождается аплодисментами.

На это молодой композитор ничего не ответил и развинченной походкой человека, пресыщенного аплодисментами и почестями, вышел из помещения.

М. Кольцов

ВСЕ, КАК ПРИНЯТО

— Заседание возобновляется, — сказал председательствующий. — Слово для доклада о работе фракции райисполкома имеет товарищ Долотов.

Партийная конференция поудобнее уселась на стульях, кто-то цыкнул на шумевших у двери делегатов, в задних рядах делегаты приложили к ушам самодельные, из газетной бумаги рупоры — лучше слышать.

Интересно, как повернет! — шептались в зале.

— Тсс!

— Площадь района в его установленных границах, — начал докладчик и прокашлялся, — составляет 50 105 квадратных километров, или 5 010 600 гектаров, или 4 585 500 десятин. По своей обширности он занимает второе место в округе и составляет 33,8 процента общей площади нашего округа. По приблизительным данным, среднюю температуру зимы следует считать — 5 градусов, лета + 16 градусов.

— Ишь ты, с цифр начинает! — многозначительно перемигнулись слушатели.

— Температуру вегетационного периода надо в среднем считать 13 градусов. Продолжительность его — 135 дней. По количеству осадков, исчисляемых в 400 миллиметров, наш район надо относить к сухому поясу. Вообще же большая часть района северной параллели может

быть охарактеризована как область с очень волнистыми местами, с высоко поднятым над уровнем моря рельефом.

— Намек, — шепнулись в президиуме. — Определенно намекает, неизвестно только, на что.

— Тут мы имеем, — с подъемом продолжал председатель исполкома, — тут мы определенно имеем большое обилие каменистых подзолистых почв, чрезвычайно развитых мховых болот и сильно заболоченных, раскисленных луговых почв. Это следует подчеркнуть гораздо меньше в отношении южной части района, где почвы встречаются почти те же, но по рельефу ниже над уровнем моря, однако они менее скелетны и не так заболачиваемы.

— К чему это он? Наверно, неспроста!

— Да, уж наверно...

Докладчик, точно упомянув, о том, что в районе имеется 9 почтово-телеграфных отделений и 5 радиостановок, перешел к путям сообщения.

— Водных путей на территории района исчисляется 486 километров, трактов, подъездных путей и колесных дорог — 1198 километров, причем они распределяются следующим образом...

Тут оратор хлебнул воды и, набравши полную грудь, начал с неумолимой фактической точностью сообщать, сколько в районе есть железнодорожных станций и какая станция от какой отделена сколькими километрами. Далее товарищ Долотов подробно рассказал, сколько на реках имеется перекатов и мелей и какая глубина воды исчислялась в них по данным 1909 года. Указал далее в точных цифрах количество лесных насаждений, сколько из них приходится на хвойные и сколько на лиственные.

Конференция встревоженно загудела. Ясно было, что председатель исполкома задумал сделать грандиозный доклад и что географическая часть есть лишь скромное вступление к дальнейшему.

— Здесь, в лесах, — заливается докладчик, — встречаются козули, сохатые, изюбр, белка, лисица, горностай. Также и рысь, но редко, не говоря уже о птице.

«Сам ты птица хорошая, — уныло думали свою думу делегаты. — Пока ты до дела доберешься, засохнем мы тут».

Но Долотов продвигался довольно быстро. Уже с трибуны журчали новые цифры и данные.

— В нескольких словах коснусь истории приисков на реках Джалинде, Уркани и Ольде. Впервые промыслы возникли здесь в 1866 году по инициативе инженера Абросова... Оборот Винторга равен 319 210 рублям и составляет 14 процентов к общему обороту... Овец и коз имеется 79, свиней — 624.

— Пожалуй, скоро и до дела доберется!

Долотов действительно начал переходить к советскому строительству.

— Аппарат нашего исполкома подразделяется на три отделения. Общее отделение, где сосредоточена работа президиума, политпросветработа, народное образование, вопросы военные, земельные и здравоохранения. Затем — налогово-финансовое отделение и административное отделение.

Далее председатель исполкома с очевидным знанием дела перечислил комиссии и секции, состоящие при общем и налоговом отделениях. Что же касается отделения административного, то товарищ Долотов с сожалением указал на отсутствие при нем комиссий.

Упомянув также о том, что в сельсоветах имеются женщины, и о том, что в комитетах общественной взаимопомощи состоят 2 325 членов, докладчик вытер пот со лба и начал укладывать бумаги в портфель.

В зале прошел легкий ропот. Попросили слово к порядку.

— Товарищи, я предлагаю товарищу Долотову продолжать доклад, не делая обеденного перерыва. Тогда он сможет уложиться в сегодняшний день, и уже завтра с утра мы откроем прения.

— Вы не поняли, — сказал, усмехнувшись, председатель. — Товарищ Долотов доклад свой кончил полностью и добавить больше ничего не имеет. Прошу записываться в прения по докладу.

Зал облегченно вздохнул. Упревший докладчик весело раскланивался с делегатами.

Никто не оспаривал данных председателя исполкома о расстояниях между железнодорожными станциями. Никто не критиковал рельеф местности, никто не

возмущался по поводу того, что в районных лесах водятся белки, а не жирафы.

Ораторы не спорили. Они лишь дополняли. Вносили отдельные детали.

Деталь: исполком получил 7 тысяч бревен для дорожных мостов. Оставил их лежать без присмотра, и бревна сгорели.

Деталь: у одного исполкомовского милиционера участок тянется 250 километров по линии железной дороги. Когда милиционеру надо прогуляться по участку, он садится зайцем в поезд, из поезда его гонят в шею, и он не знает, что делать, денег на билет не отпускают.

Деталь: школьная сеть работает отвратительно, нет ни учителей, ни пособий.

Деталь: райисполком совершенно не интересуется работой сельсоветов. Председатели пьянствуют и хулиганят, граждане боятся входить в советы, чтобы их там не побили.

Деталь: исполком ничего не сделал, чтобы получить семенную ссуду для районов.

Деталь: все комиссии и секции никакой работы не ведут, существуют только на бумаге.

Деталь: на селе идет ожесточеннейшая классовая борьба, дикая эксплуатация батраков, ни к чему этому исполком никакого касательства не имеет.

Деталь: когда председатель исполкома решил прочесть отчетный доклад перед железнодорожниками, клубное помещение было занято под театральную постановку. И авторитет председателя был настолько велик, что... он клуба так и не получил.

Прения кончились. Докладчик получил заключительное слово. Он с удовлетворением отметил, что выступавшие товарищи в общем не возражали по существу доклада и тем самым подтвердили правильность линии исполкома. Что касается сообщенных в прениях дегалей, то, само собой, работа исполкома была не без недостатков, и это совершенно естественно, ибо не может же работа давать одни только достижения! Не ошибается тот, кто ничего не делает.

Приняли резолюцию на двух страницах. В ней подчеркнуто было удовлетворительное политическое и эко-

номическое состояние района, активное участие трудящихся в мероприятиях партии и советской власти, — за вычетом частичного выступления кулацко-зажиточной части деревни, направленного к срыву этих мероприятий советской власти. Что касается работы самого исполкома, то и тут был отмечен «ряд достижений в работе комфракции» и выражено три пожелания для дальнейшей ее деятельности. Во-первых, пересмотреть состав медработников и упорядочить выписку медикаментов. Во-вторых, улучшить снабжение школ учебниками. И, в-третьих, больше обратить внимания на инструктаж в области секционной работы.

— Будут ли какие замечания по резолюции? Нет. Кто за, против, воздержался? Нет. Принято единогласно. Заседание считаю закрытым. Предлагаю спеть «Интернационал».

Делегаты встали и, осторожно разминая затекшие ноги, сначала тихонько, но затем все громче стройным хором запели.

И. Ильф и Е. Петров

ЗДЕСЬ НАГРУЖАЮТ КОРАБЛЬ

«Когда восходит луна, из
зарослей выходят шакалы».

Стенли, «Как я нашел Левингстона»

Ежедневно собиралось летучее совещание, и ежедневно Самецкий прибегал на него позже всех.

Когда он, застенчиво усмехаясь, пробирался к свободному стулу, собравшиеся обычно обсуждали уже третий пункт повестки. Но никто не бросал на опоздавшего негодующих взглядов, никто не сердился на Самецкого.

— Он у нас крепкий, — говорили начальники отделов, их заместители и верные секретари. — Крепкий общественник.

С летучего совещания Самецкий уходил раньше всех. К дверям он шел на цыпочках. Краги его сияли. На лице выражалась тревога.

Его никто не останавливал. Лишь верные секретари шептали своим начальникам:

— Самецкий пошел делать стенную. Третий день с Ягуар Петровичем в подвале клеят.

— Очень, очень крепкий работник, — рассеянно говорили начальники.

Между тем Самецкий озабоченно спускался вниз.

Здесь он отвоевал комнату между кухней и местом, специально для общественной работы. Для этого пришлось выселить архив, и так как другого свободного помещения не нашлось, то архив устроился в коридоре. А работника архива, старика Пчеловзводова, просто уволили, чтоб не путался под ногами.

— Ну, как стенновочка? — спрашивал Сامةцкий, входя в комнату.

Ягуар Петрович и две девушки ползали по полу, расклеивая стенгазету, большую, как артиллерийская мишень.

— Ничего стеннушка, — сообщал Ягуар Петрович, поднимая бледное отекшее лицо.

— Стеннуля что надо, — замечал и Сامةцкий, полюбовавшись работой.

— Теперь мы пойдем, — говорили девушки, — а то нас и так ругают, что мы из-за стенгазеты совсем запустили работу.

— Кто это вас ругает? — кипятился Сامةцкий. — Я рассматриваю это как выпад. Мы их продернем. Мы поднимем вопрос.

Через десять минут на третьем этаже слышался голос Сامةцкого:

— Я рассматриваю этот возмутительный факт не как выпад против меня, а как выпад против всей нашей советской общественности и прессы. Что? В служебное время нужно заниматься делом? Ага. Значит, общественная работа, по-вашему, не дело? Товарищи, ну как это можно иначе квалифицировать, как не антиобщественный поступок!

Со всех этажей сбегались сотрудники и посетители.

Кончалось это тем, что товарищ, совершивший выпад, плачущим голосом заверял всех, что его не поняли, что он вообще не против и что сам всегда готов. Тем не менее справедливый Сامةцкий в следующем номере стенгазеты помещал карикатуру, где смутьян был изображен в самом гадком виде — с большой головой, собачьим туловищем и надписью, шедшей изо рта: «Гав, гав, гав!»

И такая принципиальная непримиримость еще больше укрепляла за Сامةцким репутацию крепкого работника.

Всех, правда, удивляло, что Сامةцкий уходил домой

ровно в четыре. Но он приводил такой довод, с которым нельзя было не согласиться.

— Я не железный, товарищи, — говорил он с горькой усмешкой, из которой, впрочем, явствовало, что он все-таки железный, — надо же и Самецкому отдохнуть.

Из дома отдыха, где измученный общественник проводил свой отпуск, всегда приходили трогательнейшие открытки.

«Как наша стеннушечка? Скучаю без нее мучительно. Повел бы общественную работу здесь, но врачи категорически запретили. Всей душой стремлюсь назад».

Но, несмотря на эти благородные порывы души, тело Самецкого регулярно каждый год опаздывало из отпуска на две недели.

Зато по возвращении Самецкий с новым жаром вовлекал сотрудников в работу.

Теперь не было проходу никому. Самецкий хватал людей чуть ли не за ноги.

— Вы слабо нагружены! Вас надо малость подгрузить! Что? У вас партийная нагрузка, учеба и семинар на заводе? Вот, вот! С партийного больше и спрашивается. Пожалуйста, пожалуйста, в кружок бабалаечников. Его давно надо укрепить, там очень слабая прослойка.

Нагружать сотрудников было самым любимым занятием Самецкого. Он любил это дело.

Есть такая игра. Называется она «нагружать корабль». Играют в нее только в часы отчаянной скуки, когда гостей решительно нечем занять.

— Ну, давайте грузить корабль. На какую букву? На «м» мы вчера грузили. Давайте сегодня на «л». Каждый говорит по очереди, только без остановок.

И начинается галиматья.

— Грузим корабль лампами, — возглашает хозяин.

— Ламбрекенами! — подхватывает первый гость.

— Лисицами!

— Лилипутами!

— Лобзиками!

— Локомотивами!

— Ликерами!

— Лапуасцами!

— Лихорадками!

— Лоханками!

Первые минуты нагрузка корабля идет быстро. Потом выбор слов становится меньше, играющие начинают тужиться. Дело движется медленнее, а слова вспоминаются совсем дикие. Корабль приходится грузить:

— Люмпен-пролетариями! Лимитрофами! Лезгинками! Ладаном!

Кто-то пытается загрузить корабль Лифшицами. И на этом игре конец. Возникает дурацкий спор: можно ли грузить корабль собственными именами.

Самецкий испытывал трудности подобного же рода.

Им были организованы все мыслимые на нашей планете самодетельные кружки. Помимо обыкновенных, вроде кружка профзнаний, хорового пения или внешней политики, числились еще в отчетах:

Кружок по воспитанию советской матери.

Кружок по переподготовке советского младенца.

Кружок — «Изучим Арктику на практике».

Кружок балетных критиков.

Достигнув таких общественных высот, Самецкий напргся и неожиданно сделал еще один шаг к солнцу. Он организовал ночную дежурку под названием: «Скорая помощь пожилому служащему в ликвидации профнеграмотности. Прием с двенадцати часов ночи до шести часов утра».

Диковинная дежурка помещалась в том же подвале, где обычно клеили стенгазету.

Здесь дежурили по ночам заметно осунувшиеся, поблекшие девушки и Ягуар Петрович. Ягуар Петрович совсем сошел на нет. Щек у него уже почти не было.

В ночной профилакторий никто не приходил. Там было холодно и страшно.

Все-таки неугомонный Самецкий сделал попытку нагрузить корабль еще больше.

Самецкий изобрел карманную стенгазету, которую он ласкательно назвал «Стеннушка—карманушка».

— Понимаете, я должен довести газету до каждого сотрудника. Она должна быть величиной в визитную карточку. Она будет роздана всем. Вынул газету из жилетного кармана, прочел, отреагировал и пошел дальше. Представляете себе реажж!..

Вся трудность заключалась в том, как уместить на крошечном листке бумаги полагающийся материал: и

статью о международном положении, и о внутриучрежденской жизни, и карикатуру на одного служащего, который сделал выпад, одним словом — все.

Спасти положение мог только главный бухгалтер, обладающий бисерным почерком.

Но главный бухгалтер отказался, упирая на то, что он занят составлением годового баланса.

— Ну, мы это еще посмотрим, — сказал Самецкий, — я это рассматриваю как выпад.

Но здесь выяснилось, что Самецкий перегрузил свой корабль.

— Чем он собственно занимается? — спросили вдруг на летучем совещании.

— Ну, как же. Крепкий общественник. Все знают.

— Да, но какую работу он выполняет?

— Позвольте, но ведь он организовал этот... ну, ночной колумбарий, скорая помощь, своего рода профсоюзный Склифасовский... И потом вот... переподготовка младенцев. Даже в «Вечерке» отмечали...

— А должность, какую он занимает должность?

Этого как раз никто не знал. Кинулись к ведомости на зарплату. Там было весьма кратко и неопределенно: «Самецкий 360 р.».

— Туманно, туманно, — сказал начальник, — ах, как все туманно! Конечно, Склифасовский Склифасовским, но для государства это не подходит. Я платить не буду.

И судьба Самецкого решилась.

Он перегрузил свой корабль. И корабль пошел ко дну.

ПОД ЗНАКОМ РЫБ И МЕРКУРИЯ

Иван Антонович Филиппиков, сотрудник Палаты мер и весов, очень любил свое учреждение. Он хотел бы даже, чтобы Палате принадлежала высшая власть в стране. Уж очень ему нравилась Палата, существующий в ней порядок, блестящие цилиндрические гири, метры и литры, одним своим видом говорящие о точности и аккуратности.

В таких приятных мыслях гражданин Филиппиков прогуливался однажды по городу.

Подойдя к оживленному перекрестку, Иван Антонович увидел плакат:

ПЕРЕХОДЯ УЛИЦУ, ОГЛЯНИСЬ ПО СТОРОНАМ

Для пущей внушительности на плакате был изображен милиционер с улыбкой манекена и с красной палочкой в руке.

Иван Антонович добросовестно кинул взгляд на запад. Потом глянул на восток. Потом покосился на юг и наконец повернулся к северу. И на севере, у магазина наглядных пособий, где веселые скелеты обменивались дружественными рукопожатиями, он увидел мальчика, на плече которого сидел попугай.

— Грияждане, — скучным голосом говорил мальчик, — американский попугай прорицатель Гаврюшка докладывает тайны прошедшего, настоящего и будущего. Пакет со счастьем — десять копеек!

Попугай-прорицатель строго смотрел на Филиппикова.

«Разве в виде шутки попробовать!» — сказал себе Иван Антонович.

И уже через минуту вестник счастья с ворчанием вручил ему розовый конверт.

Иван Антонович надел очки и вынул из конверта предсказание своей судьбы.

«Вы родились, — прочел он, — под знаком Рыб и Меркурия. Вы испытали много превратностей, но не теряйте мужества.

Судьба вам будет благоприятствовать. Скоро вы получите приятное известие. Счастье и выгоды в изобилии выпадут на вашу долю. Вы получите большие имения, которые вам будут приносить большие доходы. Оракул предвещает вам, что ваша жизнь будет цепью счастливых дней».

— Оракул! — с удовольствием произнес Филиппиков. — Оракул! Моя жизнь будет цепью счастливых дней. Скоро я получу приятное известие.

Лучезарно улыбаясь, Иван Антонович поглядел на витрину магазина наглядных пособий, где рядами возлежали лошадиные черепа, и поплелся домой.

— Слышишь, Агния, — сказал он жене, — наша жизнь будет цепью счастливых дней.

— Почему цепью? — испуганно спросила жена.

— Да вот оракул сказал, Агнесса.

И гражданин Филиппиков, член многих добровольных обществ, передал своей жене, гражданке Филиппиковой, пакет со счастьем.

Агнессу ничуть не смутило то, что ее дорогой муж родился под знаком Рыб и Меркурия. Она любила Ивана Антоновича и никогда не сомневалась в том, что он родился именно под этими знаками.

Но с практичностью домашней хозяйки она обратила все свое внимание на фразу, сулящую непосредственные реальные блага.

«Вы получите большие имения, которые принесут вам большие доходы».

— Вот хорошо, — сказала Агния. — Большие имения! Большие доходы! Как приятно!

До самого вечера Иван Антонович почему-то чувствовал себя скверно, а за ужином не вытерпел и сказал жене:

— Знаешь, Агнесса, мне не нравится... то-есть не то чтоб не нравится, а как-то странно. Какие же могут быть теперь имения, а тем более доходы с них? Ведь время-то теперь советское.

— Что ты, — сказала жена. — Я уже забыть успела, а ты все про своего оракула.

Однако ночь Филиппиков провел дурно. Он часто вставал, пил воду и смотрел на розовый листок с предсказанием. Нет, все было в порядке, по новой орфографии. Листок, несомненно, был отпечатан в советское время.

— Какое же имение? — бормотал он. — Совхоз, может быть? Но за доходы с совхоза мне не поздоровится. Хороша же будет эта цепь счастливых дней, нечего сказать.

А под утро приснился Ивану Антоновичу страшный сон. Он сидел в полосатом архалуке и дворянской фуражке на веранде помещичьего дома. Сидел и знал, что

его с минуты на минуту должны сжечь мужики. Уже розовым огнем полыхали псарня и птичий двор, когда Филиппиков проснулся.

На службе, в Палате мер и весов, Иван Антонович чувствовал себя ужасно, не поднимал головы от бумаг и ни с кем не беседовал.

Прошло две недели, прежде чем Филиппиков оправился от потрясения, вызванного предсказанием попугая Гаврюшки.

Так радикально изменилось представление о счастье.

То, что в 1913 году казалось верхом благополучия (большие имения, большие доходы), теперь представляется ужасным (помещик, рантье).

Оракул, несмотря на свою новую орфографию, безбожно отстал от века и зря только пугает мирных советских граждан.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ИКС

О несправедливости судьбы лучше всех на свете знал Виталий Капитулов.

Несмотря на молодые сравнительно годы, Виталий был лысоват. Уже в этом он замечал какое-то несправедливое к себе отношение.

— У нас всегда так, — говорил он, горько усмехась. — Не умеют у нас беречь людей. Довели культурную единицу до лысины. Живи я спокойно, разве ж у меня была бы лысина? Да я же был бы страшно волосатый!

И никто не удивлялся этим словам. Все привыкли к тому, что Виталий вечно жаловался не окружающим.

Утром, встав с постели после крепкого десятичасового сна, Виталий говорил жене:

— Удивительно, как это у нас не умеют ценить людей, просто не умеют бережно относиться к человеку. Не умеют и не хотят!

— Ладно, ладно, — отвечала жена.

— И ты такая же, как все. Не даешь мне договорить, развить свою мысль. Вчера Огородниковы до

одиннадцать жарили на гармошке и совершенно меня измучили. Ну, конечно, пока жив человек, на него никто внимания не обращает. Вот когда умру, тогда поймут, какого человека потеряли, какую культурную единицу не уберегли!..

— Не говори так, Виталий, — вздыхала жена. — Не надо.

— Умру, умру, — настаивал Капитулов. — И тогда те же Огородниковы будут говорить: «Не уберегли мы Капитулова, замучили мы его своей гармошкой, горе нам!» И ты скажешь: «Не уберегла мужа, горе мне!»

Жена плакала и клялась, что убережет. Но Виталий не верил.

— Люди — звери, — говорил он, — и ты тоже. Вот сейчас ты уже испугалась ответственности и навязываешь мне на шею свой шарф. А вчера, небось, не навязывала, не хотела меня уберечь от простуды. Что ж, люди всегда так. Простужусь и умру. Только и всего. В крематории только поймут, что, собственно говоря, произошло, какую силу в печь опускают. Ну, я пошел!.. Да не плачь, пожалуйста, не расстраивай ты мою нервную систему.

Рассыпая по сторонам сильные удары, Капитулов взбирался на трамвайную площадку первым. Навалившись тяжелым драповым задом на юную гражданку, успевшую захватить место на скамье, Виталий сухо замечал:

— Какая дикость! Средневековье! И таким вот образом меня терзают каждый день.

Замечание производило обычный эффект: вагон затихал, и все головы поворачивались к Виталию.

— Люди — звери, — продолжал он печально. — Вот так в один прекрасный день выберусь из трамвая и умру. Или даже еще проще — умру прямо в вагоне. Кто я сейчас для вас, граждане! Пассажир! Обыкновенный икс, которого можно заставлять часами стоять в переполненном проходе. Не умеют у нас беречь людей, этот живой материал для выполнения пятилетки в четыре и даже в три с половиной года. А вот когда свалюсь здесь в проходе бездыханный, тогда небось полвагона освободят. Ложитесь, мол, гражданин. Найдется тогда место. А сейчас приходится стоять из последних сил.

Тут обыкновенно юная гражданка багровела и поспешно вскакивала:

— Садитесь, пожалуйста, на мое место.

— И сяду, — с достоинством отвечал Капитулов. — Спасибо, мой юный друг.

Добившись своего, Капитулов немедленно разворачивал «Известия» и читал похоронные объявления, время от времени крича на весь вагон:

— Вот полюбуйте! Еще один сгорел на работе. «Местком и администрация с глубокой скорбью извещают о преждевременной смерти...» Не уберегли, не доглядели. Теперь объявлениями не поможешь!..

Прибыв на место службы и грустно поздоровавшись, Капитулов садился и с глубоким вздохом поднимал штору шведского стола.

— Что-то Виталий сегодня бледнее обыкновенного, — шептали служащие друг другу, — ведь его беречь надо.

— В самом деле, у нас такое хамское отношение к людям, что только диву даешься.

— Вчера мне Виталий жаловался. Столько, говорит, работы навалили, что не надеется долго прожить. Ну, я по человечеству, конечно, пожалел. Взял его работу и сам сделал.

— Как бы не умер в самом деле. А то потом неприятностей не оберешься. Скажут, не уберегли, не доглядели. Просто ужас.

Капитулов задремал над чистой бухгалтерской книгой.

— Тише! — бормотали сослуживцы, — не надо его беспокоить. Опять он наверно всю ночь не спал, соседи гармошкой замучили. Вчера он жаловался. Действительно, люди — типичные звери.

К концу служебного дня Виталий смотрел на календарь и с иронией говорил:

— У нас всегда так. Где же нам догнать и перегнать при таком отношении к людям? Не умеют у нас убересть человека. Видите, опять 15 число. Нужно отрываться от дела, бежать в кассу, стоять в очереди за жалованьем, терять последние силы. Вот когда умру, тогда поймут, какого человека потеряли, какую культурную единицу не уберегли.

ПРОЦЕДУРЫ ТРИКАРТОВА

Чем пышнее светит солнце, чем пронзительнее поют птицы, тем хуже чувствуют себя служивые. Молодая трава вырастает за ночь на вершок, ртутная палочка термометра поднимается кверху так поспешно, словно хочет добраться до второго этажа, а служивым делается все горше и горше.

Им хочется лечиться, лечиться от чего угодно и как угодно, лишь бы это было в санатории и по возможности на юге.

Михаил Александрович Трикартов, пожилой, но еще прыткий человек, был подвержен лечебной лихорадке в особенно сильной степени.

— Все лечатся, — восклицал он, держась обеими руками за пухлую грудь, — а я должен погибать. Я тоже хочу лечиться!

— Что же с вами? — участливо спрашивали сослуживцы.

— Откуда мне знать! — визжал Михаил. — Ну колит, ну катар. Порок сердца. Я не доктор, но я чувствую.

И Михаил побежал к профессору. Он считал, что лечиться можно только у профессоров.

Профессор долго прикладывал ухо к голому Трикартову и прислушивался к работе его органов с тою внимательностью, с какою кошка прислушивается к движениям мыши.

Во время осмотра трусливый Михаил Александрович смотрел на свою грудь, мохнатую, как демисезонное пальто, полными слез глазами.

— Ну что? — выговорил он, глядя в спину профессора, который мыл руки.

Он хотел спросить «есть ли надежда», но губы у него задрожали и насчет надежды не вышло.

— Вы здоровы, — сказал профессор. — Абсолютно.

— У меня порок сердца! — вызывающе сказал Трикартов.

Профессор рассердился.

— А вы знаете, что такое порок сердца?

За визит к профессору Трикартов уплатил семь рублей, и поэтому он тоже рассердился.

— Знаю, — сказал он. — Порок сердца, это когда сердце стучит. Кроме того, у меня еще колит, катар и невроз.

— Вы дурак, — ответил профессор.

Тем не менее Трикартов решил лечиться. Сначала он хотел лечить свои болезни за счет государства. Но государство этого не захотело.

Тогда Михаил убедился, что во врачебных комиссиях сидят такие же жулики, как и профессора, занимающиеся частной практикой. От знакомых он разузнал, что в Кисловодске хорошо лечат, и купил себе койку в одном из тамошних санаториев.

Погода благоприятствовала поездке Трикартова. Он поселился среди роз. Он занимал чудную комнату. Но все это не радовало его. Он завидовал.

С рассвета в санатории началась хлопотливая жизнь. Часть больных, как стадо антилоп, направлялась к источнику, где упивалась нарзаном. Других под руки вели к грязевым ваннам. Некоторых пытали душами Шарко. Были и такие, которых заворачивали в мохнатые простыни и заставляли потеть. Со всеми что-то делали, с одним лишь Трикартовым ничего не делали. И Михаил очень страдал от этого.

Но однажды увидел он нечто такое, чего перенести уже не смог.

Гуляя по санаторию, он забрел во флигелек в саду. Там, посреди комнаты, на возвышении сидел человек, из волос которого бойко выскакивали синие электрические искры. Гудели какие-то машины.

— А мне почему этого не делают? — спросил Трикартов санитар. — Я тоже хочу, чтобы у меня искры. Я Трикартов.

— Вас нет в списке, — равнодушно ответил санитар.

Трикартов понял, что эта процедура самая дорогая и ее нарочно скрывают от него в саду.

Вечером, на террасе, в присутствии больных и гостей, он учинил главврачу большой скандал.

— Дайте мне мои процедуры! — кричал Михаил Александрович, прыгая. — Где мои процедуры? Что это за кузница здоровья! Я деньги платил.

— Вы здоровы, — сконфуженно говорил главврач.

Вам не нужны процедуры. Отдыхайте, старайтесь поменьше волноваться.

Но Трикартов не спал всю ночь и решил лечиться своею собственной рукой. На рассвете, пугливо сзираясь по сторонам, он поскакал к источнику и вдоволь напился нарзану.

— Я им покажу, — сказал он, возвращаясь в санаторий. — Я уже чувствую себя лучше.

Днем он бегал по опрятным аллеям, крича:

— Где горное солнце?

Не добившись солнца, Михаил Александрович забрался в электрический флигелек и, приложив к груди цинковую пластинку со шнурами, включил ток. До самого вечера он содрогался от сдерживаемой радости, потому что медный вкус во рту не покидал его и создавал уверенность в быстром выздоровлении. Ночью, при свете луны, он снова пробрался к источнику и, отрыгиваясь, выпил 16 стаканов газового напитка.

— Я им покажу! — шептал он, пробираясь через окно в свою комнату.

Остаток времени он провел с большой пользой. Вынув из-под кровати выкраденную синюю лампу, он возлег на постель и, озарив себя гробовым светом, лечился всю ночь. Здоровье Михаила заметно улучшилось, но почему-то пропал аппетит. Души Шарко и нарзанные грязевые ванны пришлось принимать конспиративно и большей частью по ночам.

— Плохо вы что-то выглядите, — сказал ему однажды врач. — Вы бы яичек побольше ели.

«Знаем, — подумал опытный Михаил. — Хочет мне сплавить дешевые яички, а дорогое горное солнце уже месяц как от меня прячет!».

Перед самым отъездом Трикартову удалось забраться к заветному солнцу. Но наслаждаться им пришлось всего лишь один час. Спугнула няня. По дороге в Москву, на станции Скотоватая, Михаилу сделалось плохо. Пришлось вызвать врача, который установил порок сердца, катар желудка и общее отравление неизвестными газами. Когда Трикартов предстал перед сослуживцами, вид у него был пугающий.

— Что с вами? — спрашивали друзья

— Залечили, сукины дети! — ответил Михаил. — Кварцевой лампы пожалели. Горное солнце давали в недостаточном количестве. Для наркомов берегли. Тоже, кузница здоровья!

СЧАСТЛИВЫЙ ОТЕЦ

Товарищ Сундучанский ожидал прибавления семейства.

В последние решающие дни он путался между столами сослуживцев и расслабленным голосом бормотал:

— Мальчик или девочка? Вот что меня интересует, Марья Васильевна? Если будет девочка, как назвать?

Марью Васильевну вопрос о продлении славного рода Сундучанских почти не интересовал.

— Назовите Клотильдой, — хмуро отвечала она, — или как хотите. По общественным делам я принимаю только после занятий.

— А если мальчик? — допытывал Сундучанский.

— Извините, я занята, — говорила Марья Васильевна, — у меня ударное задание.

— Если мальчик, — вмешивался товарищ Отверстиев, — назовите в мою честь — Колей. И не путайся здесь под ногами, не до тебя. Мне срочно нужно решить вопросы тары.

Однажды Сундучанский прибежал на службу, тяжело дыша.

— А если двойня, тогда как называть? — крикнул он на весь отдел.

Служащие застонали.

— О, чёрт! Пристал! Называй, как хочешь! Ну, Давид и Голнаф.

— Или Брокгауз и Ефрон. Отличные имена.

Насчет Брокгауза сказал Отверстиев. Он был остряк.

— Вы вот шутите, — сказал Сундучанский жалобно, — а я же отправил жену в родовспомогательное заведение.

Надо правду сказать, никакого впечатления не вызвало сообщение товарища Сундучанского. Был последний месяц хозяйственного года, и все были очень заняты.

Наконец удивительное событие произошло. Род Сундучанских

дучанских продлился. Счастливый отец отправился на службу. Уши его горели на солнце.

«Я войду, как будто бы ничего не случилось», — думал он, — а когда они набросятся на меня с расспросами, я, может быть, им кое-что расскажу».

Так он и сделал. Вошел, как будто бы ничего не случилось.

— А! Сундучанский! — закричал Отверстиев. — Ну, как? Готово?

— Готово, — ответил молодой отец, зардевшись.

— Ну, тащи ее сюда.

— В том-то и дело, что не ее, а его. У меня родился мальчик.

— Опять ты со своим мальчиком! Я про таблицу говорю. Готова таблица? Ведь ее нужно в ударном порядке сдать.

И Сундучанский грустно сел за стол дописывать таблицу.

Уходя, он не сдержался и сказал Марье Васильевне:

— Зашли бы все-таки. На сына взглянули бы. Очень на меня похож. Восемь с половиной фунтов весит бандит.

— Три с четвертью кило, — машинально прикинула Марья Васильевна. — Вы сегодня на собрании будете? Вопросы шефства.

— Слушай, Отверстиев, — сказал Сундучанский, — мальчик у меня во! Совсем как человек: живот, ножки. А также уши. Конечно, пока довольно маленькие. Может, зашел бы? Жена как будет рада.

— Ну, мне пора, — вздохнул Отверстиев. — Мы тут буксир один организуем. Времени, брат, совершенно нет. Кланяйся своей дочурке.

И убежал. В этот день Сундучанский так никого не заполучил к себе домой полюбоваться на сына.

А время шло. Сын прибавлялся в весе, и родители начали даже распускать слух о том, что он, якобы, сказал «агу», чего с двухнедельным младенцем обычно никогда не бывает.

Но и эта потрясающая новость не вызвала притока сослуживцев в квартиру Сундучанского.

Тогда горемыка-отец решился на крайность. Он пришел на службу раньше всех и на доске объявлений вывесил бумажку:

БРИГАДА

по обследованию ребенка Сундучанского начинает работу сегодня в 6 час., в квартире т. Сундучанского. Явка тт. Отверстиева, Кускова, Имяние, Шакальской и Башмакова ОБЯЗАТЕЛЬНА.

В три часа дня к Сундучанскому подошел Башмаков и зашептал:

— Слушай, Сундучанский. Я сегодня никак не могу. У меня кружок и потом... жена больна... ей-богу!

— Ничего не поделаешь, — холодно сказал Сундучанский, — все загружены. Я, может, тоже загружен. Нет, брат, в объявлении ясно написано: «явка обязательна»...

С соответствующим опозданием, то есть часов в семь, члены бригады, запыхавшись, вбежали в квартиру Сундучанского.

— Надо бы поаккуратнее, — заметил хозяин, — ну да ладно, садитесь. Сейчас начнем.

И он вкатил в комнату коляску, где, разинув рот, лежал молодой Сундучанский.

— Вот, — сказал Сундучанский-отец. — Можете смотреть.

— А как регламент? — спросила Шакальская. — Сначала смотреть, а потом задавать вопросы? Или можно сначала вопросы?

— Можно вопросы, — сказал отец, подавляя буйную радость.

— Не скажет ли нам докладчик, — спросил Отверстиев привычным голосом, — каковы качественные показатели этого объекта.

— Можно слово к порядку ведения собрания? — перебила, как всегда, активная Шакальская.

— Не замечается ли в ребенке недопотолстения, то есть недоприбавления в весе? — застенчиво спросил Башмаков.

И машинка завертелась.

Счастливый отец не успевал отвечать на вопросы.

С. Нариньяни

СКОЛЬКО СТОИТ РЯБЧИК

В тот день Александр Григорьевич не принимал никого. Ни чужих, ни своих. Несмотря на запрет, один из начальников цехов пробовал приблизиться к закрытой двери:

— У меня срочное дело.

Но секретарь был неумолим:

— Нельзя. Александр Григорьевичу сегодня не до вас.

— Что, опять Акбар?

— Опять.

Начальник цеха плюнул с досады и ушел, поминая недобрым словом Акбара. А сам Акбар даже не знал, что на его голову в этот день сыплются проклятия. Да и откуда ему было знать? Акбар — это симпатичный, но дурашливый пес. Ему всего-навсего четыре месяца от роду. Вчера по молодости лет Акбар сделал глупость, проглотил жука, и ночью у него начались колики. Будь Акбар обыкновенным щенком, колики через день — другой прекратились бы сами собой. Но Акбар имел несчастье принадлежать директору завода, и директор поднял заурыдный щенячий недуг до степени чрезвычайного происшествия. Директор нервничал сам и нервировал окружающих — сотрудников заводуправления, ветеринарных врачей, членов своей семьи. Домашние обязаны были каждый час информировать его о ходе лечения.

— Акбару прописано слабительное, — шепотом докладывалось на ухо директору в самый разгар диспетчерского совещания.

— Акбару сделан согревающий компресс, — слышал директор шепот по телефону, когда находился в цехе.

В тот день, когда был проглочен злополучный жук, директор завода собственноручно составил и направил в заводскую столовую меню для своей собаки. На первое габер-суп, на второе телячий хрящик.

Весь город потешался над собачьими увлечениями Александра Григорьевича. А эти увлечения были у него не единственными. Немало хлопот для окружающих доставляли охотничьи причуды директора. Обычно дня за два, за три до тяги на заводе поднималась суматоха. Работы хватало всем: один лил дробь, другой смазывал салом болотные сапоги, третий коптил сосиски, четвертый разливал по флягам охотничьи настойки. Сборы шли основательные. Шутка ли, директор собрался на Убинское озеро, а это за триста километров от завода!

Сам директор уезжал на охоту в субботу, а в пятницу отравлялись вперед егери и квартирьеры. Первые — выследить для Александра Григорьевича дичь, вторые — позаботиться о его ночлеге. Вслед за квартирьерами на озеро отправлялась легковая машина. Сам же охотник отправлялся бить уток в скором поезде. Он ехал со всеми удобствами в мягком вагоне. Ночью лег спать, а утром уже на месте. От станции до озера несколько километров. Их, конечно, хорошо бы на зорьке пройти своим ходом, но Александру Григорьевичу ходить пешком мешает спесь. Ему хочется подъехать к уткам солидно, как подобает человеку его ранга. Поэтому он и распорядился подать себе «Победу» за триста километров от завода.

Но вот, наконец, и озеро. Весело потрескивает костерок, заботливо разведенный квартирьерами. Из ягдташей извлекаются наружу копчености, раскупориваются фляги: сначала одна, затем другая. В голове начинает шуметь. И тогда егери берут именитого охотника под руки и ведут его к зарослям. Дичь, оказывается, уже выслежена, и директору остается только выстрелить. Александр Григорьевич лично нажимает курок, и ему приносят убитого селезня. На радостях устраивается

привал. Разжигается новый костерок, откупоривается еще одна фляга, после которой Александр Григорьевич подает команду:

— На рябчиков!

И хотя рябчики в этой местности не водятся, директор кричит:

— Обеспечить!

Затем Александру Григорьевичу приходит в голову мысль гоняться за рябчиками прямо на машине. Шофер протестует. Но что значит протест шофера для вошедшего в раж охотника? Александр Григорьевич ссаживает шофера и сам садится за руль. Он гонит машину, не глядя на кочки и овраги, и дело оканчивается аварией. Директору ничего, а машина разбита. Егери снова берут Александра Григорьевича под руки и приводят его на станцию. Они сажают нашкодившего охотника в обратный поезд, а сами остаются с шофером караулить разбитую машину. Через день за этой машиной был отправлен с завода грузовик. Но он, застряв в грязи и расплавив подшпники, не дошел до места аварии. И тогда директор откомандировал к месту своей охоты целую спасательную экспедицию из слесарей, грузчиков и механиков, чтобы доставить в город останки двух застрявших машин. Трудно даже подсчитать, во сколько обходится заводу каждый рябчик, убитый директором.

Александр Григорьевич не только охотник, но и рыбак. А свои выезды на рыбалку директор обставляет с неменьшей торжественностью. Сначала отправляются разведчики искать места, где идет клев. Вслед за ними едут квартирьеры с копченостями и фляжками. Затем следует сам рыбак, а за рыбаком на специальной платформе везут лодку. Это на всякий случай: а вдруг Александр Григорьевич выразит желание покататься по озеру?

Директора завода не раз вызывали в партийный комитет, предупреждали, просили уговориться. А директор на эти просьбы ноль внимания. Лишь только дело близится к субботе, он снова отправляет егерей и квартирьеров в дальние экспедиции.

Александр Григорьевич Лагутин является директором металлургического завода. Этот директор учился в советской школе, в советском вузе, а вот поди ж ты,

привычки у него какого-то одичавшего барина. А ведь этот барин куролесит не только на охоте или рыбалке, но и на заводе. Он ни с кем не считается, ни с кем не советуется. Лагутин попирает советские нормы и порядки. На одном из заводских собраний коммунисты обратились с просьбой к обкому партии обсудить нетерпимое поведение Лагутина и решить вопрос о его партийности. И в самом деле обкому следует взять, да и вызвать к себе для строгого разговора любителя охотничьих экспедиций и автора-составителя собачьих меню. Кстати, о собаке. Когда Акбар поправился, подрос, Александр Григорьевич распорядился дважды на день подавать ему из заводского гаража машину. Утром Акбар ездил на прогулку в соседнюю рощу, а после обеда отправлялся в директорском лимузине на свидание к гончей Зизи, роману с которой всячески покровительствовал Александр Григорьевич.

Это не страшно, — говорил директор. — Пусть Акбар съездит, обменяется с любимой дружеским лаем.

В давно прошедшие времена так «блажили» в своих далеких вотчинах одичавшие помещики. Но к лицу ли такая блажь советскому человеку?

СИНЯЯ БОРОДА

Иннокентий Дмитриевич Сахно состоит в родственных отношениях чуть ли не со всем Советским Союзом. В Белгороде живет Александра Алексеевна Сахно, в Макеевке — Галина Павловна Сахно, в Щекине — Капитолина Ефимовна Сахно, в Богодухове — Прасковья Николаевна Сахно-Луценко, в Туле — Зинаида Андреевна Сахно-Акишина, в Москве — Капитолина Ивановна Сахно-Крутова.

— Ну вот, собственно, и все мои жены, — скромно говорит Иннокентий Дмитриевич.

— Как все, а Сахно-Сергеева?

— Помилуйте, — обижается Иннокентий Дмитриевич, — с Сергеевой я не прожил даже полугода, ну какая же она мне жена?!

— А Сахно-Иванова?

— Иванова? Что-то запомнил я про такую. Может, вы напомните мне ее имя, отчество.

У Иннокентия Дмитриевича Сахно плохая память не только на жен. Он не помнит и родных детей. Когда забывчивому отцу пытаются напомнить о родительском долге, этот отец начинает считать по пальцам.

— Правильно! — говорит он. — Сын Эмир у меня от брака с Александрой Алексеевной, дочь Людмила от Прасковьи Николаевны. От брака с Галиной Павловной у меня еще одна дочь по имени... — и, порывшись в записной книжке, Иннокентий Дмитриевич добавляет: — По имени Светлана.

— Разве у вас только трое детей?

— Нет, четверо, — говорит отец и снова начинает листать записную книжку. Но имя четвертого ребенка оказывается незаписанным.

— Вы не беспокойтесь, — говорит Иннокентий Дмитриевич, — сейчас мы все уточним!

Быстро соединившись по телефону с бухгалтерией, он без тени смущения просит кого-то из счетных работников.

— Иван Иванович, голубчик, посмотри в исполнительный лист, как зовут девочку, на которую с меня взыскивает алименты Зинаида Андреевна Акишина? Спасибо! Эмма, — говорит он и, чтобы не забыть, тут же записывает имя дочери на бумажку. — Память что-то начала пошаливать, — виновато говорит Иннокентий Дмитриевич и добавляет: — Стройка. Объем работы большой, разве все вспомнишь?

Иннокентий Дмитриевич зря сетовал на стройку. Дело было не в объеме строительных работ, а в образе жизни главного инженера строительного управления. А жил этот инженер наподобие турецкого паши. Помимо официальных жен, у него были полуофициальные и неофициальные. Официальных Иннокентий Дмитриевич хотя бы помнил по имени-отчеству.

— Здесь у меня все в порядке, — говорит он. — Каждой я плачу по суду алименты.

Хуже было с неофициальными. С ними Иннокентий Дмитриевич поступал так: понравится ему какая-нибудь из подчиненных сотрудниц, он ее приблизит, наскучит — без сожаления отправит куда-нибудь в Богодухов.

— А какой же здесь грех? — удивленно вопрошает

Иннокентий Дмитриевич. — Ведь я же с ними в загсе не регистрировался!

Сахно не искал в жене товарища, друга. Он отиёлся к женщинам с гусарской лихостью. Быстро увлекался и быстро расставался.

— Что делать? Не сошлись характерами!

Со своими детьми он поступал так же. Как его ребенок будет расти, воспитываться, Иннокентию Дмитриевичу было наплевать.

— На это есть мать, пусть заботится!

Товарищи много раз пытались образумить Сахно. Его вызывали в партийный комитет, предупреждали, но на Иннокентия Дмитриевича ничто не действовало. Не так давно Сахно был даже привлечен к суду и получил за многоженство год принудительных работ. Чаша терпения переполнилась, и коммунисты решили поговорить о грязном поведении главного инженера на партийном собрании. Сахно понял, что на этот раз ему не сдобровать, и бросился искать покровителей. Как ни странно, таковые нашлись. За главного инженера стройуправления встала горой Галина Григорьевна Гуркова, управляющий трестом.

В день партийного собрания Галина Григорьевна командировала на выручку Сахно целую спасательную экспедицию во главе с заместителем управляющего треста. Но деньги на командировку были потрачены зря. Коммунисты-строители проявили твердость, и, несмотря на все старания спасательной экспедиции, Иннокентий Дмитриевич Сахно за скотское отношение к женщине, за бытовую распущенность и пьянство был исключен из рядов Коммунистической партии.

— Они вмешиваются в частную жизнь коммуниста! — воскликнула Галина Григорьевна и бросилась с жалобой в обком.

Работникам обкома партии покриковать бы Галину Григорьевну за ее обывательские рассуждения, разъяснить, что крупные хозяйственники за свои прегрешения никаких льгот перед другими членами партии не имеют. Но работники обкома рассудили по-другому. И хотя у них не было никаких сомнений относительно Сахно, они все же вняли ходатайствам треста и снизили ему наказание.

— Пусть это будет вам последним предупредительным сигналом, — сказали Иннокентию Дмитриевичу на заседании бюро обкома.

За шесть лет пребывания в партии Сахно имел уже три предупредительных сигнала. У него был выговор, строгий выговор и даже выговор с последним предупреждением. И вот теперь новое, последнее предупреждение.

Галина Григорьевна Гуркова восприняла решение обкома как полную амнистию грехам Иннокентия Дмитриевича и сообразно с этим решила не снимать его с должности главного инженера.

— Мы хозяйственники. У нас на первом месте промфинплан, а как человек ведет себя дома, — нас это не касается.

Быт человека не отделяется каменной стеной от его производственного лица. И если человек нечистоплотен дома, то это рано или поздно скажется и на работе. Так, собственно, и получилось с Сахно. Руководители треста считали его хорошим инженером, а он уже давно перестал быть таковым. Строительное управление, которым руководил Сахно, все последние годы не выполняет производственной программы, о которой так много говорит Гуркова. Это и не удивительно, ибо главный инженер управления думает не столько о производстве, сколько о личных утехах.

— Иннокентия Дмитриевича нельзя снимать с высокооплачиваемой должности: сейчас у него трудное финансовое положение, — говорит главный инженер треста И. И. Ерзяинов и поясняет: — Пятьдесят процентов его зарплаты взыскивается по исполнительным листам на алименты четырем его детям. Дополнительно к этому двадцать пять процентов удерживается с Сахно по суду за многоженство. Трудно даже сказать, на что живет этот несчастный.

Главный инженер треста зря сокрушался о главном инженере стройуправления. «Несчастный» Сахно остался верен себе.

— Я живу на сбережения своей жены, — заявляет он.

— Какой жены? Капитолины Ефимовны?

— Нет, с этой мы уже разошлись! Теперь я женат на

Тамаре... — говорит Сахно и начинает быстро листать записную книжку.

Но фамилия девятой жены оказывается не записанной.

— Я сейчас уточню, — говорит Иннокентий Дмитриевич и поднимает телефонную трубку.

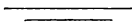
На этот раз он звонит уже не в бухгалтерию, а в отдел кадров и спрашивает:

— Как фамилия нашей новой табельщицы? Нет, другой молоденькой! Спасибо! Красова, — говорит он и, чтобы не забыть, записывает эту фамилию на бумажку.

Я смотрю на Сахно и удивляюсь его цинизму и невозмутимости.

— А вы слышали, как называют вас в Щекине? Синяя борода!

— Явное преувеличение, — говорит Иннокентий Дмитриевич. — Синяя борода был варваром. Он убивал женщин, а я ухожу от них по несходству характеров.

От Волка требовал, Шакалу объяснял.
Он без сочувствия, конечно, не остался,
Но ярлыка никто с него не снял.
Лев потерял свой вид, стал чахнуть понемногу,
То этим, то другим стал уступать дорогу,
И как-то на заре из логовища Льва
Вдруг донеслось ослиное «И-аа!»
Мораль у басни такова:
Иной ярлык сильнее Льва!

БОГАТЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Два друга встретились: «Привет! Кого я вижу!»
«Привет, привет!» «Откуда?» «Из Парижу!»
«Ты был во Франции?» «Да вот, как видишь, был!»
«Ну, расскажи, скорей, как жил, куда ходил?»
«Признаться, мне жилось в Париже преотменно!»
«Ты видел Нотр Дам? Понравилась ли Сена?»
«Я сена не искал. А что до нотр дам,
Скажу по совести, что их премного там
И всех мастей! Но только нет, шалишь!
Не дам смотреть я послан был в Париж!»
«Зачем же ездил ты, приятель, за границу?»
«А что тут много говорить,
Нам есть чему в Европе поучиться,
Чтоб лучшее потом у нас внедрить!»
«Какие ж новые ты видел достижения?»
«Что ж... Видел кое-что... К примеру, взять кино:
У них в кино разрешено куренье,
У нас в кино курить запрещено!
А пепельницы там? Оформлены прекрасно!
А если бы ты знал, что я там пил и ел!
Постой, куда же ты?» «Да все уже мне ясно:
Хоть много видел ты, да не туда смотрел!»
Таким «мыслителям» зачем бывать в Париже?
Их можно посылать куда-нибудь поближе!

ОСЕЛ В ОБОЙМЕ

Ослу доверили однажды пост завидный,
Лесным дельцам сказать не в похвалу —
Какой-то важный зверь, где надо, очевидно,

По дружбе оказал протекцию Ослу...
Осел на должности, что было сил, старался:
Одним указывал, других учить пытался,
Но как бы он себя с достоинством ни вел, —
Каким он был, таким он и остался:
Ушами поведет — все видят, что осел!..
По лесу поползли невыгодные слухи.
В порядке критики пришлось при всех признать:
«Не оправдал надежд товарищ Лопухий!
Не справился. С поста придется снять».
И вот на должность Льва, ушедшего в отставку,
Зачислили Осла. Опять на ту же ставку!..
И снова слухи по лесу ползут:
«Он, говорят, проштрафился и тут!»
Одни смеются, а другие плачут:
«Что если к нам теперь его назначат?!»
Вопрос с ослиами ясен, но не прост:
Ты можешь снять с Осла, коль это нужно, шкуру
И накрутить ему за все ошибки хвост,
Но если же Осел попал в обойму сдуру, —
Поддай ему руководящий пост!

КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР

Два молодых поэта
Пришли в один журнал.
Сверхосторожный критик
В журнале им сказал:

«Все ваши сочиненья
Вы пишете вдвоем.
Прошу вас, расскажите
О методе своем.
Писателю, поэту,
По мненью моему,
Естественнее как-то
Трудиться одному».

Один поэт замялся,
Вздыхнул и промолчал.
Другой поэт, подумав,
С улыбкой отвечал:

«Зачем вам это надо,
Чтоб я творил один?
А Сухово-Кобылин?
А Салтыков-Щедрин?
А Щепкина-Куперник?
А Мамин-Сибиряк?
А Шеллер и Михайлов?
Они писали как?»

Смутился горе-критик
(Он был и сед и сер):
«...Меня вы убедили —
Классический пример».

ЗАЯЦ ВО ХМЕЛЮ

В день именин, а может быть, рожденья,
Был Заяц приглашен к Ежу на угощенье.
В кругу друзей, за шумною беседой,
Вино лилось рекой. Сосед поил соседа.
И Заяц наш, как сел,
Так, с места не сходя, настолько окосел,
Что, отвалившись от стола с трудом,
Сказал: «Пшли домой!» — «Да ты найдешь ли дом?—
Спросил радушный Еж. —
Поди, как ты хорош?
Уж лег бы лучше спать, пока не протрезвился!
В лесу один ты пропадешь:
Все говорят, что Лев в округе объявился!»
Что Зайца убеждать? Зайчишка захмелел:
«Да что мне Лев! — кричит. — Да мне ль его бояться?
Я как бы сам его не съел!
Подать его сюда! Пора с ним рассчитаться!
Да я семь шкур с него спущу
И голым в Африку пушу!..»
Покинув шумный дом, шатаясь меж' стволов,
Как меж столов,
Идет Косой, шумит по лесу темной ночью:
«Видали мы в лесах зверей почише Львов,
От них и то летели клочья!..»
Проснулся Лев, услышал пьяный крик, —
Наш Заяц в этот миг сквозь чапу продирался.

Лев — цап его за воротник!
«Так вот кто в лапы мне попался!
Так это ты шумел, болван?
Постой, да ты, я вижу, пьян —
Какой-то дряни нализался!»
Весь хмель из головы у Зайца вышел вон!
Стал от беды искать спасенья он:
«Да я... Да вы... Да мы... Позвольте объясниться!
Помилуйте меня! Я был в гостях сейчас.
Там лишнего хватил. Но все за Вас!
За Ваших Львят! За Вашу Львицу!—
Ну, как тут было не напиться?!»
И, когти подобрав, Лев отпустил Косого.
Спасен был хвастунишка наш!
Лев пьяных не терпел, сам в рот не брал хмельного,
Но обожал... подхалимаж.

ЛИСА И БОБЕР

Лиса заметила Бобра:
И в шубе у него довольно серебра,
И он один из тех Бобров,
Что из семейства мастеров, —
Ну, словом, с некоторых пор
Лисе понравился Бобер!
Лиса ночей не спит: «Уж я ли не хитра?
Уж я ли не ловка к тому же?
Чем я своих подружек хуже?
Мне тоже при себе пора
Иметь Бобра!»
Вот Лисанька моя, охотясь за Бобром
Знай вертит перед ним хвостом,
Знай шепчет нежные слова
О том, о сем...
Седая у Бобра вскружилась голова,
И, потеряв покой и сон,
Свою Бобриху бросил он,
Решив, что для него, Бобра,
Глупа Бобриха и стара...
Спускаясь как-то к водопою,
Окликнул друга старый Еж:
«Привет, Бобер! Ну, как живешь»

Ты с этой... как ее... с Лисою?»
«Эх, друг! — Бобер ему в ответ. —
Житья-то у меня и нет!
Лишь утки на уме у ней да куры:
То ужин — там, то здесь — обед!
Из рыжей стала чернобурой!
Ей все гулять бы и рядиться,
Я — в дом, она, плутовка, — в дверь.
Скажу тебе, как зверю зверь:
                    (Поверь,
Сейчас мне в пору хоть топиться!..
Уж я подумывал, признаться,
Назад к себе — домой податься!
Жена простит меня, Бобра, —
Я знаю, как она добра...»
«Бери домой, — заметил Еж, —
Не то, дружище, пропадешь!..
Вот прибежал Бобер домой:
«Бобреха, двери мне открой!»
А та в ответ: «Не отопру!
Иди к своей Лисе в нору!»
Что делать? Он к Лисе во двор!
Пришел. А там — другой Бобер!
Смысл басни сей полезен и здоров
Не так для рыжих Лис, как для седых Бобров!

Л. Ленч

ШТРАФ

Инженер-конструктор Игорь Николаевич Шагалов, молодой, но уже начавший полнеть блондин с красивыми, добрыми, голубыми глазами, стоял со стаканом воды в руке у дивана, на котором лицом вниз лежала и громко плакала его жена Елена Васильевна, и с туповатой растерянностью, свойственной мужчинам, которые не выносят женского плача, повторял:

— Леля!.. Елена!.. Выпей водички!.. Это же страшная чушь, даю тебе слово!.. Ну, выпей же воды, я тебя прошу!

Однако Елена Васильевна продолжала плакать, и это было невыносимо! Незаметно для себя Игорь Николаевич, чтобы успокоиться, сам выпил всю воду.

И тут Елена Васильевна приподнялась, села, вытерла платочком слезы и, протянув руку, не глядя на мужа, сказала резко:

— Дай воды!

— Пожалуйста! Вот!

— Боже мой, — сует пустой стакан! Сядь! И, пожалуйста, не улыбайся. Все это гораздо серьезнее, чем ты думаешь!

Игорь Николаевич согнал улыбку с лица и покорно сел рядом с женой.

— Значит, ты утверждаешь, — со зловещим спокой-

ствием сказала после паузы Елена Васильевна, — что ты третьего дня после работы остался у себя в бюро на производственное совещание, которое продолжалось три с половиной часа?

— Я не утверждаю, а это так было! Спроси Попова, Палкина, позвони Ивану Сергеевичу...

— Зачем же мне звонить твоим друзьям, которые тебя, конечно, не выдадут, когда у меня есть документ! Что ты на это скажешь?!

Елена Васильевна взяла лежащую на диване бумажку с официальным штампом и торжествующе помахала ею перед самым носом мужа. Игорь Николаевич развел руками. «Это» действительно было необъяснимо. Бумажка с официальным штампом отдела ревизоров энской железной дороги предлагала гражданину Шагалову Игорю Николаевичу немедленно уплатить тридцать рублей штрафа за безбилетный проезд в пригородном поезде. Число, месяц, фамилия, имя, отчество, адрес — все совпадало!

Получалась какая-то мистика: в одно и то же время гражданин Шагалов Игорь Николаевич, проживающий по Малому Колокольному переулку, дом восемь, квартира четырнадцать, заседал у себя в конструкторском бюро и нахально катил зайцем в пригородном поезде энской железной дороги!

— Я... не знаю, что это такое! — наконец сказал Игорь Николаевич. — Какое-то недоразумение!.. Или подлог! Я не ездил за город! И вообще... зачем мне ездить за город?! К кому?!

Елена Васильевна саркастически прищурила потемневшие от гнева глаза:

— К кому?! Я тебе скажу, к кому! Ты ездил в Надельную, к Валечке — к этой своей... волейболистке!.. Думаешь, я не замечала, как ты все лето глядел на нее масляными глазами?!

— Вот уж ни сном, ни духом! — сказал Игорь Николаевич, начиная сердиться. — И вообще она замуж вышла, наша Валечка. За хорошего парня. Тоже спортсмен. Только он лыжник, чемпион.

— Да-а, хорошо эта Валечка устроилась: сразу двух чемпионов подцепила, — один по лыжам, а другой по моральной распушенности.

— Фу, какая пошлость! Честное слово, птичка, с тобой невозможно разговаривать!

Игорь Николаевич вскочил и стал нервно ходить по комнате. Елена Васильевна сидела, поджав под себя ноги, шмыгала острым покрасневшим носиком и действительно была похожа сейчас на какую-то маленькую, взъерошенную, но довольно свирепую птичку. Взмахнет крылышками, сядет на темечко да ка-а-ак клюнет!

И птичка «клюнула».

— Неделю тому назад, — сказала Елена Васильевна с тем же ледяным, как ей казалось, спокойствием, — мне принесли точно такую же бумажку. Значит, ты и тогда ездил к своей волейболистке. И опять зайцем! Если вам не совестно обманывать жену, Игорь Николаевич, постеснялись бы хоть железную дорогу обманывать, — государство!..

У Игоря Николаевича дыхание перехватило от подступившей к горлу ярости. Он подумал, что сейчас закричит, затопает ногами и начнется противный, некрасивый скандал. Надо сосчитать мысленно до двадцати, взять себя в руки! Он начал считать: «Раз, два, три, четыре, пять...» Елена Васильевна продолжала говорить, и то, что она говорила, было таким обидным и несправедливым, что конструктор, громко выкрикнув «шесть», выбежал в прихожую, накинул пальто, нахлобучил шапку и опомнился лишь на улице, где мела сумасшедшая, внеплановая — ни к селу ни к городу! — мартовская пурга.

Когда, немного остывнув, он вернулся домой и открыл своим ключом дверь в квартиру, Елены Васильевны уже не было. На столике в прихожей лежала записка. Игорь Николаевич взял ее и прочитал нервные крупные строки:

«Уехала к маме. Не пытайся звонить, объясняться. Свое решение сообщу. Елена».

Утром Игорь Николаевич позвонил теще. Та, узнав голос зятя, едва с ним поздоровалась. Потом Игорь Николаевич услышал, как она тихо спросила: «Что сказать? «Он» звонит!»

Пауза — и теща сурово процедила в трубку:

— Леночка сказала... то есть ушла и ничего не сказала!

Тогда Игорь Николаевич позвонил в свое конструктор-

торское бюро, сказал, что плохо себя чувствует и поэтому немножко опоздает на работу, взял такси и поехал в управление энской дороги по адресу, указанному на извещении о штрафе.

В отделе ревизоров его принял пожилой сотрудник. Он был такой аккуратный, такой чистый со своей до блеска промытой лысинкой, с новенькими светлыми паровозиками на погонах отутюженного кителя, с любезной улыбкой на свежепобритой благодушной физиономии, что Игорь Николаевич подумал невольно: «Как манекен. Хоть на витрину его ставь — в магазин форменного платья».

Он выслушал конструктора очень внимательно и похотывал с явным сочувствием. Да, к сожалению, такие прискорбные факты — не редкость. По-видимому, неизвестный — хе-хе! — «заяц» назвал фамилию и адрес уважаемого товарища Шагалова. Почему не проверяю документы? Видите ли, по существующей междудомственной инструкции железнодорожные контролеры не обязаны проверять документы. «Заяц», простите, безбилетный гражданин, отказавшийся уплатить штраф в вагоне, называет фамилию, имя, отчество и адрес. Контролер на ближайшей станции звонит в адресный стол и проверяет в приютствии «зайца» эти данные. Затем посылается извещение. Он советует уважаемому товарищу Шагалову уплатить тридцать рублей — деньги небольшие, а то ведь юристы у железной дороги — хе-хе! — народ цепкий, они все равно взыщут штрафик — «затаскают по инстанциям».

— Позвольте! — возмутился конструктор. — Дело же не в деньгах. Я считаю, что вы сами обязаны поставить вопрос, где надо, об исправлении этой инструкции. Ведь это как раз тот случай, когда надо проверять документы у людей, чтобы пресечь злоупотребления. Из-за вашей инструкции от меня жена ушла!

— Сочувствую, но интересы железной дороги от этого, извините, не пострадали!

— Вы не по-советски рассуждаете. Не человек для дороги, а дорога для человека.

— Это уж, извините, литература, философия (в голесе аккуратного ревизора появились издевательские нот-

ки). Есть такой журнал «Вопросы философии», вы с этим — туда, а не к нам!..

Плохо работалось в этот день Игорю Николаевичу! Несколько раз он снова звонил теще и каждый раз старуха тихо говорила в сторону: «Что сказать? «Он» звонит!» И после паузы сообщала, что «Леночка только что опять ушла и опять ничего не сказала».

Уже в конце рабочего дня в голову конструктору пришла счастливая мысль, которая его сразу успокоила: «Надо после работы поехать в Надельную к Вале, взять симпатичную волейболистку и ее милого лыжника «за бока», всем вместе явиться к теще и доказать Елене Васильевне всю вздорность ее подозрений».

«Куплю шампанского, — думал развеселившийся конструктор, — пару веток мимозы... и Лелька поймет, как все это было глупо с ее стороны!..»

Народу в пригородной электричке было немного. Игорь Николаевич сидел у окна, смотрел на проносящиеся мимо просторные снежные поля и высокие строгие сосны и уже с удовольствием думал о предстоящем примирении с женой. Как все добрые люди, он очень не любил ссориться.

В вагоне появился контролер — усатый, хмурый железнодорожник. Он стал проверять билеты у пассажиров, и вдруг Игорь Николаевич увидел сидящего впереди, через две скамейки от него, дачевладельца Линяева Павла Архиповича, у которого он прошлым летом снимал в Надельной комнатку на даче.

Павел Архипович — важный, бритый старик с сизым лицом — сидел, поджав губы, хмурил клочковатые брови, читал «Вечерку». Игорь Николаевич хотел окрикнуть его, но тут к Линяеву обратился контролер:

— Ваш билет!

Павел Архипович, не теряя достоинства, пошарил по карманам тужурки из рыжего бобрика, потом солидно произнес:

— Билета нет. Куда-то запропастился!

— Эх, гражданин Шагалов, гражданин Шагалов! — с упреком, громко на весь вагон сказал контролер. — Опять вы попались!.. Сейчас будете платить штраф или извещение прислать?

— Извещение присылайте!

— Адрес тот же?

— Тот же!..

Игорь Николаевич своим ушам не верил!

Когда контролер, проверив билеты, удалился, он поднялся, подошел к Линяеву и сказал:

— Привет, товарищ Шагалов!

Линяев опустил «Вечерку», увидел лицо Игоря Николаевича, все понял и смутился. Но тут же взял себя в руки.

— Все шутки шутите, Игорь Николаевич! Уж не ко мне ли, случаем, направляетесь? Могу комнатку сдать, если договоримся.

— Вот сейчас сойдем на станции, поговорим.

— Сейчас мне некогда!

— Идемте!

Линяев вздохнул и покорно встал. Поезд замедлял ход, приближаясь к станции.

Они вышли на пустой перрон и сели рядом на скамейку, словно старые друзья, которые давно не виделись и вдруг встретились после долгой разлуки.

— Ну?! — грозно сказал конструктор. — Объясните, почему вы называете мою фамилию, когда вас штрафуют?

— Так ведь... человек вы мне знакомый... при хорошей зарплате. Я же, Игорь Николаевич, не себе эти штрафы беру? Все в многоуважаемую казну идет, в Министерство государственных финансов.

— Билет надо покупать! Стыдно в ваши годы «зайцем» разъезжать!

— Нам икономить тоже надо!

— Бросьте, вы человек состоятельный. У вас дача, клубника, цветы...

— Вам хорошо, Игорь Николаевич, — у вас зарплата — чик-чик, чик-чик! — как счетчик в такси, круглый год бежит, а у нас зимой притоку нет того! Тут урвешь, там ужмешь — так и ведешь существование!

«Вот червь навозный!» — с веселым бешенством подумал конструктор.

А Линяев спокойно глядел на него, и его белесые, выцветшие глазки светились такой звериной хитростью, что Игорю Николаевичу стало не по себе.

— Вот что, — сказал он. — Вы сейчас поедете со

мной в Москву и скажете Елене Васильевне, что вы выдавали себя за меня. Вы обязаны это сделать!

— Игорь Николаевич, родной! — взмолился Линяев. — Меня же дома старуха ждет.

— А меня из-за вас молодуха не ждет. Ступайте, возьмите билет.

Линяев поднялся и, шаркая громадными валенками, поплелся к кассе.

Электричка подошла лишь через двадцать минут. Они вошли в вагон и опять словно хорошие друзья сели рядом на скамейку. Линяев молчал, обиженно сопел, отвернувшись к окну.

Вдруг в вагоне появился тот же усатый, хмурый контролер. Видимо, он возвращался в Москву обратным поездом.

— Ваши билеты!

Линяев молча подал контролеру один билет. На сизой его морде появилось выражение мстительного торжества.

— Понятно! — громко сказал Игорь Николаевич и сам обратился к контролеру:

— Я без билета еду. И денег у меня нет при себе. Так что... штрафуйте!..

— Придется сойти на станции, гражданин, для проверки местожительства.

— Зачем? Моя фамилия Линяев, Павел Архипович, станция Надельная, Луговая, 25, собственный дом. Да вот гражданин Шагалов, как ваш постоянный клиент, может подтвердить, что я говорю правду. Подтвердите же, товарищ Шагалов!..

Линяев стал из сизого фиолетовым и, злобно скосив глаза на своего соседа, не сказал — прорычал:

— Подтверждаю!..

ВАСЬКИНА МАМАША

Недавно наш вагоноремонтный завод в течение нескольких дней трясло, словно в лихорадке.

Не самый завод, конечно, трясся — тряслись его работники. Даже директор завода Петр Петрович, мужчина солидный, выдержанный, спокойный, и тот разок щелкнул зубами!

И, главное, происходило все это не в конце месяца, когда на штурм программы поднимаются у нас, можно сказать, все, от мала до велика, и под воинственный грохот барабанов нашей многотиражки устремляются в атаку. В такие дни лихорадка становится нормальным состоянием заводских заправил и никого не удивляет. Нет, тут все произошло в середине месяца, при тихой и ясной погоде. При этом переполох и лихорадку вызвала не какая-нибудь комиссия из двенадцати обследователей-волкодавов, а невидная старушка, вдова кузнеца и мать нашего слесаря Васи Губкова.

Дело в том, что Вася Губков забаловался, стал выпивать. Один раз прогулял — простили, второй раз прогулял — замаяли, а на третий раз парень устроил в пивнушке, где обмывал получку, небольшой «кордебалет» — и окончательно опозорил высокое звание рабочего человека.

Вася кому-то «заехал», Васе крепко «въехали» сдачи, а потом драчуны-гуляки все вместе поехали в милицию. Пришлось поставить о Васе Губкове вопрос в полный рост. Хотели мальчишку совсем прогнать с завода, однако пожалели — оставили. Но по предложению председателя завкома Сергея Васильевича (его у нас за душевную доброту зовут дядя «Сережа») решено было о Васином некрасивом поведении написать его матери — вот этой самой Прасковье Дмитриевне, — жившей на покое в маленьком городке километров за сто от завода.

Когда Вася узнал, что напишут матери о его «пьянстве, буянстве и окаянстве», он побледнел и произнес с большим чувством:

— Христом богом прошу... не пишите матери!

Ему сказали:

— Эх ты!.. Комсомолец, а божишься!

— Это я нечаянно... от расстройства!.. Комсомольское слово даю, больше это не повторится. Любое наказание давайте, только... не пишите матери. Ведь придет!

— Вот и хорошо, что придет! Пусть научит тебя уму-разуму!

Письмо было написано и отправлено,

Получив заводское письмо, Прасковья Дмитриевна действительно собралась и приехала. Остановилась у какой-то своей дальней родственницы. Сначала ничего не было слышно про нее, а потом началось!

Первым пришел к директору Петру Петровичу наш добряк—председатель завкома дядя Сережа. Вид расстроенный, глаза мутные, весь взъерошенный, как голубок, побывавший в когтях у кота.

— Что с тобой, завком?

— Досталось мне вчера крепенько, директор! Так досталось... до сих пор не приду в себя. Пропесочили — будь здоров!

— Подумаешь, событие! Впервой тебе, что ли?

— Так, — пожалуй, что впервой. На собственной, можно сказать, шкуре убедился, что женщина — это, брат, великая сила, в особенности, когда они предварительно между собой договорятся.

— Да ты толком объясни, что с тобой случилось?

А случилось вот что.

Прасковья Дмитриевна пришла домой к дяде Сереже, познакомилась с его женой и тещей, показала им заводское письмо и объявила, что «свое дите» она, конечно, «поучит» и «рога» ему «обломает», но, мол, нужно в дело «вникнуть поглубже». И она, дескать, уже вникла. «Васька мой виноват, признаю. Он от меня получил и еще получит! Но и другие имеются виновники. С кем Васька по пивнушкам таскается? С мастером Крынкиным! Кто Ваську научил «ерша» пить — пиво с водкой пополам? Тот же Крынкин! Хорош учитель, а?! Теперь объясните: почему этот черт старый связался с младенцем? Не можете ответить? Я за вас отвечу! Потому что такой обычай имеется у вас на заводе: любят ваши старые черти погулять на младенцевые денежки! А завком на этот вредный обычай — ноль внимания: «Не нами это заведено, не нам и ломать». «Не нам»? А кому же?! Пока не поздно, берите вы, женщины, своего дядю Сережу в строгий переплет, а то вам же хуже будет, если его не по домашней, а по другой какой линии трепать начнут!»

И так эта старушка настропалила близких дяди Сережи, что когда завком пришел с работы, от мужика только пух и перья полетели!

— Под всякую самокритику попадал, но такого не

видывал, — признался дядя Сережа Петру Петровичу, директору. — Втроем они на меня наступали. Жена и теща с флангов брали в клещи, а с центра налетала Васькина мать, пропади он пропадом, прошельга!.. Ой, кажется, на свою голову выписали мы эту пробивную старушгу, директор!

Петр Петрович выслушал дядю Сережу, усмехнулся и сказал:

— Старушка, между прочим, правильные вещи говорит. Ну-ка, позовите ко мне Крынкина.

Зовут мастера Крынкина. Приходит. Мрачнее тучи! и еще с порога:

— Кругом виноват, все признаю, делайте со мной что хотите, только скажите Васькиной мамаше, чтоб отвязалась!

— Ага! Допекла и тебя, старого черта?!

— Уж так допекла — дальше некуда! Стакнулась с моей замужней дочерью, каждый день приходит с ней влвоем и вынимает из меня душу по частям! И откуда у нее, у хилой старушки, берутся такие раскаленные слова, какими она меня стегает?! Сил моих нет больше терпеть...

И сам чуть не плачет.

На следующий день директор нашего клуба — долговязый Петушенко — прибежал к дяде Сереже.

— Караул! Старушка Губкова на меня жену с племянницей напустила. Они всю мою работу распушили. «У тебя, говорят, в клубе не то что мухи — моль и та от скуки дохнет! Поневоле, мол, Васька Губков стал по пивным шататься...» Вот я план работы перестроил, с учетом их критики. Посмотрите и утвердите!..

Ушел директор клуба, является комендант общежития, где Вася Губков живет, и тоже с повинной.

— Признаю! Во вверенном мне общежитии — грязь и бескультурие. По этой причине Васю Губкова тоже тянуло на гулянку. Меры приняты, положение будет выправлено.

Оказывается, на коменданта его родная бабка нажала, с которой Прасковья Дмитриевна Губкова тоже успела подружиться.

А потом очередь дошла и до директора, Петра Петровича.

Приехал он с завода к себе на квартиру, слышит в

соседней комнате разговор. Тихонько приоткрыл дверь. Видит — сидят жена его Наталья Ивановна, мать Надежда Павловна, а Васькина мамаша, сухонькая старушка, в темном платке и ситцевом платишке, проныкливо, сладким голосочком говорит:

— Я своего дурака не оправдываю. Я его на прощанье высеку... если мне дирекция и партийная организация помогут, потому что мне одной с ним не совладать. Ведь вот он какой вымахал! Но и вы, женщины, вашего тоже... поучите! Он — директор, он — всему делу голова, он за все отвечает.

Мать Надежда Павловна ей:

— Нашего нельзя сечь. Ему за сорок. Как бы авторитет не подорвать!

— Сечь не надо, вы его, матушка, словами...

Жена Наталья Ивановна с радостью.

— Словами — это можно!

И как это женщины умеют в таких делах быстро договариваться между собой — уму непостижимо!

Петр Петрович, зная характер и свойства языка своей Натальи Ивановны, на цыпочках за дверь! Уехал на завод и вернулся лишь ночью, когда жена и мать уже спали. А наутро вызвал к себе Васю Губкова.

— Когда мать собирается домой ехать?

— Сегодня хотела, да билета на поезд не достала!

— Достанет! Поможем! Давай, Губков, давай, надо хорошо отправить мамашу!

Уехала старушка. И, представьте себе, вроде лучше сейчас стал работать завод! Чуть что не так, наши друг дружку пугают:

— Смотри, вызову Васькину мамашу, она тебе покажет!

Шутка, конечно. Но в этой шутке есть большой смысл!

КОГДА МЕДИЦИНА БЕССИЛЬНА...

В кабинете профессора Н., крупного специалиста по болезням мозга, сидела полная, хорошо одетая женщина и говорила:

— Я понимаю, профессор, что это бестактно с моей стороны. И вам, конечно, трудно советовать заочно...

Но поймите меня... Я любящая жена... Я мать его детей... Не осуждайте, скажите что-нибудь! Успокойте!

Она замолчала и, приложив платок к глазам, наклонила голову.

Профессор — крепкий старик с красноватым лицом и седыми гусарскими усами — поморщился, но мягко сказал:

— Не надо плакать!.. Значит, вы заметили, что ваш супруг стал плохо понимать самые, так сказать, обыкновенные вещи?

— Да! В особенности если... в письменном виде!

— А симптомы?.. Ну, в чем у него выражается непонимание, можете указать?

Полная женщина подумала и сказала:

— Он читает бумагу и ничего не может в ней понять... переспрашивает... и все невпопад!.. Снова прочтет — и опять тужится, тужится, а схватить суть, бедняжка, не может!

— Любопытно! — протянул профессор. — Можете конкретный пример указать?

— Да вот недавно, — оживилась посетительница. — У меня есть сестра Леля. Она живет в Днепропетровске с мужем — инженером-нефтяником. Приходит письмо от нее. Оказывается, Иван Николаевич (это Лелин муж) и Леля уезжают в Башкирию на нефтепромыслы, и у них возникла проблема Бобки. Бобка — это Лелин сын, мой племянник, студент-энергетик первого курса, очень способный мальчик — дивно выбивает чечетку. Леля хочет перевести его в Московский институт, чтобы он жил у нас в семье. Понимаете?

— Понимаю! — кивнул большой головой профессор. — Родители боятся, что если этот способный мальчик останется без семейного присмотра, то из него получится не энергетик плюс чечетка, а чечетка минус энергетика!

— Совершенно верно!.. Как вы быстро схватили суть, профессор! А вы поняли, кто куда должен уехать и переехать?

— Понял! Леля и Иван Николаевич из Днепропетровска в Башкирию, а Бобка с чечеткой из Днепропетровска в Москву! С чем и поздравляю жильцов квартиры, которая находится под вашей!

Полная женщина слабо улыбнулась, вздохнула и сказала:

— Как приятно, когда быстро разбираются! А Васечка (это мой муж) читал, читал Лелино письмо, а потом говорит: «Я не понимаю, зачем им нужно отправлять этого сорванца Бобку в Башкирию?» Я говорю: «Васечка, читай внимательно!» Он опять читает, напрягается. Говорит: «Я не понимаю, зачем этому пентюху Ивану Николаевичу на старости лет понадобилось из нефтяников лезть в энергетики, да еще в Москву!» Я даже похолодела вся. «Васечка, дружок, ты не напрягайся, читай легко, просто, как люди!» Он рассердился, бросил письмо на стол: «Мне — некогда!» И уехал на работу. А через день я убираю у него на столе и вижу Лелино письмо, а на нем... — полная женщина горестно и громко втянула носом воздух, — резолюция!

— Любопытно! — снова сказал профессор. — Какая резолюция?

— Написано так: «Марусе. (Маруся — это я.) Подготовить решение». Я прочитала — у меня в глазах помутилось!.. И вот еще... тоже недавно... Моя мама живет с нами, ведет хозяйство, а у Васечки печеночная диета. Мама взяла и записала для него меню на неделю. Положила ему на стол. Ну прочти, ну скажи родной теще, если что не так. Смотрим — резолюция: «Елене Степановне. Подготовить коррективы, согласовать с Марусей». А какие коррективы — неизвестно! Что же это такое, профессор? Умоляю, помогите!.. Я была в поликлинике, взяла его последние анализы... Холестерин в норме, так что на склероз не похоже. Вот, пожалуйста, посмотрите!..

Посетительница стала рыться в сумочке, но профессор остановил ее.

— Не трудитесь! Мы иначе сделаем. Меня ваш супруг заинтересовал! Занятный случай. Где он изволит трудиться-то?

Полная женщина назвала учреждение.

— Когда прием у него?

— По вторникам и пятницам, от двенадцати до трех.

— Очень хорошо! Завтра как раз вторник. Я пойду

к нему на прием, понаблюдаю его, так сказать в действии, а в среду вы ко мне зайдите, — поговорим.

— С анализами?

— Можно с анализами. Хотя... это неважно. Итак, жду вас в среду к семи часам!

В среду, ровно в семь часов вечера, та же посетительница вошла в кабинет профессора. Он принял ее по всем правилам несколько старомодной учтивости, хотя при этом гусарские усы его топорщились как-то слишком уж воинственно.

— К сожалению, Мария Петровна, — начал он, хмурясь, — порадовать вас нечем. С супругом вашим... плоховато!

Мария Петровна привычно всхлипнула и полезла в сумку за платочком.

— Но вы успокойтесь! — сказал профессор. — В общем, он мужик здоровый, до ста лет проживет.. Видите ли, если вы не будете делать никаких движений рукой, рука ваша станет бессильной, вялой, а со временем и вовсе атрофируется. Если вы не будете ходить, то же самое произойдет с ногами. А ваш супруг перестал, извините, работать головой!.. И вот — результаты!..

Посетительница посмотрела на профессора с удивлением. Гусарские усы у того торчали теперь, как казачьи пики: вот-вот проколет насквозь!

— Да, да, — продолжал старый врач с той же напористостью, — я все выяснил, поговорил с людьми. Он во вторник принял десять человек, включая меня. Прочитал десять заявлений. Верно вы изволили заметить прошлый раз: напрягался, читая бумагу, путался, но схватить суть так и не смог. Ни одного дела, в общем, не решил. На всех десяти заявлениях начертил одинаковые резолюции: «Такому-то. Разобраться, подготовить решение». А ведь люди ждали этого приема, надеялись, что «сам» сразу разберется и решит. Оказывается — я это тоже выяснил, — так у него давно заведено. Вот вы и подумайте, Мария Петровна, что же получается: сверху, выходит, за вашего супруга думают руководители, а снизу — референты. А сам он... не затрудняется. Имейте в виду, до полной атрофии головы ваш Василий Степанович еще не дотянул, но

если не изменится, то дотянет. И очень скоро!.. Судя по домашним проявлениям!..

Щеки у посетительницы покрылись бурыми пятнами, она резко поднялась и сказала дрожащим голосом:

— Я вас просила, как врача, помочь моему мужу, а вы... с какой-то самокритикой.

— Я ему помог! Я пошел в его партийную организацию...

— Как врач?

— Как коммунист! — твердо сказал профессор. — И, в общем, там со мной... во многом согласились. Так что вашего супруга теперь будут... лечить! Не беспокойтесь! А медицина в таких вопросах, увы, бессильна, потчнейшая!

Мария Петровна смерила старика с ног до головы взглядом, в котором было все — от презрения до желания испепелить включительно, — повернулась и вышла.

Вот какие попадаютс я коварные специалисты по болезням мозга среди наших эскулапов!..

СЕАНС ГИПНОТИЗЕРА

Гипнотизер Фердинандо Жаколео, пожилой мужчина с длинным, лошадиным лицом, на котором многие пороки оставили свои печальные следы, гастролировал в городе Н. уже вторую неделю.

Объяснилась эта задержка тем, что в городе Н. гипнотизеру жилось довольно уютно. Никто его не притеснял, и неизбалованная публика хорошо посещала представления, которые Фердинандо устраивал в летнем помещении городского клуба.

На одном таком представлении и встретились директор местной конторы треста «Домашняя птица» товарищ Верепетуев и ответственный исполнитель по индюкам из той же конторы Дрожжинский.

Места их оказались рядом. Усевшись поудобнее, Верепетуев и Дрожжинский стали созерцать представление.

Для начала Фердинандо, облеченный в старый, лоснящийся фрак, с сатиновой хризантемой в петлице, лениво, привычным жестом воткнул себе в язык три

шляпные дамские булавки образца 1913 года и обошел ряды, демонстрируя отсутствие крови.

Зрители с невольным уважением рассматривали толстое фиолетовое орудие речи, проткнутое насквозь. Девочка в пионерском галстуке даже потрогала удивительный язык руками и при этом вскрикнула:

— Ой, какой шершавый!

— Здорово! — сказал товарищ Верепетуев.

— Чисто работает! — откликнулся тощий Дрожжинский.

А гипнотизер уже готовился к сеансу гипноза.

— Желающих прошу на сцену, — галантно сказал он. Тотчас же из заднего ряда поднялась бледная девица, с которой гипнотизер обычно после представления сидел в пивной «Дружба».

Фердинандо записал ее фамилию и имя в толстую книгу.

— Это для медицинского контроля, — пояснил он публике.

Через пять минут бледная девица сидела на сцене с раскрытым ртом и деловито, но как бы во сне, выполняла неприхотливые желания гипнотизера: расстегивала верхние пуговицы блузки, готовясь купаться в невидимой реке, декламировала стихи Надсона и объяснялась в любви неведомому Васе.

Потом девица ушла, и гипнотизер снова пригласил на сцену желающих подвергнуться гипнозу. И вот из боковой ложи на сцену вышел старичок в байковой куртке и рыжих сапогах.

— Мы желаем подвергнуться, — сказал он. — Действуй на нас. Валяй!

— Смотрите, это наш Никита, — сказал Дрожжинский директору «Домашней птицы». — Ядовитый старик, я его знаю.

— Должность моя мелкая, — между тем объяснял гипнотизеру старик в байковой куртке, — сторожем я тружусь на птичьей ферме. А зовут меня Никита Борщов, так и пиши.

Фердинандо Жаколио усадил Никиту в кресло и стал делать пассы. Вскоре Никита громко вздохнул и с явным удовольствием закрыл глаза.

— Вы засыпаете, засыпаете, засыпаете, — твердил

гипнотизер, — вы уже спите. Вы уже не сторож птицефермы Боршов, а новый директор всей вашей конторы, Вот вы приехали на работу. Вы сидите в кабинете директора. Говорите! Вы новый директор! Говорите!

Помолчав, спящий Никита проникновенно заговорил:

— Это же форменная безобразия! Десять часов, а в конторе никого. Эх, и запустил службу товарищ Верепетуев!

Товарищ Верепетуев, сидевший в третьем ряду, густо покраснел и сердито пожал плечами.

Дрожжинский слабо хихикнул.

— Ну, я-то уж порядочек наведу, — продолжал Никита, — я вам не Верепетуев, я в кабинетах не стану штаны просиживать. Ведь он, Верепетуев, что? Он птицы-то и не понимает вовсе. Он, свободное дело, утку с вороной перепутает. Ему бы только бумажки писать да по командировкам раскатывать. Он на фермах раз в год бывает.

— Это ложь! — крикнул Верепетуев с места.

В публике засмеялись.

— Не мешайте оратору, — бросил кто-то громким шепотом.

— Нет, не ложь, — не открывая глаз, сказал загипнотизированный Никита. — Это чистая правда, ежели хотите знать!.. Сколько раз мы Верепетуеву про этого гусака — Дрожжинского говорили. Он и в ус не дуется. А Дрожжинский корму индюкам не запас, они и подошли, сердечные!

— Это неправильно! — завизжал со своего места Дрожжинский. — Я писал в трест! У меня есть бумажка! Гипнотизер, разбудите же его!

— Не будить! — заговорили разом в зале. — Пусть выскажется. Крой, Никита! Отойдите, товарищ Жаколио, не мешайте человеку.

— Не надо меня будить, не надо! — гремел Никита Боршов, по-прежнему с закрытыми глазами. — Когда надо будет, я сам проснусь. Я еще не все сказал. Почему сторожам, я вас спрашиваю, полушубки доселе не выданы?..

...Верепетуев и Дрожжинский, растерянные, красные, протискивались к выходу, а вслед им все еще неся могучий бас загипнотизированного Никиты:

— А кому намерен двух пекинских уток отнесли? Товарищу Дрожжинскому! А кто в прошлом году утят поморозил? Товарищ Верепетуев!

И какая-то женщина в цветистом платке из первого ряда тянула к Фердинандо Жаколио руку и настойчиво требовала:

— Дай-ка после Никиты мне слово, гражданин гипнотизер. Я за курей скажу. Все выложу, что на сердце накипело. Все!

Цирк бушевал,

1935

НЕБЛАГОДАРНЫЙ АСТРОНОМ

Живет
    под Солнцем
Знато,
Благодатно..
А вот
    на Солнце видит
Только пятна.

СВИНЯЧЕСТВО

Был Поросянком,
Чтил
    свое лишь «Я»:
Из Поросянка
    выросла
Свинья.

ПТИЦА КАКАДУ

Ходит птица
    Какаду,
Строит глазки на ходу.
Так пестра ее косица.
Так сверхмодно платьице,
Что
    милиция косится
И... машины пьются.

ЗМЕЯ

Ползет
    и шепчет даже Камышу:
«Дружи со мной!
Иначе... укушу...»

ОСА

Оса жужжала,
Обнажала
Жало,

А встретила
Шмеля —
И хвост поджала,

КРИСТАЛЛ

В не ту среду
попал
Кристалл,
Но растворяться в ней
не стал:
Кристаллу
не пристало
Терять черты Кристалла.

ЖРЕЦ И ПЬЕЦ

Он
за тебя, товарищ Бахус,
Отдаст
Последнюю
Рубаху-с.

МИТРОФАНУШКА

Дело
не в учителях
и школах,
Если
Олухом
остался
Олух.

ПЕВЕЦ ДЛЯ ОВЕЦ

Очень нравится себе
Он
привычным
«бе-е» да «бе-е».

И считает, что ему
Ни к чему
хотя бы
«му-у».

МАЛЕНЬКОЕ «НО»

Хвалилась Щука:
— Все мне по плечу!
Кого хочу,
того и проглочу!
Но... укололась об Ерша
И — ша!

СОРОКОНОЖКА

Насекомое
вставало
Каждый день
Не с той ноги
И считать не уставало,
Что вокруг
одни враги!

КОСМОПОЛИТ ДИЕТИК

Чужое То,
Чужое Это —
Его
духовная
диета.

ХОРЕК И СЛОН

Хорек шипел:
— Вы только посмотрите!
Нет у Слона
ни Хитрости,
ни Прыти...

А Слон
    плевал
        на Хитрость и на Прыть.
Такой фигуре
Незачем хитрить.

НЕВИДАЛЬ

— Заходи! —
        промолвил Еж
                        Ежу. —
Я тебе...
    иголки покажу.

ЦЕНИТЕЛЬ ПРЕКРАСНОГО

Он
    это лето
        проводил в Крыму.
Прекрасный Лавр
        понравился ему.
— О боже! — изрекли его уста. —
Как много здесь...
    лаврового листа!

СЕБЯЛЮБЕЦ

Любил Шакал
        свой собственный
                        оскал
И лучших идеалов
Не искал.

ЕНОТ-ПЕРЕВОДЧИК

Почти со ста наречий
        книжки
Переводил без передышки.
И стал квадратным из худышки
От переводов
На сберкнижке.

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

— С чего —
                    не понимаю,
                                хоть убей! —
Сказал ошеломленный Воробей. —
Вдруг
Сам Индюк
                    мне... руку пожимает!
Его,
                наверно,
                    с должности снимают?!

КРЫСИНЫЙ ЛИДЕР

Он
                просто бог
Из Крыс:
Он
                все, что мог,
Изгрыз.

ОРИГИНАЛ

Пел Соловей на весь притихший зал,
А Хряк в тиши
                    поднялся и сказал.
— По-моему,
Все жанры хороши! —
И в подтвержденье
                    хрюкнул от души.

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ БОБЕР

Лиса решила
                    окрутить Бобра.
Бобер смекнул:
«Опасная игра!»
Прочел плутовке
                    басню Михалкова
И пожелал:
Ни пуха
Ни пера.

ЖИРАФ НЕ ПРАВ

— Скажи,
                    молокосос Жираф,
Чего ты ходишь,
                    нос
                                задрав?
— Я всех животных
                                пе-ре-рос! —
Жираф ответил на вопрос.

ПЕСЕНКА ПЧЕЛЫ

Пчела,
                    росинки утерев с чела,
Поет в зеленых травах и ракетах;
— Я с цветами на «ты»!
«Пусть цветут все цветы»,
Кроме ядовитых!

ЛУКАВЫЙ ДОН-ЖУАН

Жил-был Петух.
Он был резов, но мил,
Окрестных кур
                    пленял не без пижонства.
...А однолюба Голубя
                    клеймил
За... многоженство.

ЛЖЕДИОГЕН

Ну и шутник
                    у нас
                                товарищ Эн!
— Я, — говорит, — живу,
Как Диоген... —
А сам при том
Вселился в новый дом
Да прежним женам и любимой дочке
Оставил
                    многокомнатные «бочки».

ПОЗИЦИЯ СИЛЫ

— Ах, почему я
одинок? —
Грустит
Бандюга Осьминог.

СОЮЗНИКИ

Скарлатине
Дифтерит
Дифирамбы
Говорит.

СВОИ, НО РАЗНЫЕ

Тропа своя
У Муравья.
И у Клопа
Своя тропа.

В. Карбовская

НЕВЕСТА

— Хороший костюм. Очень даже хороший, — говорит Пелагея Алексеевна, оправляя на сыне пиджак, — Красивый ты у меня, Андрюша!

— Уж и красивый!

— А что ж, разве плох! На людях я, конечно, хвалиться не стану, да и люди не слепые, сами видят, какой у них председатель колхоза: и умный, и партийный, и с высшим образованием. Вот только... не женатый, — Пелагея Алексеевна тяжело вздыхает.

— Старая погудка.

— Хоть и старая, да на новый лад.

— На какой это на новый?

— Уж будто не догадываешься!

Андрей Петрович прихорашивается перед тем, как идти в клуб на торжественное собрание по случаю Женского дня. Пелагея Алексеевна тоже собралась в клуб.

— Я, Андрюша, в твои дела не мешаюсь, но это такое дело, что и меня касается. Мне, милый, давно охота внучат понянуть. Да и невеста уж больно хороша, упустить обидно.

— Как будто речь о товаре — «упустить»!

— Теперь, конечно, невесты — не товар, — вздыхает Пелагея Алексеевна. — А прежде так и говорилось:

«У вас товар, у нас купец». Право, женись, Андрюша, что ж бобылем-то жить!

— На ком?

— Нечего, нечего тень на плетень наводить. На ком! На нашем главном враче, на Валюшке Дроздовой. Будто не понимаешь! Гляди, Андрей, прогоришь. Окружает ее учитель и механик с завода увиваются. Другой такой невесты не сыщешь. Вот ей-богу! Учился ты, учился, четырнадцать лет без малого, а простого дела не смыслишь. Конечно, женщины теперь сознательные, все законы для ихней пользы написаны. Ну, только такого закона еще нету, чтобы девушка первая к вашему брату подошла дескать, так, мол, и так, люблю тебя, будь моим мужем! Нет. Как прежде было, так и сейчас. Невеста, хоть с высшим образованием, хоть без высшего, сидит и ждет, сердешная, чтоб к ней жених посватался.

— А если не посватается?

— Что ж, так и прогорюет вековухой. С высшим образованием, — обиженно говорит Пелагея Алексеевна.

— Ну, ладно, мама, хватит об этом. В клубе, наверное, народ собрался. Я пошел.

— Так ведь и я с тобой иду.

Они выходят на улицу. Мартовский синий вечер. Подморозило, но и крупичатый талый снег, и воздух, и голые темные ветлы — все пахнет весной. В клубе окна ярко освещены. У входа кто-то из парней играет на баяне. Народу полно. Андрей Петрович проходит за сцену.

— Пелагея Алексеевна, сюда! Я для тебя местечко сберегла.

Женщина из первого ряда машет рукой. Пелагея Алексеевна проходит в первый ряд, чинно усаживается.

— Вот спасибо-то. Будем сидеть, на наших деток глядеть. Твоя Валя, небось, выступать будет!

— Готовилась.

Пелагея Алексеевна довольна соседством. Молодые люди пускай друг перед дружкой пофорсят, а они, старые матери, скорее столкнутся.

— Что не заходишь, Гавриловна?

— Да все некогда да недосуг.

— Загордилась, мать. Дочка — главный врач, первый человек на селе, вот ты и гордишься.

— Да уж первой твоего сына никого нету. Председатель.

Обе старухи лукавят, подбираются к делу исподволь и в этом находят большое удовольствие.

— А я ведь думала, не вернется твоя Валя в колхоз. Ученье закончит и выйдет в городе за какого-нибудь ответственного.

— Сватались. Не пошла.

Аграфена Гавриловна, худенькая, востроносая, поджимает губы.

— Уж теперь она у меня вроде перестарок. Двадцать пятый годок пошел. Наверно, вековухой останется.

Сдобная, рыхлая Пелагея Алексеевна отмахивается обеими руками.

— Что ты, Гавриловна! Нынче девушки рано не выходят, не нуждаются. А твоя умница, с высшим образованием, характер хороший. Такую жену иметь каждому лестно.

— Ах, Алексеевна, это только так говорится — характер да высшее образование. А мужчине что нужно? Мужчина первым делом на личико глядит, и чтоб окружность была, и вообще...

— Нет, Гавриловна, не скажи. Некоторые даже вовсе на лицо не глядят. Лишь бы душа была. Чтобы мужу покой был. А твоя Валя и на личико очень даже...

Приятный разговор прерывается на полуслове. На сцену выходит секретарь партийной организации колхоза — Анна Коновалова. Под гром аплодисментов выбирается почетный президиум. Затем занимают места за столом выбранные в президиум знатные люди колхоза. Рядом с председателем садится главный врач больницы Валентина Назаровна Дроздова.

Старухи переглядываются. Пелагея Алексеевна качает головой, шепчет:

— Бога ты гневаешь, Гавриловна. Какой она перестарок! В самом цвету. Королева.

— Да ведь и твой — король.

Позади них, во втором ряду, чей-то приглушенный, прокуренный голос хрипит:

— Хоть и Женский день, а бабы вы, бабы и есть. Партийных товарищей королями обзываете!

Пелагея Алексеевна оглядывается.

— А ты, Михеич, не встрейвай в чужой разговор. Затесался на женское собрание, сиди и помалкивай. Когда будет мужской день, тогда выскажешься.

— У вас дожدهшься мужского дня, как же!

Доклад делает Анна Коновалова. Говорит толково, обстоятельно. Перечисляет достижения, рассказывает о государственных планах, добрым словом упоминает зарубежных друзей, клеймит позором врагов внутренних и внешних. Все правильно. Ей дружно аплодируют. Выходит на трибуну председатель. Поздравляет женщин с наступающим Днем восьмого марта. Называет имена лучших колхозниц.

Пелагея Алексеевна слушает, вся подавшись вперед. Глядит на сына, — он сидит на сцене, — и ей кажется, что он выше всех и лучше всех. Гавриловна шепчет умиленно:

— Ну и сын же у тебя, Алексеевна, орел!

— Да, милая, да, Гавриловна. Вот только одна печаль -- не женат.

— А долго ли?

— Да ведь хорошо бы. Уж так бы хорошо!

Старухи понимают друг дружку. Как будто ничего особенного не сказано, а вроде как бы и договорились.

Вслед за председателем слово предоставляется главному врачу Валентине Назаровне Дроздовой. Она только поднялась с места, а ей уже хлопают в зале. Рослая, статная, в сером костюме, с гладко причесанными русыми волосами, она спокойно выходит на авансцену и громко говорит:

— Дорогие товарищи!

Андрей Петрович поворачивается к ней лицом, к залу боком, смотрит на нее и думает: «А что, если действительно... женюсь?» От этой мысли ему становится радостно. И хотя в президиуме не время и не место думать о таких вещах, но ему приходят в голову ласковые, нежные слова: милая, голубушка. Нет, он неправду говорил матери, что Валя не обращает на него внимания. Конечно, она не из тех, чтоб выдавать свое чувство, так ведь и он не мальчик. Иногда одного взгляда довольно, чтобы все понять. А как она посмотрела на него, когда сядила рядом...

Он глядит на Валентину, улыбается и совсем забывает, что сидит на сцене, на виду у всех.

Михеич из второго ряда хрипит Пелагее Алексеевне в пуховый платок, обдавая ее махорочным духом:

— Твой-то с врача глаз не сводит. Женила бы ты его, что ли.

А Валентина Назаровна говорит:

— Так вот, товарищи! Праздничные речи хороши, приятно их слушать, но хочется поговорить и о насущных делах. И прежде всего о недостатках. Председатель только что хвалил наших женщин, и он был прав. Женщины у нас хорошие. Но председатель не любит, не уважает их...

В зале настороженная тишина.

— Батюшки, да что же это она? — оторопело шепчет Пелагея Алексеевна.

Гавриловна часто моргает подслеповатыми глазками и боится взглянуть на соседку. Впору хоть провалиться. Михеич громко крикает.

— Да, не уважает, — повторяет Валентина Назаровна. — Наступает горячая весенняя пора. Надо освободить женщин от домашних забот и хлопот, и первым делом необходимо пристроить ребятишек в ясли, в детский сад. А где у нас ясли? Где детский сад? Строятся — и до сих пор не выстроены.

— Правильно! — раздаются из зала женские голоса.

— Зачем же это она его при народе срамит? — бормочет Пелагея Алексеевна.

Зато Михеич сразу сообразил, в чем дело.

— Здоровая критика! Валяй, крой, товарищ доктор, с точки зрения женского пола! — подзадоривает он.

«Критика, — мысленно повторяет Пелагея Алексеевна знакомое слово, которое до сих пор было для нее отвлеченным понятием и не имело к ней лично никакого касательства. — Она ему покамест не невеста, никто, а уж критиковать лезет! А что будет, коли поженятся? Знаем мы эту критику — кочергой по спине. Сама эдак-то критиковала покойника Петра Кирилыча, помню...».

Председатель очнулся от радужных мыслей. Слушает, ммурит брови, записывает что-то на бумажке.

Пелагея Алексеевна сидит сама не своя.

«Сосватала, называется! Невеста! Ах ты, змея подколодная! Без году неделя главным врачом — и на те-

бе, председатель не хорош! Ладно, еще дело не сделано, отговорю Андрюшу! Этакая жена, да разве она покой мужу даст? С утра до ночи будет долбать разговорами. Другая хоть для себя потребует пальто с котиковым воротником, туфли модельные, все в дом, а этой вынь да выложь ясли! Детский сад! Еще чего? Ох, ну и девки пошли, ну и невесты!»

И уже не слышит она, как Валентина Назаровна хвалит их передовой колхоз, говорит, что общими силами они добьются еще новых, еще больших успехов.

«Андрей-то чего улыбается, дурень? Втюрился, как оглобля в чужой кузов. Не понимает, что девка его на посмешище выводит. Нет уж, мне такую невестку ни-почем в дом не надо!».

— Правильно! — кричат в зале и аплодируют.

А Валентина как ни в чем не бывало садится опять рядом с председателем.

«Отвернись хоть ты от нее, от язвы, — так и кипит Пелагея Алексеевна. — Нет, шепчутся! Совсем мужик голову потерял, без ума на сцене сидит...»

— Славная будет парочка, — гудит за спиной Ми-хенич.

И Гавриловна туда же:

— Слышь-ка, Алексеевна!

— Слушать я вас не хочу!

Собрание подходило к концу. Вторично слово берет председатель.

«Вот он ее сейчас умоет», — Пелагея Алексеевна так и впилась глазами в лицо сына.

— Критику, высказанную нашим главным врачом товарищем Дроздовой, я, товарищи колхозники, считаю правильной! — говорит он и дает честное слово колхозницам, что в первой половине апреля и ясли и детский сад будут отстроены.

Валентина улыбается, кивает ему головой. Заиграл духовой колхозный оркестр. Молодежь готовится к танцам.

Не глядя ни на кого, Пелагея Алексеевна пробирается к выходу. Уйти поскорей домой, чтобы люди в глаза не смеялись. Она выходит на улицу. «Кто это идет впереди? Никак Андрей с Валентиной? Они! Господи, что ж это делается? Она его и так и этак при народе, а он ее под ручку, чтоб не посклизнулась!»

Сзади по хрупкому снегу кто-то догоняет, покашливая. В чистом морозном воздухе распространяется крепкий махорочный дух.

— Славная невеста у председателя, — говорит Михеич.

«Старый ты веред», — думает Пелагея Алексеевна и молча ускоряет шаги. Но Михеич не отстает.

— Хорошая из них парочка получится.

Пелагея Алексеевна останавливается.

— Ты, что это, смеяться надо мной вздумал на старости лет?

— Никакого смеху нету. Все люди говорят, радуются.

— Михеич! — вдруг жалобно произносит Пелагея Алексеевна. — Да ведь она ему покоя не даст!

— Не даст, — соглашается Михеич. — Ежели покоя искать, надо на старухе жениться, к тому же на беспартийной. А они люди молодые, партийные, им никакого покоя не требуется. И даже противопоказано.

— Значит, ничего, что она его этак-то... при всех? — робко спрашивает она у Михеича.

— Совершенно наоборот, одна польза, — уверенно говорит Михеич.

— Да ведь срам?

— Никакого сраму. Законно. Она критикует, он опять же признает и дает слово исправить свои ошибки. Как по-писаному. И люди одобряют вполне.

— Стало быть, одобряют? — с надеждой переспрашивает Пелагея Алексеевна. — Ну-ну.

Немного успокоившись, она всходит на крыльцо, отпирает дверь. И ей вдруг ясно представляется, что на будущий год об эту пору ни в какой клуб на собрание она не пойдет, калачом не заманишь, а будет сидеть дома и нянчить долгожданного внучонка...

«И в ясли я вам его не отдам! Хоть раззолоченные постройте, — думает она. — А во всем прочем — ваше дело. Критикуйте хоть с утра до ночи. Вы люди молодые, партийные, с высшим образованием. Вам виднее».

М. Заборский

ЩУКА

В октябре это случилось. В первых числах. Жерлиц на речке поставил дед Стулов четыре штуки. Три на плотву, а четвертую — на маленького плюгавого ершика. И улов в тот раз вышел у деда особенный. Четыре щуки и попались. Три, пожалуй, по килограмму — рыжие, прогонистые. А четвертая, которая на ерша польстилась, такая оказалась, что стоит разговора. Немного поменьше пуда. Сама цвета аспидного, толстая, будто чурка, брюхо замшевое, а глазищи круглые, точь-в-точь, как у дедова кота Порфиши.

И как разинул дед палкой ей пасть, то даже плечами повел, словно озяб.

— Ах ты, — говорит, — нечистый дух! Это же у нашего культиватора зубьев и то поменьше!

Притащил дед добычу в избу, а к вечеру стали они со старухой прикидывать, куда рыб употребить. И получается так. Одну себе надо оставить, на холодец. Другую — дачнику Борису Георгиевичу. Зажился дачник в деревне до самой осени, снастей из города понавез полный сундук, а рыбы изловить никак не может... Третью рыбу — снохе послать, Агашке, на Новую деревню... А четвертую, главную, выходит, и девать некуда. Соседям подарить — больно жирен кусок получается. Покупателей по деревне нету: чуть не в каждом доме свои рыба-

ки... Поросятку скормить — опять жалко!.. Ну, прямо голова кругом идет!..

— Полный бы расчет, — вздыхает дед, — махнуть с рыбиной в район, на базар. Потому что не имеется у нас в Акатове для этой великолепной вещи настоящего применения. С ней хорошо под какой-нибудь банкет угадать. Куда-нибудь в промысловую кооперацию. А то неплохо под праздник или еще под гулянье какое-нибудь.

— Как же, — беспокоилась старуха, — ты, дед, в город собираешься, если через два дня Петру Михайловичу тарантас починить обещался? А сейчас только и ожидай — вот-вот ненастье объявится.

— Да, — почесал маленько пониже поясницы дед, — не иначе, придется дойти, Петю попросить. Может, и обождет чуток с тарантасом...

А в это время в сенях щеколда стукнула и входит сам Петя Овчинин, председатель. Будто учуял, что про него разговор.

Поздоровался. На лавку присел. Пачку «Беломора» вынул, деда угостил. Задымили мужики. И говорит Петя:

— Я, дедушка, к твоей милости. Давай-ка обождем с тарантасом. День-другой и пешим похожу — ноги не отвалятся... А вот не съездишь ли завтра на базар? В Кимры? Меду колхозного кадочку надо продать. С плотниками за свинарник рассчитаться не хватает.

Тут бабка их разговор маленько перебила и Пете своего знаменитого кваску поднесла. В ковшике. А квас у бабки такой, что иному бутылочному пиву не уступит.

Отхлебнул председатель и дальше продолжает:

— Время, дед, сам знаешь, какое. Картошку скоро начинаем копать. Мужики все заняты. О бабах даже и не поминаю — труженицы наши бабы... А потом мед тоже — продукт ответственный. Не каждому доверишь. Уж я на тебя, как на гору каменную... Выручай!..

Деду, конечно, разговор такой очень даже по душе. Однако он виду сразу не подал.

— А что, — спрашивает, — Петр Михайлович, неужели так никого и не остается из нашей замечательной колхозной молодежи, чтобы направиться в данное путешествие? Им бы, молодым, и карты в руки!

(А Петя Овчинин, следует сказать, насквозь каждого колхозника видел. Как иной врач пациента на рентгене.

И про шуку тоже полностью был извещен. В этом, положим, хитрость не великая: сам дед еще с утра раз-благовестил про добычу свою налево и направо. Даже вроде приема в избе устроил и всем рыбину показывал.

И отвечает Петя Овчинин:

— Вся наша молодежь нынче занята. Не баклуши бьет — в поле трудится... А тебе чего не поразмять старые кости? Ты, я слышал, очень крупную рыбину изловил. Вот заодно и продашь. Кстати, и дорога выйдет бесплатная.

Ну, дед Стулов еще одну папироску у председателя потребовал и вскоре объявил согласие. Тут они в кладовую пошли и кадочку с медом осмотрели. Кадочка очень складная, новенькая, дубовая, на железных обручах. А уж о самом меде и толковать не приходится. С травы кипрея пчелы наносили, что по гарям лесным растет. Духовитый мед, натуральный, небалованный.

Так и договорились. Чтобы к утру был дед с медом на катере. А когда Петр Михайлович прощаться стал, то, между прочим, так выразился:

— А насчет цены правление тебя контролировать не собирается. Как продашь, так и продашь. Притеснять не будем. Потому что каждому колхознику известно, кто такой есть дед Стулов!

И руку деду пожал с особенной крепостью...

Еще затемно выехал дед. Первым катером. И на базар попал чуть не ранее всех. Пока суть да дело, талон на продажу выправил, весы получил с мелким разновесом, фартук, нарукавники. Бороду расчесал с особым тщанием, чтобы на грех волос какой в кадушку не угодил. И место выбрал до чего складное! Под навесом и на углу. Куда ни пойдет публика — все на дедов товар наткнется.

И товар свой дед Стулов с большим умом распланировал. Посередине весы, за ними разновес. Налево меду кадочка и блюдец небольшое с ложкой — для пробы. А направо газетка постелена. И на ней шука — рылом к покупателям. Так что все в порядке...

В порядке-то в порядке, а вот дальше и произошло!..

Закаялся в скором времени дед. Потому что не только медом колхозным никто не интересуется, но даже и никаким окрестным товаром. А все вокруг шуки толкут-

ся. Свалка целая! И всякую ерунду порят. Один спрашивает, сколько рыбине годов. Другой — чем она питается. Третий — когда зубы меняла. Четвертый — где поймал. Пятый — на какого живца. Шестой кричит, что с рыбных харчей такая не вырастет — здесь дело темное! Седьмой... да, тьфу! Разве их всех пересчитаешь? А покупать — ни-ни! Никто даже и ценой не поинтересовался.

Старушка еще какая-то к самому прилавку притиснулась. За руку мальчика держит краснощекого. А тот возьми да сунь палец щуке в пасть. Ну, известно, окровавился: у таких упитанных кровь всегда сильно бежит. И заверещал, что заяц в капкане. А старушка за ним следом. И, главное, на деда — зачем торгуешь опасной продукцией? А дед ей:

— Что я, намордник, что ли, на щучину одевать должен?

А рядом другие продавцы бесятся, потому что ротозен их товары тоже заслоняют:

— Таких, — кричат, — щук надо в зоопарке показывать, а не по колхозным рынкам развозить, людей пугать...

И пошло! И пошло!.. Одно слово — базар!..

И вдруг видит дед, лезет между народом к нему, как бы сказать, личность. Роста небольшого, конопатая, невзрачная, под левым глазом синяк свежий, и так густо со свежего похмелья дышит, что все ей дорогу уступают. Пробралась к прилавку, ладошку деду ребром сует и говорит сиповато:

— Кабы не этот переполох, так, может, и разминулся бы с дорогим человеком. Скоро, скоро друзей забываете! Да неужели так и не признали?.. Михаил Ефимович я! А знакомство наше произошло в третьем году. Хотя и в обстановке несчастных обстоятельств... Теперь, может, припоминаете? Крокодила же вашего (на щучину указывает) вы под прилавок схороните. Все равно на него покупателей скоро не сыщете. Потому что товар, как говорится, некондиционный. А кроме того, данный объект служит в настоящий момент большим препятствием для одного очень актуального разговора.

И так на деда Стулова дыхнул, что с тем вроде столбняк приключился. И тут же упрятал дед щучину под

прилавок, после чего весь митинг вокруг шуки стал быстро рассасываться.

Тут и вспомнил дед... Верно!.. В третьем году летом гражданин этот с катера «Каманин» слез и напросился на сеновал переночевать. Как любитель-рыболов представился. Все хвастал еще — лещей очень здорово умеет ловить на пареный горох. Дед ему, с дураков, и ялик свой предоставил, и омут, где рыбачить, указал, и даже гороху в печке напарил. А тот вместо гороха возьми да запусти в любимый дедов омут два заряда толу. Взрывчатки, значит. Что леща потом всплыло — это просто жуть! А деда, как назло, в одночасье на Новую деревню к снохе понесло. Он только издали слышал, как вода фукнула. Спасибо, бакенщики на реке оказались — подъехали, взяли личность за грудки и на первый же катер под расписку милиционеру сдали. Акт составили. А в омуте том и по сию пору ни одна рыбина так и не живет.

Как вспомнил все это дед, его от злости даже в краску бросило. «Ах ты, — думает, — хапуга! Ах, разбойник! И хватает же у тебя совести с разговорами соваться!».

А личность ровно дедовы мысли читает, ручку к груди приложила и дальше изливается.

«Кто старое помянет, тому глаз вон! Неужели не дошло, что обращаюсь к вам по единственной причине — желаю прежнюю вину искупить. И по сему предлагаю оформить один вопрос ко взаимному благоприятию».

А у деда меж тем торговлишка пошла. Стали мед пробовать. Отвешивает дед товар, а цену держит. Никак не снижает. Потому что мед очень качественный. Вывесит посуду и положит тюлька в тюльку. А на рынке, известно, хозяйки такое поведение не очень одобряют. Которая позубастее, та даже скажет:

— Доложил бы немножечко, старый веник!

А дед ей в ответ:

— Это только в министерствах докладывают. А здесь колхозный рынок!

И сурово так подмигнет.

А личность сбоку стоит, наблюдает и опять к деду.

— Вам, — говорит, — прекрасный старичок, с таким собачьим характером торговать придется до морковкина

разговенья. Вот у вас по лысине и пот уже тронулся, а товару продали всего один килограмм триста пятьдесят. Прекратите, умоляю, на пять минут ваш бизнес. И вторично предлагаю оформить один вопрос к обоюдному удовольствию.

А сам животом по прилавку ползет, чуть-чуть не в бороду деду вцепился. И сипит на ухо:

— Уж если на то пошло, могу рекомендоваться официально. Работаю от детдома. Референтом по продовольственным заготовкам. А если не понимаете — агентом по снабжению. Вот он и мандат! — И сует бумажку какую-то мусленую.

— Так! — на малую толику соображает дед. — Понятно! Ну и в чем же дело?

— А в том, — отвечает, — желвак старый, что я всю эту пчелиную окрошку забираю сразу. В оптовом порядке и даже с бадьей вместе. Не могу видеть, чтобы мучился почтенный человек по мелкой продаже — жилы из себя тянул. Совесть не позволяет. А за ценой не постою. Сейчас все и оформим.

— Да что это такое за оформим? — выпучил глаза дед.

— Вот что такое. Сколько у тебя меду?

— С тарой двадцать семь килограммов было.

— Эка невидаль — двадцать семь. Забираю! А расписку ты мне напишешь на сорок. Только и всего! Барыш пополам. А дальше твое дело телячье. Разве маленько поможешь медок с картофельной мукой пересортить. У меня и мука поблизости для этой цели припасена. Понял?

— Понял, — мычит дед Стулов. — Только как-то непривычно мне такое дело. Да и бочка непродажная.

— Не все, конечно, с молоду учены, — говорит личность. — Поэтому и непривычно. А на лешего тебе эта лохань слалась? На, я тебе десятку за нее прибавлю.

— Нет! — уперся дед. — Мне за бочку председатель бороду оторвет. Коли хочешь, давай в другую тару мед перекладывать.

— А где у тебя другая?

— У меня, — отвечает дед, — нету. А тут на базаре наши деревенские должны творогом торговать. У них, пожалуй, найду поплоше кадочку. Обожди маленько!

— Ждать, — хрипит личность, — интересу мало. Да-

вай и я тогда за мукой сбегаю. Закрывай магазин! И через пять минут ворочай обратно!

Наказал дед соседям, чтобы товар приглядели, и весы, и щучину, вышел из-за прилавка, с народом смешался и прямым ходом в милицию.

А в милиции был в ту пору участковым наш же, ака-товский, Васюха Блохин. По прозвищу Пучок. В том дело, что Васюхина мать сыну такую уж специальную прическу устроила с самых ранних годов. Так и объясняла — для удобства обращения. И приходился Васюха деду Стулову родным, внучатым племянником, что ли? Ну и отчаянный же был когда-то этот Васюха! Первый по деревне заводила! Что говорить, и деду не раз случалось своей рукой пробовать, крепко ли пучок на голове у Пучка держится... Только давно это, конечно, все было. А теперь Васюха — младший лейтенант и, кроме ордена, еще четыре медали имеет. Шутка?! Хотя пучок пуше прежнего бережет и даже одеколоном освежает.

В общем дед племяннику все по-свойски выложил. И личность форменно описал.

— Большая, — говорит Васюха, — тебе, дедушка, выходит благодарность. Вот что значит кровный родственник!.. Глаза, говоришь, разные? Конопатый? Востроносенький? Он, пожалуй, самый и есть! Сдастся, не этого ли молодчика в области разыскивают. И, ежели тебе тайну открыть, давно по нему тюрьма плачет. Он всяческих бед натворил. Браконьер первеющий, что по рыбе, что по зверю. Два лося за ним числятся. И другие фактики есть — поважнее. Техникум один опутал, больницу кругом обобрал. А теперь, видишь ли, к детдому какому-то присосался... Хватает же еще дураков на белом свете!.. Ну, айда, дедушка!

Только подошли они к прилавку — личность уже там стоит, дожидается и в лапах мешочек держит, должно быть, с мукой. Тут личность и пригласили. На минутку. Для выяснения обстоятельств...

И, надо сказать, пошла после этого случая торговля у деда очень бойко. Еще пароход какой-то дальний к пристани подошел, и разбежались пассажиры с него за продуктами по городу. А пассажир — человек стремительный, все куда-то мчится, торопится: а вдруг без него

пароход отвалит. Для коммерческого же оборота лучше такого покупателя не придумаешь: торговаться у него времени в обрез, и продавца он, по той причине, не зажимает. Так без всяких осложнений дед мед и разбазарил.

«А теперь, — думает, — на свободе, без хлопот, я и щучиной своей займусь».

Только нацелился из-под прилавка ее вытащить, обратно идет Васюха, племянник.

— Придется, — говорит, — дедушка, антракт сделать. Давай заканчивай торговлю! Пойдем протокол оформим!

— Да что вы все, нечистый дух, словно сговорились — оформим да оформим! — забушевал дед. — Скажи, скорость какая занадобилась! То два года жулика ловили — поймать не могли, а теперь, эвона, пожар случился! Нет, брат Пучок, обожди! Я колхозные дела переделал, а сейчас и свои пора офор... Тьфу! Рыбину надо продать!..

А Пучок словно чужой сделался. И на племянника-то совсем не похож. — Никаких, — режет, — не может быть «обожди»! Давай слезай с прилавка, и в срочном порядке!

— Да как же, Василий Семенович! — благует дед. — Это за то, что я на такую отчаянность решился, ты же мне и жилы на ногах подрезать собираешься? Думаешь, не знаю, как ты округ этого протокола теперь водить начнешь? Это же волынка верных часа на три. Никак не менее! До завтраго, что ли, мне здесь оставаться? На койке, в Доме крестьянина, со щучиной ночевать, может, прикажешь? У меня в колхозе делов не переделано! Деньги с собой общественные. Председателю завтра тарантас кончать надобно.

— Ничего, — отвечает Васюха, — не можем тебе утешительного сообщить. Конечно, постараемся по пустякам не задерживать. Навстречу пойдем твоей старческой сознательности. А сейчас извини. Дело, как говорится, казенное... И давайте, гражданин, не задерживайте!..

Ну, ничего не скажешь! Обошелся все-таки племянник с дедом по-родственному. Сорок минут всего и дер-

жал. Даже слово дал, что больше таскать не будет. И вернулся дед на свое место.

Только глаза протер, видит — напротив его Медведицкий рыбхоз торговать устраивается. Прямо с Волги подчалили. Корзины таскают с рыбой. Парная рыба — и лещ и судак. И щук сколько хочешь. Нормальных щук. И получается, как бы сказать, конкуренция.

Делать нечего — вытащил дед свою щучину, а около нее опять одни болтуны грудятся. Напротив рыбу берут, а у деда только ахают либо зубы скалят. И, что всего противнее, продолжают вопросы разные. А один, в очках, прыщавый такой, волосы длинные, вытащил из кармана рулетку и спрашивает:

— Разрешите, гражданин, смерить, сколько в ей будет сантиметров?

Хотел дед с ним сцепиться, но сдержался:

— Кого сам поймал, того и обмеряй! — только и сказал.

А тут вскоре и базару конец. Свистят. Звонки дают.

Так и не продал щуку дед. И, между нами говоря, на обратном пути ужасно лалялся. Всем попало: и личности, и глемяннику, и рыбхозу, и колхозу. И даже начальству всякому.

А дома, представьте, все обошлось. Прямо чудесно обошлось! Разрезала бабка ту щуку, почистила, напластовала в кадочку, крупной солью засыпала и тяжелый гнет положила. И получилась отменная шутовина. Хоть в пироги, хоть в похлебку.

И теперь, когда все уже утряслось и срок тому прошел порядочный, вспоминает дед Стулов случай этот с большой симпатией. И даже гордости на себя напускает:

— Мы, — говорит, — с начальником городской милиции очень активно участвовали в задержании одного крупного шаромыжника. И хотя погорел я в тот раз на базаре со щучиной, зато государству оказал помощь немалую... Так что уж особенно убиваться не приходится. Тем более, что щук в нашей речке, слава богу, хватает. Никуда не девались. Надо будет — я еще здоровее поймаю.

И тут же рассказывать примется в очень точных подробностях.

ДУШЕВНАЯ БЕСЕДА

... Придет срок, обольются акатовские яблони кипенью белой, начнет зорька зорьке руку тянуть, и шумно станет у нас в деревне. Там более, дачников наедет тьма-тьмуша!

Дачники в Акатово прибывают разные. Тут и охотникам раздолье. И рыбакам можно душу отвести. И художникам найдется, что отобразить. Оно, пожалуй, для отдыха и не сыщешь места краше нашей сторонки. Воздух отменный, река — рукой подать. И пристань рядом. И селпо... А лес? Строевой, сосновый, и к самым колхозным усадьбам подошел...

В то лето дачники в Акатово наезжать стали рано. Погода установилась уж очень теплая. И вскоре, как Первомай справили, свободных квартир по деревне почти не осталось.

Только у деда Стулова горница долго пустовала. В новом прирубе. Ах, ну и горница! Просторная, хоть и под беседу годится. Пролы пареной мозжухой промыты. На половики ступить боязно — только что не накрахмалены. Налево ларь с яблоками сушеными. Шагнешь поближе, а ноздри так сами и раздуваются. Направо кровать дедовой работы, под орех, с резными загогулинами. А перины на кровати, точно сдобные пироги. Это уж бабка расстаралась... Насчет тех, кто там ползает либо скачет, можете не сомневаться. Нету! И в самые полдни в горнице всегда прохлада и даже чуть сумеречно. В том дело, что окна в сад вышли и листва от черемухи дробит солнышко... Век бы, думается, не ушел с такой квартиры!

Не сдавал же дед помещения по той причине, что насчет постояльцев был уже очень привередлив. У кого, к примеру, ребята малые — ни-ни! Нипочем не пустит. Но, конечно, если отказывал, то с деликатностью:

— Мне бы ничего, да вот бабку пожалеть надо. Не молоденькая. Тоже человек покоя требует. А внучат у нас и своих, слава богу, хватает. Полдеревни бегают — и все Стуловы. Так что, милые, простите, не могу!

И художниками брезговал. Это, объяснял, самый суматошный народ. У них и обеда-то никогда во время не соберут. Так и живут кувырком, как цыгане. А иной

живописец такой тебе краской на штаны ляпнет, что и не отстираешь.

Охотников тоже не жаловал. Тем резал прямо: от вас, мол, всегда собаками пахнет... Вот он бог, а вон и порог!

Так в общем каждому нанимателю давал дед до поры персональный отвод...

И вот в конце июня подвалил к нашей пристани особенный катер. Заказной. На берег же сошел только один пассажир. В атласной пижаме и желтых туфлях с дырочками.

Рано утром это произошло. И народа поблизости никого не оказалось: все на работе были. Только дед с ночного дежурства возвращался, — он в ту неделю сарай с овсом сторожил. И вскоре затеял с пассажиром разговор. А после этого разговора флотские с катера начали чемоданы таскать.

И когда вещи в горнице у деда оказались, капитан под козырек взял и спросил:

— Разрешите узнать, Конрад Иванович, какие будут дальнейшие распоряжения?

— Возвращаться! — ответил приезжий. — А я здесь приземлюсь. Мне и с воды место приглянулось, и вот товарищ очень нахваливает. А Григорию Исаевичу передай, что прошу за делом присматривать. В оба! И мне каждую декаду сводку сюда. Телеграфом! Чтобы я находился в полном курсе! Понятно?.. Ну, пока!

И с такой солидностью после сказанных слов троекратно горло прочистил, что дед даже маленько плечи развернул и живот подобрал, как когда-то в дальние годы на строевой учебе николаевской.

Всем тут стало ясно, что прибыл в Акатово товарищ не обыкновенный, а весьма ответственный. Пофартило все-таки деду! Подобрал дачника себе по аппетиту.

Был Конрад Иванович в плечах широк, животом кругл и наголо брит. Со лба кожа у него была натянута, словно ее в обрез отпущено, а к затылку и на троих хватило бы добра, почему и образовались там три глубокие складки. Уши, нос, губы Конрад Иванович имел крупные. Брови черные, густые, у другого мужика усы и те жиже. Глаза серые, чуть навывкате. Голос гулкий, точно из кадушки.

И когда Конрад Иванович горло прочищал, то не

только с дедом нечто происходило, но и у тетки Федосьи, через улицу, цепной кобель Руслан от ярости давиться начинал, а дедов кот Порфиша немедля подавал-ся под лавку.

Стал жить новый дачник в Акатово, и очень по нутру деду пришлось. Во-первых, строгий человек оказался, а во-вторых, вежливый. А эти два свойства дед Стулов счел уважал. И вскоре намекнулось у них что-то на манер дружбы. Хотя и с ограничением: понимал дед — всяк сверчок знай свой шесток!

Началось же с того, что Конрад Иванович очень о своем деле тосковал. Даже ночью, бывало, не спится человеку, накинёт пижаму, выйдет на крылечко, сядет, закурит и горло прочистит. А у деда сон чуткий, и он тут же с постели брык! — в сенях дед спал, в холодке. И к гостю. Подсядет в одних исподниках, потому что теплые у нас в июне ночи — не простынешь, и скажет:

— Угости папирочкой, Конрад Иванович! Все о делах думку имеешь?

— А как же? — ответит гость. — Душу тянет. Хоть бы и не брал этого отпуска. Да вот насоветовали. Езжай да езжай! На природу! Дыши там и ликвидируй брюхо. И ни о чем не заботься!.. А как это не заботиться? Полугсдовой плап на днях добиваем. Как там без меня управятся? Зам — Григорий Исаевич — новый. С мака-рон да с вермишели его ко мне благословили... Это на металл-то! И помы ненадежные — щелкоперы. Вот тут я будь в курсе. Ох ты, господи!

И начнет деду про хозяйство свое докладывать. Большое хозяйство, важное, так и называется — главк. Одних крупных заводов десять, не считая мелочи. И чего на них только не делают: и чашки, и плошки, и литье, и скобье, и кровати, и сковородки, и ножи-ножницы. Всего и не запомнишь.

Про все свои дела рассказывал Конрад Иванович деду, как другу, без всякой утайки. И так объяснял, что тот вскоре начал вникать в самые подробности. Даже директоров стал разбирать, что по заводам насажены, по мелким косточкам. Знал, к примеру, что на Арсения Александровича (по печному литью) или на Степана Трофимовича (по ножам-ножницам) положиться можно, как на гору каменную. А вот Яков Никитич (по кро-

велям) — скользкий мужичишка, и веры ему никакой нет. Одной бумагой держится — отписками. А сам выпивоха секретный и первый ёрник. А Александр Алексеевич (по кастрюлям и прочей мелочи) у супруги под сильным давлением. И в конторе у него теперь одна жена родная. Теща и та главбухом обернулась.

Там, братец ты мой, такая порука, что давно надо бы на место ехать, народ перешерстить, да все вот руки не доходят!

...И что дальше, то больше стал дед во все заботы вживаться, и удивительное дело, казалось ему порой, словно бы это и не Конрад Иванович, а он сам, дед Стулов, начал главком заправлять. И даже стали у него появляться особые управленческие мысли.

— Не иначе придется, — загудит Конрад Иванович, — завтра на девятый завод телеграмму посылать. Слыхал, Яков Никитич какое колено выкинул? Односпальных кроватей наделал. А по плану у него полуторные! Ох, и пройдоха! А я потом отдувайся перед жена-тыми потребителями!

— Скажи, лешман какой! — возмутится дед.

— Да, — подтвердит Конрад Иванович. — Это, братец ты мой, такая лиса! Ну погоди, все равно довертятся!

И опять троекратно голос прочистит.

— Разве это сводка? — загремит дальше Конрад Иванович. — Хоть обратно на работу поворачивай! В печенках сидит у меня этот Яков Никитич! Значит так завтра и телеграфирую. Нахожусь, мол, в полном курсе. Готовься сдавать дела!

— Дела! — повторит дед, точно эхо лесное. И покрепче папироской затянется. А у самого сердце вздрагивает. Так ему, думает, бродяге, и надо. Давно бы попереть его из директоров! Не обманывай женатый народ!

После первого завтрака сердце у Конрада Ивановича помаленьку отходило, и шли они с дедом на прогулку в лес. В эту пору у нас хорошо первые белые грибы родятся — колосовики. Собирали их, правда, все больше дед. Постоялец ходил важно, не спеша. Руки назад закладывал и больше смотрел поверху, чем под ноги. Разве так много наберешь?.. А вернутся — бабка

их добычу на сметане поджарит и к позднему завтраку подает. И тогда вынет Конрад Иванович из чемодана бутылочку. И наливает деду лафитник. Для аппетита. А потом Конрад Иванович в саду книжку читает, а дед рядом с ним косы колхозные сядет отбивать или еще чего по хозяйству мастерить.

А к вечеру на речку. Конрад Иванович в лодку на весла, дед — на корму. И катает гость деда по речке, словно подругу жизни. И брюхо свое между тем ликвидирует. А беседы ведут на государственные темы: не подгадил бы Яков Никитич, не подвел бы Александр Алексеевич.

Чем дольше гостил в Акатове Конрад Иванович, тем приятнее становилась погода. Нет лучше нашего лета калининского! Уж и гречиха зацвела, малинка в лесу краснеть взялась, пчелы вторую взятку выдали, и язь стал на кузнечика поклевывать.

А тем временем началось с постояльцем необычайное превращение.

Не сразу, конечно. Это как иная болезнь — не налетом человека забирает, а исподволь, потихонечку. Так и с Конрадом Ивановичем получилось. А приметы начали выходить разные: по ночам просыпаться кончил. Спать стал — завидки берут! Голос прочищал уже не втроекратно, а в один прием и без прежней звучности. Ходить научился по-деревенски: на землю-кормилицу поглядывать, а не в небе галок считать. То каждый день голову бритвой скоблил и духами прыскал, теперь же бросил, почему и стали у него вокруг ушей волосы расти, кустями. Вместо атласных штанов напяливал холщовые. И государственные разговоры сократил до ничтожной степени. Все больше его рыбалка заедать начала. А уж это дело последнее — каждому известно! Словом, вести себя начал человек не по чину.

А с дедом Стуловым в то же время свои чудеса приключаться стали. Ровно перелил кто из Конрада Ивановича в деда беспокойство великое. Как из одного чугунка в другой. Постоялец ночью храпака дает, а дед на постели ворочается, вздыхает, будто и не на сеннике спит, а на шишках сосновых.

— Завалит, — думает, — нечистый дух, план Александр Алексеевич. Опять кастрюль без ушков наделает,

как в первом квартале. Или сковородниками пренебрежет. А кой тебе шут сковородку из печи голыми руками потащит?! И у нас-то в селпо сковородники кончились. Ой, дела!

А тут еще пришлось деду с одной сводкой ознакомиться лично. А получилось так. Принесли постояльцу утром депешу. Развернул он, глянул как-то боком, зевнул и крынку с простоквашей ею накрыл. От мух. И следом в сад вышел. Тут уж деду невтерпеж стало, очки принес, взял депешу, стал читать. Сначала бы все ничего: предметы разные поименованы, а рядом цифры -- сколько чего выполнено. А как дошел до конца, такое слово обнаружил, что даже в лице переменился.

— Ну вот! — сказал. — То-то у меня еще с почи сердце щемило!

Постоялец же вскоре из сада вернулся как ни в чем не бывало. И спрашивает:

— Что ж самовар-то? Скоро? Вот мы сейчас чайку с топленным молочком трахнем, да и червяков время копать.

Кому червяки, а у деда голова, точно чугунная! Только ведь под утро маленько и соснул. А на душе все едино кошки скребут. Втемяшился ему этот... Как его?.. Тьфу!.. Ассортимент, что ли?.. Обязательно заперет план Александр Алексеевич... А что ж хозяин-то?... Ох, беда! И сейчас пишут какие слова язвительные, а ему все божья роса! Сказать бы надо, навести. Да все робость одолевает.

Все-таки заикнулся раз дед. Обводным путем. На хитрость хотел взять:

— Я, Конрад Иванович, нынче Александра Алексеевича во сне видел. Что-то у него не больно того!..

— А хрен с ним! — ответил Конрад Иванович и спиной о двери почесался. — Я о нем, слава богу, и поминать-то бросил. Поважнее есть вопрос... Как бы, братец ты мой, еще недельки три к отпуску присобачить. Ты глянь, погода-то какая! Чуешь? Не иначе, придется кому следует письмецо черкнуть, попросить по-приятельски!

Так и сказал. Да еще подмигнул. И после этих слов у деда на лысине точно роса выступила и в глазах зеленые круги заплывали.

И, быть может, все так ничем и не кончилось бы, когда бы не одна удивительная оказия.

Намекнул раз дед Конраду Ивановичу, что неплохо было бы сеткой в речке побаловаться, да вот только боязно, не отнял бы рыбнадзор снасть.

А тот встрепенулся даже. Глаза засверкали:

— Обязательно поедем! И ничего не опасайся. Мы ведь не промышленники какие-нибудь, а если и ловим, то исключительно для возбуждения чувств!

С утра и поехали во вторник. Денек выдался теплый, но с тучками и ветерком. Не очень ровный денек.

Решили к Шушпанову двинуться. Самая у нас там рыба. И пока за разговорами незаметно стали к месту подъезжать, как навалилась с запада туча и кое-где по речке даже белые барашки пошли. Лучше бы рыбакам тучу-то на берегу переждать либо в камыши заехать. А не получилось. Как на грех, леши поблизости заиграли; такой здоровенный вышел косяк. Одна рыбина хвостом из воды вымахнет, другая рядом морду высунет, третья колесом пройдет. Леши же в нашей реке, как подносы самоварные. И от такого зрелища рыбаки всегда приходят в неистовство.

— Давай! — затрясся дед. — Конрад Иванович! Конрад Иванович! Влево потрафляй — вон вешка торчит! И кругом куста! А я сеть кидать начну. Кормой, кормой разворачивай! И смотри, нос держи против ветра. Как по ниточке, ялик веدي! Чтобы ни туда, ни сюда! А то на коряги угадаем. Тогда ау! — и рыба и сеть.

У Конрада Ивановича, как завидел такое дело, голос совсем перешибло. Только и промычал:

— А я думаю!..

— Тише шлепай! Уйдут! — шипит дед. — Разве рыбаки думают?.. Ловят рыбаки! Крути ялик-то, крути!

И здесь следует заметить, что в человеке, который сетью ловит, заключаются как бы два человека. На берегу это гражданин вполне обыкновенный, смирный, и, может статься, ни одной мухи не обидел. А как взялся за сеть — готово! Все уже не по нему, все кажется нехорошо. А уж если гребец ошибся в чем, тогда вообще пропащее дело!

С Конрада Ивановича как с гребца взятки были гладки. Гребет никудышно и ялика чувствовать не мо-

жет. Вот и сейчас. Изо всех сил старается, даже язык от натуги наружу вывернул, — левым веслом подгребається, а правым уперся — табанит. А надо бы как раз наоборот! А тут еще ветер из тучки рвет. Разве удержишь лодку? А дед уже и кол воткнул и сеть в реку скидывает. Лодку же несет, точно бешеную. Но только, конечно, не к лещу, а от леща. И на самые коряги.

Как поднял дед бороду, как глянул, куда ялик отогнало, так у него внутри словно тесемки какие лопнули. И как завопит:

— Куда тебя прет, окаянный! Правым давай, правым! А он, дьявол, как нарошно! Кому говорят? Тебе говорят, козья голова! Он, вишь, нервы лечить приехал, а люди за него с ума сходи! Табань, чучело, левым! Ой, да куда же ты вертишь, нечистый дух?!

Какие уж тут лещи! Мигом всю сеть на коряги и посадили. Сведенный лес на этом месте раньше был. И как стал дед ее обратно из воды тащить, тут самое и пошло! Не столько выбирает, сколько выдирает. Как говорится, с мясом. Зубами даже скрипит — до чего сетку жалко. Ползимы ведь сидел, плел, а сам причитаєт:

— Начальничек чертов! Рыбки захотел! Время, вишь, у него в лезерве объявилось. На заводах дело валится, а ему рыбки!.. Левым держи, лешман! Тебе там план выполнять! Теща дебет с кредитом сложит! Да давай же левым, пес несытый! Где у тебя совесть-то, идол? Рви, палач, сеть-то! Рви! Рви мое тело белое! Все одно тебе жалованье идет!

И другие слова тоже дед говорил...

А когда вытащил от сетки последние клочья, решил постояльца окончательно словом прижечь. Из той самой депеши, которой крынку от мух накрывал. Потому что рассчитал — теперь уже все равно нехорошо. Так и выпалил:

— Хавос у тебя в главке? Эх ты, чернильница!

И спиной к гребцу обернулся...

Молча ехали обратно. И только когда ткнулся ялик в берег, стало у деда прояснять в голове. Глянул он исподлобья на Конрада Ивановича. А тот суровый с лица, и губы закушены. Только брови само по себе ходят. Вылез из лодки и деду:

— С тобой, пожалуй, заикой сделаешься!

А после грудь, как прежде, колесом выкатил, троекратно голос прочистил и к дому заторопился.

И вдруг после этого рыка пала на сердце деду тревога. И заносились в голове разные мысли:

«Как же, — думает, — я такому человеку и вдруг этакие слова осмелился высказать? Нанести тяжкое оскорбление? Ведь это, ежели по-судебному разобраться, получается форменное и злостное хулиганство! Попал я, выходит дело?! Позвонит теперь Конрад Иванович в область, а то и дальше куда. И пришлют к утру за мной оттуда черного ворона. Карету! Прощай, дед Стулов! Долаялся, старый пес!»

А мыслишки дальше поехали. Сколько ему за такое дело могут дать? И где сидеть будет — в районе либо в области? И по каким там дням передачи? И как бабка проживет, покуда он срок отбудет? И что нет ей теперь расчета одной корову держать. На двоих придется. Со снохой Агашкой.

Так и начал маяться тяжелой думой. Тем более, Конрад Иванович весь день писал чего-то, потом из избы вышел и прибыл обратно только к самому вечеру. И даже самовара не заказывал.

— Не иначе, — смекнул дед, — это в село ходил, с почты по телефону звонить! — И после этой мысли ему даже тесно в вороте стало: две пуговицы на рубахе расстегнуть пришлось.

До первых петухов дед на сеннике ворочался. А когда совсем уже стало немоготу, вылез на крылечко, где они в прежние добрые ночи с постояльцем сживали. Сел дед на приступку, свернул самосаду и задымил, что твой паровоз.

А ночь, ну прямо особенная — теплая, душистая! В небе месяц полный, а по речке от него столбы серебряные. И тишина. Только далеко-далеко где-то машина постукивает. Теплоход, должно быть, идет по Волге.

И вдруг слышит дед — половица в избе скрипнула. И вслед дверь отворилась из горницы. И лезет оттуда Конрад Иванович, духами попахивает — брился, выходит дело. И опять, как когда-то, в пижаме и штанах полосатых. И такое вдруг говорит, что дед даже в бок себя кулаком двинул: уж не блазнится ли все это?

— Спасибо, — гудит, — дружище! За речи душев-

ные. Не тряхни ты меня нынче, я, может быть, черт-то до чего бы дошел! Разве можно в такие дни дело на безделье менять? У нас ведь сейчас самая в главке горячка. Второе полугодие начали... Погоди, я коньячку вынесу и мы с тобой по лафитнику на прощанье трахнем. Завтра и еду. Ну, держись, девятый завод! Я уж и машину вызвал. И телеграмму дал заместителю. Этому... да ты ж знаешь, читал... товарищу Хавосу Григорию Исаевичу... Ух, даже руки чешутся!..

И когда утром стали грузить чемоданы Конрада Ивановича на машину, народу вокруг собралось едва ли не вся деревня. И свои колхозники и дачники тоже. Попрощаться пришли. Конечно, всем было дедова постояльца очень жалко — хороший человек, обходительный. А уж бабка слез пролила — это как ручьи весенние.

После того, как крепко обнялись постоялец с хозяином, сказал дед, рукавом утираясь:

— Ты, Конрад, того!.. Пиши! И чтобы я находился в полном курсе. Смотри там, поглядывай! В оба!

— Будет исполнено! — отвечал Конрад Иванович. Сел рядом с водителем и дверкой щелкнул.

Ю. Благов

СЛУЧАЙ В ВАГОНЕ

Пассажиров электрички
Разглядев по мере сил,
Пьяный парень по привычке
Все, что помнил, огласил...
Не смущаясь обстановки,
Весь запал вложив в уста,
Сразу выдал всем путевки
В «некурортные» места...
Уши девушка заткнула
И, отнюдь не без причин,
Умоляюще взглянула
На заступников-мужчин...
Но один заступник хлипкий,
Выждав в брани интервал,
Заявил не без улыбки:
— Кто ж из нас не выпивал! —
Поглядев на парня тучей,
Молодой интеллигент
Расценил вагонный случай
Как «постыдный инцидент».
Пробубнил здоровый малый:
— Я бы всыпал за хамеж.
Да в свидетели, пожалуй,
Через это попадешь... —
Человек в очках тяжелых
И того не произнес, —
Он в статью о новоселах

Закопал поглубже нос.
Критик, ехавший на дачу,
Мыслил тоньше остальных:
«Вот по ком сатира плачет,
Жалко, нету Шедриных»...
Парень властвовал в вагоне,
Встретив в людях кроткий нрав,
И резвился в прежнем тоне,
Все свистки переорав.
Но на горе дебошира,
В назиданье всем другим
Дядя в ранге пассажира
Разом вырос перед ним.
Он придал без прѣмедленья
Делу новый оборот:
Сделал резкое движенье
И захлопнул парню рот...
Сгрѣб его не без сноровки
И, не слушая угроз,
На ближайшей остановке
Двум сержантам преподнес,
И вагон, как виноватый,
На мгновение затих...
Способ, правда, грубоватый,
Но зато верней других!

ПОЧЕМУ ОНИ РАЗВОДЯТСЯ

Кто из нас от последних газетных страниц
Не испытывал судорог вроде,
Подсчитавши, какое количество лиц
Возбуждает дела о разводе?!
В чью же сторону следует бросить упрек?
Что людей привело к этой драме?
Мы пока остановимся только на трех
Из историй, подмеченных нами...

СЛУЧАЙ ПЕРВЫЙ

Этот муж выдающийся пост занимал,
И дела его двигались ходко,
Но супруге своей без конца изменял

Он с блондинкой по имени Водка.
Вся дорога его, несмотря на размах,
Гостояла из частых колдобин.
Сослуживцы носили его на руках,
Ибо сам был ходить неспособен.
Прибегало семейство ко всем чудесам;
Даже знахарь в нем принял участие.
Оставался к себе равнодушен лишь сам,
Ну и... пропил семейное счастье!

СЛУЧАЙ ВТОРОЙ

Никогда о своем нареченном она
Не гадала, вздыхая обильно.
Перспектива замужества сразу ясна,
Если к ней подходить меркантильно.
И, настроясь на этот коммерческий лад,
Вышла замуж, не ведая страсти.
Обстановка, машина и крупный оклад
Ей казались гарантией счастья.
Почему же они разводиться хотят,
Что заставило их расставаться?
Потому что ему с небольшим шестьдесят,
А самой ей без малого двадцать!

СЛУЧАЙ ТРЕТИЙ

В доме отдыха встретились он и она,
Познакомились просто и мило.
Сообщили друг другу свои имена,
И она его сердце пленила.
Он от страсти лишился покоя и сил,
Рвался к ней в непонятной истоме,
И согласие на брак от нее получил
Лишь к концу пребывания в доме.
И пошли они вместе в житейскую даль
С обоюдным подъемом душевным,
А потом подвела небольшая деталь:
Тот дом отдыха был... однодневным.

В. Ардов

КАК ОСВЕТИЛИ ВОПРОС

Директор нервничал. Это был очень плотный директор со щеками, заметными даже со спины; обычно директор был величественно спокоен и никогда не обращал своей головы в сторону собеседника. Если уж нужно было обратиться к таковому, надменный директор медленно поворачивался всем телом. Голос у директора был хриплый и низкий. Говорил он всегда медленно. А сейчас этот директор нервничал.

— Что ж, он думает нести мне мой доклад?! — громкогласно вопрошал директор свою секретаршу. — Или он думает, что в главке станут дожидаться, когда какой-то там плановик соизволит закончить?..

— Уже несет, несет уже! — кивая головою и махая руками, успокаивала своего шефа секретарша.

И точно: заведующий плановым отделом с очками в бесцветной оправе уже вносил на отлете — далеко впереди себя — красиво перепечатанные и красиво сшитые листы доклада и прочувствованно говорил:

— Только что кончили перепечатку... Всю ночь сидели вчетвером...

— А проверили текст? Все точно?

— Каждую то есть цифрочку по три раза считывали! Тютелька в тютельку сходится... Да вы сами полистайте...

— Нет уж, листать мне некогда: там ждать не станут... Лариса Павловна, скажите, чтобы подавали машину...

И директор с помощью плановика стал втискивать увесистый доклад в свой двуспальный, весь в бляхах и молниях, портфель, а секретарша кинулась за шофером.

И вот в большом конференц-зале председатель объявил участникам совещания:

— А теперь послушаем, как у нас с металлоизделиями; сообщение сделает директор комбината товарищ Вуткин... Попрошу, товарищ Вуткин.

Известный уже нам надменный директор, взяв в руки известный уже нам аккуратно перепечатанный доклад, подошел к кафедре. Не торопясь, он положил толстую кипу бумаги на пюпитр кафедры, поправил ее так, чтобы она лежала аккуратно посередине пюпитра, затем отхлебнул воды из стакана и солидно начал:

— Товарищи, к сожалению, в части металлоизделий мы на сегодняшний день не имеем того выполнения плана, каковое является желательным как для нас, так и для потребителя...

В этом месте директор строго посмотрел на зал, как будто собравшиеся в зале были виновниками нежелательного невыполнения.

Директор наклонил голову поближе к пюпитру.

Но тут внезапно потух свет. Как водится, кто-то в президиуме сказал иронически: «Так!», — а в зале неизбежный остряк неизбежно сострил: «Чур, не целоваться!» Возник небольшой смешок. Затем председатель, чиркнув зажигалкой, нашел свой колокольчик, звякнул два раза и сказал:

— Попрошу соблюдать спокойствие, товарищи. Это мы сейчас устраним... А ты, товарищ Вуткин, продолжай...

— Как то есть я могу продолжать, — отозвался директор несколько растерянным голосом, — когда я буквально ничего не вижу...

— Ну, ты не так гладенько скажешь, но цифры и факты-то основные ты нам можешь доложить, пока наладят свет?

— Факты? — совсем уже растерянно повторил директор. — Цифры?... Н-да... Основные, конечно, цифры.

— Ну, вот и давай...

— Сейчас. Да. Вот я говорю, к сожалению, если взять такой насущнейший предмет массового потребления, как терка, то по одним только теркам по вине смежников нами недодано... Ммм... К сожалению, цифра... она у меня здесь записана, но в памяти я ее не совсем удержал... Да... Ну, в общем, смежники нас сильно, к сожалению...

— Что же, вам смежники для терок дырок не доставили, что ли?

— Товарищи, мне и так трудно ориентироваться в темноте. В связи с этим попрошу не острить. Да. К сожалению, у нас затерло не только с терками...

— Видишь ты! Когда сам острит, так ничего...

— Где я острю?

— А как же! Говоришь: «Затерло с терками». Чистый каламбур!

— Товарищи, к сожалению, мне трудно в таких условиях...

— Цсс! Создайте ему условия! Говори, Вуткин.

— Я и говорю: к сожалению, если мы возьмем целый ряд изделий, начиная от вилки и кончая той же ложкой, то мы увидим... То есть именно сейчас мы не можем увидеть, поскольку света нет. Но, в общем, грубо ориентировочно, лучше всего у нас дело обстоит именно с кнопками. Кнопок нами выпущено что-то больше девяноста тысяч метров...

— Кнопки в метрах? Здорово!

— Товарищи, давайте не будем придирааться! Каждому должно быть ясно, что на кнопки идет лента, которая исчисляется в метрах, а уже персонально кнопка — та хочет исчисляться в штуках...

— Вот так штука!

Когда окончился смех, директор сказал:

— Товарищи, я должен еще раз повторить... А что вы смеетесь, товарищи? Я вижу, что тут имеется несерьезное отношение...

Смеялись долго. А когда успокоились после длинного председательского звонка, наш директор продолжал:

— В общем, товарищи, я, к сожалению, не смогу вам сейчас сообщить точные цифры, но я могу дать информацию, так сказать, общего типа...

— Ясно!

— Что ясно, товарищи? К сожале...

Свет зажегся так же внезапно, как и потух. Произошло радостное движение в зале.

Директор испустил довольное «уфф» и, ласково погладив рукою сверкающие белые листы доклада, бодро заявил:

— Вот теперь, товарищи, я смогу подробнее осветить вопрос...

— Не надо! — сказал председатель. — Вопрос освещен достаточно.

— Кто же его осветил? — наивно удивился директор. — Когда?

— А вот только то. Темнота осветила нам все, товарищ Вуткин.

Все зааплодировали, а директор растерянно проговорил:

— Говорите: «темнота осветила»... Разве так бывает? К сожалению, я вижу...

— И мы видим. Видим, что состояния дел в комбинате вы не знаете. «К сожалению», товарищи, я думаю, можно перейти к следующему вопросу, не так ли?.. А резолюцию насчет товарища Вуткина и его, с позволения сказать, доклада мы немного подработаем и внесем позже... Можете идти на место, товарищ Вуткин...

Директор, немного потоптавшись подле кафедры, неловко ухватил свой доклад и пошел на место обычной надменной походкой, которая была на этот раз особенно неуместна!..

С. Ананьин

РАССКАЗ ОБ ИСТИННОМ ПРОИСШЕСТВИИ

Считалось, что начальник в этом учреждении, конечно, есть. На самом деле его не было.

Получалось так потому, что в то время, о котором идет рассказ, начальники перебрасывались, будто листки календаря, так что не только быть хозяином, но даже разобраться, что это за учреждение, для чего учреждено, они не успевали.

«Ежели меня сюда бросили, — торопливо рассуждал очередной начальник, — значит, нужное учреждение. А ежели нужное, — значит, от меня требуется прежде всего увеличить штаты» — в то время увеличение штатов считалось основным организационным мероприятием.

- И до своей переброски успевал увеличить.

Вначале сотрудники радовались, что их учреждение расширяется, а потом стали задумываться: а есть ли польза? А тут еще сотрудник периферийного отдела Петров подсчитал, что если штаты учреждения сократить наполовину, то на освободившиеся деньги можно было бы каждый год строить пять жилых домов со всеми коммунальными удобствами. Соблазнительно!

Сидели все в большом зале, как говорится, плечом к плечу. Слышно, как одни накладывают резолюции на входящих бумагах, другие строчат исходящие. И вдруг хриплый голос Присоскина, начальника отдела собирания сводок, заставил всех вздрогнуть.

— Нечего задумываться! — уверенно заявил он. — Есть польза от расширения. Иначе давно бы наше учреждение закрыли!

— Конечно! — откликнулся с другого конца зала Мосалов, начальник отдела докладных записок и спецсообщений. — Сверху виднее!

— Сверху виднее, когда снизу подсказывают, — сказал резкий на язык Петров. — Вот и давайте подскажем. Посмотрите, сколько нас, производителей, развелось!

— Кто? Мы — производители?! — выкрикнул Присоскин и, негодуя, залез на стул. — Товарищи! Петров возводит клевету на весь наш славный коллектив! Он уже не впервые призывает просигналить. А почему? Вы задумались над этим? Потому что умнее других хочет быть! Работать надо, товарищ Петров, а не прожектёрством заниматься!

Присоскин слез со стула и потянулся к телефону.

— Алё! Артель «Бритва»? Где, я вас спрашиваю, сводка по форме номер тринадцать за вчерашний день?.. Та-ак. Все ясно: вместо того, чтобы бросить все силы на составление сводки, вы краснобайством занимаетесь! Работаете?.. Ничего не хочу знать! Через час я должен доложить сводку начальнику!

— Бездельники! — заключил Присоскин, бросая телефонную трубку, и, поднявшись на носки, крикнул секретарю начальника учреждения:

— Ирочка! Пантелеймон Иванович у себя?

— Здравствуйте! — отозвалась Ирочка. — Пантелеймон Иванович уже час как переброшен на местное топливо. Ожидаю нового начальника. Ой!

Возглас был вызван появлением незнакомого мужчины. Войдя в зал, он уверенно направился по узкому проходу к кабинету, на двери которого сияла табличка: «Начальник».

При этом ему пришлось преодолеть препятствие — Присоскина, загородившего своим столом проход.

Ирочка, чутьем угадавшая нового начальника, распахнула перед ним дверь кабинета и вошла следом, решая традиционный вопрос всех секретарей: останется она на второй тур или ее секретарская песенка спета.

— Кто этот лысый? — спросил начальник, снимая шляпу, пальто и галоши.

— Вы это про кого? — не сразу ответила Ирочка, у

которой добавились новые размышления: почему начальник раздевается? Как будто работать пришел!

— А про того, что дорогу загораживает.

— А! Это Тихон Вячеславович Присоскин.

— Чем же он знаменит, этот Присоскин? — продолжал интересоваться начальник, с опаской усаживаясь за огромный стол, напоминающий бильярдный.

Ирочка покраснела.

— Он... холостяк.

— Тоже мне заслуга! И все?

— Сводки он собирает по телефону, — добавила Ирочка и пожала плечиками: и рада, мол, что-нибудь выдумать, да не могу — я объективный человек.

— Ясно, — заключил начальник, пытаясь дотянуться до чернильного прибора размером чуть поменьше корыта. Для этого ему пришлось встать и лечь животом на стол. Рядом с корытом лежал гигантский карандаш, напоминавший дубинку.

— Черт знает что! — поразился начальник. — До меня великаны что ли здесь сидели?

Ирочка оценивающе взглянула на своего нового начальника и, вспыхнув, ответила:

— Нет, вы... самый крупный.

— Распорядитесь, чтобы убрали бутафорию и поставили в кабинет все нормальное. И позовите кадровика.

У начальника отдела кадров Тихоступова было совещание. Заведующие секторами анкет, наложения взысканий, снятия взысканий, служебных характеристик, проверки, оформления и хранения личных дел обменивались опытом скоростной подшивки бумаг. Узнав, что пришел новый начальник, они, не удивляясь, подсказали Тихоступову, что дополнительные столы можно поставить в коридоре — там еще оставалось свободное место.

Эту мысль Тихоступов в порядке проявления инициативы и высказал, едва переступил порог кабинета начальника.

— А зачем их ставить? — удивился начальник. — Ах, да! Я и забыл, что у вас обычай установился: как новый начальник, так штаты увеличивать. Читал об этом в райкоме письмо Петрова. Есть у нас такой работник?

— Есть. Мне сотрудники говорили, что бездельник он и краснобай,

— Какие сотрудники?

— Э-э.. Точнее, товарищ начальник, Присоскин говорил. Присоскин Тихон Вячеславович. Его отдел собирания сводок держит первое место в соревновании. Стал ведущим отделом.

— Анекдот какой-то! — нахмурился начальник. — Подумайте, на сколько нам нужно сократить штаты.

— Извините, я ослышался, наверное.

— Не ослышались. Я сказал: нам нужно сократить штаты. Резко сократить. Например, сколько человек в вашем отделе?

— Семнадцать, не считая меня.

— Одного кадровика вполне достаточно.

Тихоступов вышел от начальника спотыкаясь. Увидев это, Присоскин заволновался и, когда тот проходил мимо, спросил шепотом:

— Дождались?

— Дождались, — чуть слышно ответил Тихоступов и приложил палец к губам. — Пока не болтай об этом.

— Дождались, — глухо сказал Присоскин соседу слева. — Разгоняют нас: штаты сокращают.

— Наконец-то взялись за ум!

— Это все Петров. Ему хорошо, он по специальности работает, а об интересах коллектива не подумал.

— А вы разве не по специальности работаете? — спросил сосед и сконфузился, вспомнив, что должность, занимаемая Присоскиным, никакой специальности не требует.

Присоскин побагровел и повернулся к соседу справа.

— Вы слышали, и до нас добрались: штаты будут сокращать. Дожили!

— Давно пора! Хватит смотреть на государство, как на дойную корову. Пойдем на производство.

— Это все Петров...

— Неужели Петров? Молодец! Пойду спасибо ему скажу. Ведь я по специальности инженер, а тут бумажки подшиваю.

— Тьфу! — плюнул ему вслед Присоскин и, огорченный, что соседи не разделили его возмущения, пошел излить душу своему другу Мосалову.

На другой день Ирочка позвала Присоскина к начальнику.

— Не знаете, — спросил тот, — кто это так извращенно растолковал сотрудникам сокращение штатов?

— Знаю, но удобно ли говорить, что это Петров.

— У вас какая специальность?

— Это я верно говорю. Мосалов может подтвердить.

— Я спрашиваю, какая у вас специальность?

— Ах, специальность? А мне показалось!.. Моя специальность?.. Я один из старейших работников учреждения. Можно сказать, один из его создателей.

— Специальность у вас какая?

Присоскин от волнения проглотил слюну.

— Ветеринар, — не сразу выговорил он.

— Очень хорошая специальность, дефицитная. Пойдете работать ветеринаром. Ваш отдел мы ликвидируем за ненадобностью.

— Почему меня? Не я один здесь не по специальности. Еще есть Мосалов и другие. Назвать всех?

— Не надо. Можете идти.

Спустя полчаса о ликвидации своего отдела докладных записок и спецсообщений узнал и Мосалов.

— Что такое происходит? — спросили приятели Тихоступова. — И это называется лучшим материальное положение народа, догоним Америку и тому подобное?

— Вот именно. Одна наша контора ежегодно съедает столько средств, на которые можно построить десятки жилых домов, а пользы, как подсчитали, дает на грош. Скажу по секрету: стоит вопрос, чтобы к будущему году вовсе ликвидировать наше учреждение. За ненадобностью.

— А нам куда же теперь?

— Работать по специальности. Если, конечно, у вас совесть осталась.

..Бывший завхоз, потом начальник хозяйственного отдела, затем начальник административно-хозяйственного отдела, ныне опять завхоз, говорил Ирочке:

— Так что топить надо умеючи. Сводки, например, что собирал Присоскин, слезу дают, будто сосна. Переписка между отделами горит весело, как береза. А копии докладных записок и спецсообщений, что сочинял Мосалов в разные инстанции, — ну, чистая липа! В общем, топливом мы обеспечены на всю зиму.

АФОНЯ

Кабинет редактора районной газеты. Редактор Афанасий Иванович Васильков заканчивает передовую «Развернем критику и самокритику». Осталось увязать ее с местной жизнью. Васильков выбирает в передовой подходящее место и вписывает пример о сапожнике артели «Починка обуви Липяговского района».

Пример дал по телефону заведующий этой артелью Архип Архипович — тот самый, что при встречах с редактором всегда ласково восклицает: «А вот и наш Афоня идет!».

Передовая готова. Васильков зовет уборщицу — она же персональный курьер.

— Власьевна!.. Власьевна!..

— Чего вам?

— Надо сразу являться, когда зову. Передай срочно отпечатать.

— К вам прихожий, Афанасий Иванович, — говорит уборщица, взяв рукопись.

— Кто таков?

— А кто его знает. В шляпе. Должно, из области.

— Что же ты его не пустила?

— Вы приказали: никого не пускай.

— Надо разбираться — кого пускать, а кого не пускать! Ну, зови, — тревожится Васильков и на всякий случай делает несколько шагов навстречу посетителю.

В кабинет входит незнакомый человек, явно не липяговский.

— Здравствуйте! — говорит он, снимая шляпу.

— Здравствуйте! — Васильков настороженно оглядывает вошедшего. — Извините, ежели пришлось ждать. Что у вас?

— Видите ли, — смущенно улыбается посетитель, — принес вам сатирический рассказ, — и достает из кармана брюк свернутую в трубочку рукопись.

— Какой?

— Сатирический.

— Ах, сатирический?! Очень злободневно! — пятится к своему креслу и опускается в него Васильков. — Садитесь, пожалуйста, товарищ, товарищ...

— Столяров.

— Товарищ Столяров. Рад с вами познакомиться. Издалека к нам?

— Из соседнего района, Никитовского. Работал там учителем. На днях к вам перевели.

— Позвольте, так вы, значит, того... местный сатирик?

— Ну, какой я сатирик.

— Не скромничайте, товарищ Столяров. Надо быть сатириком, чтобы так быстро обнаружить и написать.

— Написал-то я раньше, еще в Никитовском районе.

— В Никитовском? — Васильков успокаивается и даже проявляет радость. — Хе-хе-хе! Я знаю там кое-кого. Интересно, о ком это у вас?

— Простите, но у меня рассказ, так что если точнее говорить, то не о ком, а о чем: о пережитке прошлого, о перестраховке.

Васильков морщится.

— Не типично.

— Может быть, все-таки прочитаете?

Читает Васильков медленно, боясь что-либо пропустить: по его глубокому убеждению, в каждом сатирическом произведении — на то это и сатирическое произведение — в какой-то степени обязательно содержится «этакое-такое», что словами и выразить нельзя, а надо почувствовать, и почувствовать — основная задача редактора.

«Этакое-такое» Васильков чувствует уже на первой странице рассказа и пугается от мысли, что мог пропустить, не заметить.

— Позвольте, товарищ Столяров, — строго говорит он. — Вы сказали, что о никитовцах, а на самом деле у вас о наших липяговцах. Это же Архип Архипович!

— Видимо, совпадение.

— Хорошенькое совпадение — живой портрет! Ведь это Архип Архипович каждый день ходит за установками и без санкции свыше ни одного вопроса не решает. А то, что вы изменили имя и место работы, — это предусмотрительно. Архип Архипович, между нами говоря, — большой кляузник. Ему ничего не стоит человека огорчить.

— Но...

— Понимаю, литературный прием, — кивает Василь-

ков и продолжает читать, низко склоняясь к столу: он близорук.

Внезапно Васильков резко выпрямляется и невидящим взглядом смотрит поверх Столярова.

— Пожалуй, — говорит он, — это, действительно, па- Архип Архипович...

— Конечно, — заверяет Столяров.

— А Семен Семенович, — заканчивает Васильков и осуждающе глядит на Столярова.

— Не знаю я никакого Семена Семеновича!

— Так я и поверил! Неужели вам, пожилому человеку, непонятно, что показывать так руководящего работника райисполкома...

— Да не знаю я Семена Семеновича! И вообще в моем рассказе нет работника райисполкома, — нервничает Столяров.

— Есть! Он выступает у вас под другим именем. Имя и место работы вы изменили, а главное — поведение Семена Семеновича — забыли изменить. Его же сразу все узнают!

Дочитав рассказ до конца, Васильков вытирает вспотевшую лысину рукавом пиджака.

— Ну, как? — спрашивает Столяров.

— Рассказ?

— Рассказ.

— Гм... Э-э... Хе-хе-хе...

— Что?

— Я и говорю, хе-хе, опасный тип, этот ваш пере-страховщик. Таких вредных типов именно огнем сатиры и выжигать надо. С корнем!

— Рад слышать, что рассказ получился, — улыбается Столяров.

— Я не сказал, что получился. Э-э... Понимаете ли, хе-хе, — подправить кое-что надо, изменить, уточнить. Вы думаете, так это легко сатирический рассказ написать? Не легко. Поэтому их так мало и появляется.

— Что же вы предлагаете?

— Что предлагаю? — Васильков задумывается. — Я предлагаю... — Васильков глядит на потолок, потом на стол, заваленный газетами, которыми он пользовался, когда писал передовую. — Вы продолжаете настаивать,

что писали рассказ в Никитовском районе, на никитовских материалах?

— Конечно.

— Так вот: прежде всего нужно назвать подлинную фамилию вашего перестраховщика, место работы, должность. Так сказать, конкретный адрес. Без адреса не можем напечатать.

— Но у меня рассказ. Я даю собирательный образ.

— У вас не просто рассказ. У вас сатирический рассказ. А в сатирическом рассказе надо обязательно давать конкретное лицо, с адресом.

— Но почему? Может быть, образ вредного типа, как вы его только что сами назвали, не удался?

— Слишком удался!

— Так почему же...

— Почему, почему! Как вы не поймете, что иначе нас с вами могут обвинить в искажении действительности!

Столяров изумленно глядит на Василькова. Потом берет рукопись, бережно сворачивает ее и спрашивает:

— Что же мне, по вашему мнению, делать?

— Как что делать? — удивляется Васильков. — Писать! У вас замечательно получается. Пишите! Дерзайте! Не забывайте, что нам нужны свои Щедрины и Гоголи! Да! А как напишете, посылайте прямо в Москву.

Д. Беляев

НЕПОДВИЖНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Михаил Федорович Пуфик родился и вырос в селе Нагорном.

Их и село же! Если вам, случаем, придется бывать на Орловщине — обязательно загляните в Нагорное. Выйдете ранним утром на крутояр — место такое на берегу реки, где парни с девушками хороводы водят — и посмотрите кругом. Красота!

Река укутана туманом; туман чуть-чуть колышется и кажется, что это спящая река дышит под белым одеялом. За рекой луга, а дальше дубрава. Все в торжественном покое и молчании. Легкие перистые облака в синеве неба застыли в томительном ожидании чего-то радостного, прекрасного...

— И если ты, случайный гость этих мест, родился и вырос тоже в деревне — сколько волнующих чувств нахлынет в твою душу! Какие до боли приятные воспоминания разворошат твою память и как учащенно забьется сердце, словно пытаюсь догнать — увы, неповторимую юность. И даже горечь больших и маленьких обид, которые ты когда-то перенес в милых краях родных, в восприятии памяти кажется такой сладостной, желанной...

Увлечшись воспоминаниями, вы не заметили, как белый туман, устыженный выглянувшим из-за дубравы

солнцем, покраснел и поредел; еще отдельные хлопья его путаются в прибрежных камышах, но река уже проснулась, ожила, покрылась чешуйчатыми, разноцветными бликами и загудела. Росистый луг — весь в переливах сверкающих алмазных искр. Но вот подул ветер. Поднялся птичий гомон, зашумели камыши, закричали чайки. Послышалась бодрая, как утро, песня. Не поют парни и девушки, гурьбой спускающиеся по откосу к переправе. Это колхозники из бригады Павла Чупруна отправились на полевые работы.

Бригадир — коренастый, плотный мужчина лет тридцати—тридцати двух, с загорелым энергичным лицом — шагает позади всех, на ходу причесывая густую копну рыжих волос. От группы отделилась женщина в белой кофточке и темно-синей юбке, с небрежно брошенной на плечи косышкой. Она задержалась около большого старого пня, подождала бригадира и, открыв в улыбке верхний ряд крепких белых зубов, указала на пенек:

— Вот она, летопись вздохов, любвей, и разочарований.

— Ну, для кого как, — лукаво прищурив правый глаз, сказал Павел, — я, например, любил и не разочаровался, а некоторые и по сей день вздыхают по причине того что не носят фамилии Пуфик. Помнишь, как он на этом пне напевал тебе под гитару:

Я красотку Ксюшу
В город отвезу,
Для красотки Ксюши
Бельэтаж найму.

— Ну ладно тебе. А ты все-таки разыщи его в Москве — вы же приятели были такие, что водой не разольешь.

— А то как же, обязательно! И поцелуй от тебя передам. Давай его сейчас, а то забудешь.

Он попытался обнять было Ксюшу, но та отстранила руки.

— С ума сошел. Народ же увидит.

Сверкая точеными, мускулистыми икрами загорелых ног, Ксюша побежала догонять бригаду. Павел пустился вслед за ней.

Через несколько дней ранним утром Павел Чупрун спускался к переправе, с небольшим чемоданом в руке.

Около пня он остановился, поставил чемодан и стал разглядывать множество надписей, вырезанных на поверхности пня.

— Ага, вот они! А здорово, черт подери, сохранились!

Он долго смотрел на старые, глубоко вырезанные, почерневшие от времени: «М. П. + К. С.».

— Миша Пуфик плюс Ксюша Сидорчук... Миша Пуфик плюс Ксюша Сидорчук, — раздумчиво повторил он несколько раз. Потом вынул перочинный нож и на месте букв «М. П.» вырезал квадрат и на нем свои инициалы. Затем подновил плюс и буквы «К. С.»...

Вечером в вагоне он вспомнил про пень и густо покраснел. «Ну и дурак же я. Ей-богу, словно юнец безусый... Взбрело же в голову! Черт-те что — к дубовому пню ревную... Осрамит Ксюшка, если узнает... Всеми уважаемый бригадир, депутат районного Совета и... такое мальчишество?»

Павел даже поежился. Потом он вспомнил частушку:

За мной милый, словно тень,
Ходит каждый божий день,
У пенька он ждет меня —
Получается два пня.

Частушку сложила Ксюша. С лукавой живостью, при всем честном народе, она пела ее в районном Доме культуры.

Павел улыбнулся. Так с застывшей улыбкой он долго смотрел в окно вагона на кружащийся хоровод полей, озер, лесов.

* * *

На знаменательном пне, двенадцать лет назад, закончилась дружба закадычных школьных приятелей Миши Пуфика и Паши Чупруна. После выпускного вечера они до зари спорили на берегу реки. Только старый грач с ближайшей березы слышал, как зло и жестко Пуфик бросил во взволнованное лицо своего друга:

— Ну, черт с тобой, оставайся со своими коровами, кукурузой, с навозом. Только потом уж на себя пеняй и мне не завидуй. Нагорненские масштабы и горизонты не для меня. Москва! — вот где я развернусь. А ты кисни в своем Нагорном. Да оно и понятно: рожденный ползать летать не может.

— Вороны тоже летают, но умнее от этого не становятся.

— Посмотрим, кто из нас ворона. Вот пройдет несколько лет...

Миша не закончил фразы, так как обнаружил, что рядом с ним на пне никого нет — Павел быстро-быстро шагнул вверх по кособоку. Только старый грач, качая головой, укоризненно посметрел на Пуфика и произнес:

— Крр-ра!..

Что он этим хотел сказать — неизвестно.

— Ну, ладно, ты обо мне услышишь! Будешь ногти кусать от зависти! — Миша это выкрикнул, потрясая кулаками вслед исчезающей за кособоком фигуре Павла.

Через месяц Пуфик уехал из Нагорного в Москву. Павел не пошел даже на вокзал проводить его — так сильна была обида и горечь разочарования в своем приятеле.

* * *

Прошло двенадцать лет. Пуфик получил диплом агронома и при содействии дяди, у которого и жил, поступил в Министерство. Павел Чупрун окончил заочно сельскохозяйственный институт и уже несколько лет работал бригадиром в своем колхозе.

У Ксюши сохранился московский адрес Пуфика — первый год они переписывались. По этому адресу и нашел его Павел. Когда он вошел в крохотную комнату, в которой, кроме дивана, стола, стула, герани на подоконнике, ничего не было, Миша лежал на раскладушке и читал «Вечернюю Москву».

— Здравствуй, Миша... Михаил Федорович, — смущенно поправился Павел.

Пуфик от неожиданности даже не встал и с минуту широко открытыми глазами смотрел на вошедшего. Потом он вскочил, стиснул Павла, отступил на шаг и опять стал смотреть на него.

— Пашка! Рыжик! Вот молодец, вот хорошо! Ну садись, абориген Нагорненский. Подожди минутку, я сейчас слетаю в магазин.

Через полчаса, после бутылки портвейна, Пуфик дергал пуговицу на пиджаке Павла и неумолчно болтал.

— Вот посмотришь, что такое наша Москва! Я тебе все покажу, и Третьяковку, и МХАТ, и зоопарк. В Эрмитаж свожу, там Райкин такие штуки откалывает. В Сокольники поедем, в самоварнике посидим — это тебе не Нагорненская чайная. Да, брат, зря ты тогда со мной не поехал, у дяди такие связи, он и тебя бы устроил. Я неплохо приспособился. Авторитетом пользуюсь в Министерстве. Членом месткома выбрали и... вообще. Квартиру обещали. Как получу — женюсь. Тебя на свадьбу приглашу. Ей-богу, телеграмму дам. Приедешь? Вот расскажешь Ксюшке — будет пальцы кусать. Как она там? Замуж, наверное, вышла, детей нарожала.

— Погоди, она...

— Ладно, не перебивай: ты, конечно, будешь агитировать, доказывать, что и ты, и она, и все вы поступили правильно, патриотично, в деревне остались... Впрочем, об этом не будем — ты мой гость. Ты увидишь сам и поймешь, что значит жить в Москве. Ты знаешь, дядя познакомил меня с такими людьми... С товарищем Лысенко запросто за ручку здороваюсь... Ты надолго приехал?

— Нет, на недельку, не больше.

— Мало. Эх, жаль ночевать у меня нельзя, сам видишь — тесновато.

— Спасибо, я в гостинице устроился.

— Вот и отлично. Ты заходи в любое время и сюда и на работу, там спросишь, меня в нашем Министерстве все знают. У министра бываю...

Слова «Наше Министерство», «Наш министр» Пуфик говорил с подчеркнутой значительностью.

— А ведь ты так и не сказал, зачем приехал. Запчасти какие-нибудь доставать? Если что нужно, помогу, у дяди такие, брат, связи...

— Спасибо. Никаких запчастей я не собираюсь доставать. Я на сельскохозяйственную выставку приехал.

— Дело. Вещь полезная. Я тебе сам всю выставку покажу, я ведь, знаешь, работал на ней до открытия. С академиком Цициным персонально знаком. Да, брат... А ты, я вижу, все такой же скромняга и молчальник. Воображаю, как ты смутишься, когда я тебя с академиком Цициным буду знакомить. Ха-ха-ха! Эх, деревня-матушка... Ну не обижайся, я ведь шучу.

— Да я не думаю обижаться.

— Ну вот и молодец. Когда на выставку?

— Завтра, с утра.

— Утром я, пожалуй, не смогу, а вечером обязательно. Где бы нам встретиться?

— Я в семь вечера в лекционном зале буду.

— Вот и отлично, я там тебя и разыщу. А теперь поедem Москву смотреть. Давай махнем на Ленинские горы. Университет покажу. Сейчас я у дяди машину попрошу — персональная, ЗИМ, круглосуточно!..

Вечером на другой день Пуфик вошел в уже переполненный лекционный зал выставки. Он остановился у дверей и стал осматривать ряды публики. Павла нигде не было. «Нагорненский абориген запаздывает, заблудился, наверное, в столице», — подумал Пуфик. Среди сидящих в зале колхозников он увидел много ученых людей — академиков, профессоров, директоров сельскохозяйственных вузов. «Ого! Даже товарищ министр присутствует! Значит, что-то важное, интересное будет». Когда Пуфик увидел рядом с министром своего дядю, он преисполнился такой гордостью, что даже приподнялся на цыпочки. «Чёрт возьми, где же эта рыжая деревенщина? Вот бы сейчас подвести его к дяде! Недельку бы рассказывал в Нагорном про меня...»

Размышления Пуфика прервал голос академика Цицина:

— Товарищи, сегодня вашему вниманию предлагается лекция замечательного новатора-мичуринца и патриота нашего социалистического сельского хозяйства бригадира Нагорненского колхоза уважаемого товарища Чупруна Павла Ильича. Прошу вас, Павел Ильич...

Изумленный и потрясенный Пуфик увидел, как Павел Чупрун уверенно поднялся на трибуну и спокойно, неторопливо стал раскладывать перед собой материалы.

— Но прежде чем начать лекцию, — продолжал, улыбаясь в усы Цицин, — позвольте мне сообщить о том, что сегодня указом Президиума Верховного Совета СССР бригадиру Нагорненского колхоза, нашему сегодняшнему лектору товарищу Чупруну присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Академик Цицин подошел к Павлу, пожал ему руку, обнял, поцеловал:

— Сердечно поздравляю, товарищ Чупрун.

Зал долго грохотал аплодисментами. Павел смущенно переминался с ноги на ногу, прижимая руку к сердцу, кланялся народу.

Трудно передать состояние Пуфика. Зависть, обида, злость кипели и бурлили в его душе. Когда все успокоились, Пуфик громко сказал своему соседу — лысому старичку с пышной белой бородой:

— А ведь он, знаете, мой земляк, приятель.

— Вот как! Похвально, — уважительно молвил старичок, с интересом разглядывая Пуфика, — значит, вы тоже в Нагорненском колхозе трудитесь?

— Да... то есть нет... Я, собственно, в Москве, в Министерстве работаю.

— А-а-а, — разочарованно протянул старичок, отвернулся от Пуфика и больше ни разу не взглянул на него.

После лекции Павел вышел из зала под руку с министром, о чем-то оживленно разговаривая. Пуфик следовал сзади на почтительном расстоянии. Улучив минутку, он догнал их и стал трясти Павлу руку:

— Поздравляю, дружище, поздравляю. Вот не ожидал!

— Иван Алексеевич, — обратился Чупрун к министру, — вы знакомы? Это мой земляк товарищ Пуфик. Он у вас в Министерстве работает.

— Нет, не знаком. Здравствуйте, товарищ... товарищ...

— Пуфик, Пуфик моя фамилия...

У подъезда гостиницы, куда Пуфик проводил Чупруна, Павел как бы только что вспомнив, вынул из кармана конверт и отдал Пуфику:

— Чуть было не забыл, моя жена просила передать тебе письмо.

— Твоя жена? Письмо? Да ты на ком женат-то? Ну и скрытный же ты, хитрюга, целый вечер вчера были вместе и ты о себе ничего не говорил.

— Чудак, да ведь ты мне слова не дал вымолвить. Ну, спокойной ночи.

Пуфик подошел к уличному фонарю, раскрыл конверт. Там была фотография с пожелтевшими от времени

углами: с гитарой в руках, с устремленным куда-то вдаль
взором сидит Миша Пуфик на старом пне у реки. На
обороте надпись

«Любимой Ксении»

Коль нам расстаться придется,
Коль будет несчастной судьба,
Пусть на память тебе остается
Неподвижная личность моя.

Мих. Пуф.

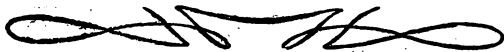

По ту Сторону

М. Кольцов

В НОРЕ У ЗВЕРЯ

Пешеходы медленно переправлялись через асфальтовую ширь Елисейских Полей. Они скоплялись на тротуарах у перекрестков, дремотно следили за лакированной струей автомобилей, смотрели, как полицейский ажан в пелеринке останавливает поток. Перейдя половину улицы, опять ждали на срединном островке, пока не застынет на несколько секунд другая, встречная струя авто. Тогда перебирались дальше, на тот берег улицы. Машины обступили людей со всех сторон. Они текли непрерывно и бесконечно в шесть рядов, во всех направлениях, они отстаивались на углах и у ворот, они умильно и назойливо выглядывали из роскошных витрин автомобильных магазинов, умоляя купить, нанять, взять с собой. Послушные, безмолвные эмалированные собаки — их расплодили без числа, а теперь обнищавшие люди не в силах содержать это стадо на колесах, не в силах поить маслом и бензином; люди отступаются от машин, предлагают их за четверть цены, бросают их в сараях тускнеть и стариться.

Мы пересекли поток Елисейских Полей, миновали величественные и безлюдные автомобильные салоны, и новое кафе с сафьяновыми креслами, расставленными по тротуару, и подземный пляж-кабак Лидо, и святилище американского отеля Клэридж. Париж богачей и иност-

ранных бездельников готовился к ежедневному великолепию второго завтрака. Мы свернули на узкую улицу Колизе.

Дом номер двадцать девять был обыкновенным, слегка закопченным домом боковой парижской магистрали. Нижний этаж занят автомобильной прокатной конторой и гаражом. Во втором этаже, на двери, несколько дощечек с надписями.

Позвонили. Высокий господин в пенсне, с прической ежиком, седыми усами, скупой приоткрыл дверь. И спутник мой, слегка волнуясь, спросил:

— Не могли бы мы видеть его превосходительство русского генерала Миллера?

Секретарь ответил на хорошем французском языке:

— Его превосходительство генерал Миллер выехал из Парижа на пятнадцать дней.

— Мерси.

— Силь ву пле.

Дверь закрылась. Машинально и молча мы спустились по ступенькам. В гараже мыли машину. Мы вышли обратно на улицу Колизе.

Тут же, у ворот двадцать девятого номера, забыв о конспирации, я горячо втолковывал своему спутнику-французу:

— Нисколько не важно видеть именно генерала Миллера! Пожалуй, он даже наименее интересен из всей головки белой эмигрантской военщины. После исчезновения генерала Кутепова официальным главой организованных остатков белой армии был избран Миллер вовсе не как самый умный, или самый активный, или самый храбрый из белых генералов. Скорее как самый бесцветный и дипломатичный. Нужна была фигура для представительства, для внешнего мира. Фигура, которая заслоняла бы подлинных оперативных руководителей и при этом не мешала бы им. Кутепов всех скрутил в бараний рог, он всех держал в крепкой своей лапе, грозно правил в Общевоинском союзе сначала именем Николая Николаевича, а потом своим собственным. Недаром звали его подчиненные: «Кутеп-паша»... Генералы Шатилов, Абрамов, Драгомиров, Лукомский, Бредов, Витковский, адмирал Кедров — вот настоящие хозяева эмигрантских военных кадров. Серенький Миллер не мешает им. Вернемтесь

назад. Миллера, наверно, кто-нибудь да заменяет. Уж такой обычай у всех русских людей. Может быть, нам повезло: мы увидим зверей более хищных, чем те, что обычно показываются здесь наружу.

Мы опять поднялись по лестнице двадцать девятого номера, опять позвонили и сказали недовольному обладателю ежика и седых усов:

— Вы были так любезны, сообщив нам, что его превосходительство русский генерал Миллер сейчас в отъезде. Не будете ли вы добры сказать, кто его заменяет на время отсутствия?

Он сказал чуть живее:

— Генерала Миллера заменяет генерал Шатилов. По какому делу вам угодно его видеть?

— Мы журналисты, хотели бы получить интервью для нескольких газет. Генерал здесь?

Белый чиновник колебнулся. С печатью надо быть вежливым:

— Он здесь, но...

Мы уже перешагнули порог и стояли в темноватой учрежденской передней со шляпами в руках, с будничной светской деликатностью людей, которые не сделают лишнего шага без приглашения. Секретарь пораздумал и сказал уже приветливо:

— Ле генераль Шатилов сейчас занят, но я ему все-таки доложу. Попрошу вас пройти во внутренние комнаты.

Уже пятнадцать минут, как нас пригласили сесть. На коленях лежит фотографический аппарат. Мой француз уже скушает. А я нет! Я бы просидел еще столько же, разглядывая полуприкрытыми глазами эту заурядную и невероятную комнату.

Ведь стул, на котором я сижу, — он стоит не в партере театра, где ставят историко-революционную пьесу. Ведь здесь настоящий царский военный штаб через пятнадцать лет после полного разгрома и изгнания белых армий!

Настоящий царский штаб, состарившийся, одряхлевший, с расшатавшимися зубами, потасканный в бегствах и эвакуациях, но сохранивший своих людей, свою обстановку, даже воздух свой — кисловатый, с отдушкой аниса и сургуча и благопристойной пыли. На деревянных

стоечках вдоль стен книги, папки с делами, кипы старых бумаг, видимо, дореволюционной, если не довоенной давности. На стенах портреты: Николай Романов, Николай Николаевич, Колчак, Врангель, адмирал Макаров со своей патриаршей бородой... Сколько раз меняло квартиру это имущество на длинном пути своем от петроградской арки Главного штаба сюда, на боковую улицу около парижской Арк-де-триумф!

Примасленные благообразные седеющие господа перекладывают на столах книги и бумаги. Это полковники, секретари штаба... Узнаю знакомые обложки: много советской литературы. Здесь не очень интересуются нашей беллетристикой. Но читают и собирают комплектами «Красную звезду», «За индустриализацию», «Вестник Воздушного Флота», даже «Красную Бессарабию»...

У полковников за письменными столами немало работы. Российский общевоинский союз — это больше, чем военное министерство белой эмиграции. Это сама белая армия, включая и кадры и их хребет.

На улице Колизе управляют и командуют большим, сложным и разбросанным хозяйством. При союзе состоят: первый армейский корпус генерала Витковского, донской корпус генерала Абрамова, кавалерийская дивизия генерала Барбовича, кубанская казачья дивизия генерала Зборовского, целая куча военных школ, лицеев и кадетских корпусов во главе с военной академией («Высшие военно-научные курсы»).

Полковники строчат бумаги, пишут циркуляры, диктуют их на машинку. Сколько лет прошло с тех пор, как советские полки победили, разогнали и вышвырнули белую армию, развеяли ее клочья по ветру! А здесь, на улице Колизе, все еще управляют разодранными человеческими клочьями, все еще повелевают ими.

Солдат Деникина и Врангеля, казак, обманом посаженный на корабль и увезенный куда-нибудь в Аргентину, не может и через десять лет вырваться из цепкой офицерской паутины.

Если он работает в Бордо на заводе, или в Шампани на виноградниках, или в Чили на серебряных рудниках, все равно он остается нижним чином девятого драгунского великой княжны Марии Николаевны, или шесть-

десять третьего углицкого пехотного генерал-фельдмаршала Апраксина, или какого-нибудь еще чьего полка.

К нему, измотанному после работы, подходит посланец от начальства или местной войсковой группы и передает приказание — чаще всего по денежной части: внести за будущий месяц или донести за прошлый. Вложить свою лепту на ремонт русского храма в Пирее и на чествование генерала Остроухова по случаю восьмидесятилетия его беспорочной службы в офицерских чинах. И запуганный, поработанный даже здесь, офицерами, нижний чин угрюмо вносит и опять без конца вносит свою лепту.

Не вносить лепту нельзя. Белогвардейское офицерство связано с предпринимателями, с управляющими заводов, плантаций, рудников. Они посредничают между хозяевами и русскими эмигрантами-рабочими, они ручаются перед фабричной администрацией за благонадежность своих нижних чинов. Малейшая провинность, непослушание по военной линии — нижний чин мгновенно вылетает на улицу, он без работы, голодает.

Так поддерживают отсюда, с улицы Колизе, патристический дух остатков императорской армии. И журнал «Часовой», восхваляя традиции белой армии, нравоучительно пишет: «Офицер по самому существу своему должен быть отцом и старшим братом солдата, но не его товарищем».

Организационный костяк белых войск, его оперативный штаб — это первый отдел Общевоинского союза, мозг и руки военной и воинствующей зарубежной контрреволюции.

Начальник первого отдела — генерал Павел Николаевич Шатилов.

Из боковой двери выходит еще не старый мужчина с длинной кавалерийской талией. Он оправляет на ходу пиджак. И предупредительно улыбается двум приподнявшимся со стульев французским журналистам.

— Месье... Ву дезире?..

Он проводит в свой кабинет: небольшая комната с грязноватыми обоями. Он усаживает у стола и слушает наши вступительные французские любезности, и отвечает, пытливо смотрит, и я тоже смотрю полуприкрытыми глазами — так вот какой вы, ваше превосходительство, Павел Николаевич Шатилов! Вот куда вас занесло!

Монархия, контрреволюция дали в гражданскую войну не худших своих генералов. Боями против Красной Армии руководили полные сил и стратегического воображения военачальники, не занимавшие в мировую войну высших постов только из-за семейственности и протекционизма придворных кругов. Считая себя затертой и обиженной, недостаточно продвинутой, «генеральская молодежь» кинулась показывать свои таланты и доканчивать карьеру в войне за восстановление царской России. Многого стоило пролетарским стратегам-самоучкам направить русло генеральских карьер в другую сторону и похоронить эти карьеры здесь, на улице Колизе.

Генерал Шатилов — активнейший деятель гражданской войны, боролся с Красной Армией на Северном Кавказе и на Украине. Командовал большими кавалерийскими соединениями, вплоть до конного корпуса. Был ближайшим соратником, личным другом и несменяемым начальником штаба Врангеля. Из-за него Врангель впервые открыто передрался с Деникиным. И его, назло Деникину, демонстративно восхваляет в своих мемуарах.

«Генерал Шатилов, прекрасно подготовленный, с большим военным опытом, великолепно разбиравшийся в обстановке, отличался к тому же выдающейся личной храбростью и большой инициативой».

Как обидно после таких аттестаций уныло сидеть на мели, коротать долгие годы в штатском пиджачке, терзаться бессильными судорогами честолюбия в обществе выживших из ума военных старичков!

Впрочем, и здесь, на улице Колизе, генерал Шатилов не может жаловаться на узость своих функций. В ведении первого отдела состоят все важнейшие оперативно-командные рычаги Общевойнского союза.

Начальнику первого отдела подчинены все белые воинские организации на территории Франции и ее колоний. А также на территории Финляндии, Дании, Голландии, Польши, Италии, Испании, Англии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, в Египте, в Сирии и Персии.

Начальнику первого отдела подчинены и гвардейское объединение, и общество офицеров генерального штаба, и союз офицеров — участников войны, и кавказский и сибирский офицерские союзы, и общество галлиполийцев, и «объединение железных стрелков». При нем

состоят и разведка, и между народный шпионаж, и организация террористических актов в духе Горгулова. Он распоряжается военными курсами и кадетскими корпусами и даже бойскаутами — сопливыми белогвардейчиками, еле понимающими русский язык.

Это сложное хозяйство живет не само для себя. На стене у начальника штаба русской белогвардейщины — маленькая карта Европы и большая карта Маньчжурии. На столе, поверх бумаг, пачка номеров московского журнала «Плановое хозяйство». Зверь, забившись в берлогу, все еще собирает силы к прыжку. Он не выпускает из глаз те места, в какие ему хотелось бы раньше всего вцепиться когтями и зубами.

Много забот у генерала Шатилова. Сейчас, в отсутствие председателя, прибавились еще сношения с внешним миром, с печатью. Надо отвечать на вопросы журналистов, науськивать их на Советы и при этом опровергать вещи, для данного момента неудобные, отмежевываться, возмущенно пожимать плечами, разводить руками... Ну-ка, посмотрим, как у начальника первого отдела получается пожиманье плечами и разведение руками!

— Справедливы ли, мон генераль, те сведения, какие за последнее время распространились в широких кругах, что руководимый вами союз является на самом деле русской монархической армией, расквартированной в разных странах и объединенной регулярным штабным и строевым руководством?

Заместитель генерала Миллера пожимает плечами слегка-слегка. Руками разводит только на сорок пять градусов, над столом. Он улыбается снисходительно и даже с оттенком сожаления к вопрошающему.

— Не знаю, нуждаются ли даже подобные слухи в опровержении. Это чепуха, распространяемая большевиками через «Юманите». Наша организация не имеет ничего общего с армией. Это чисто гражданское русское объединение бывших участников войны, ставящее себе задачи исключительно морального порядка.

— Например?

— Например... Ну, например... сохранение наших старых традиций, составление истории полков и их военных походов в мировой войне...

— В мировой? В гражданской тоже?

— Да, если хотите, и в гражданской.

Как это приятно слышать члену редакции «Истории гражданской войны»! Генерал Шатилов продолжает объяснять:

— Кроме того, мы занимаемся экономической взаимопомощью, далее — воспитанием наших детей в национальном духе, любительским изучением военных вопросов, спортивными упражнениями, охраной наших уцелевших знамен и прочих реликвий.

— Но никак не регулярным военным обучением и не оперативной подготовкой нового реванша за ваше тяжелое поражение в России?

Ле генераль Шатилофф нахохлился и глядит враждебно-испытующе. Тон вопроса был в самом деле неосторожен. Генерал делает паузу... Нет, он не догадался, с кем говорит. Он разводит руками уже более энергично.

— Мы делали бы что-нибудь подобное, если были бы в какой-нибудь мере армией, как о нас говорят большевики. Но ведь я уже сказал вам и подчеркиваю еще раз: мы — не армия. Мы, являемся совершенно цивилизанным, идейно-моральным, имеющим своей целью только воспитательно...

Я предупредительно записываю ответы в книжечку. Как он нагло разговаривает, этот гладенький генераль Шатилофф! Нагло и насмешливо. Почти издеваясь над французскими простаками-газетчиками, пришедшими слушать его нахальные откровения. Впрочем, так принято здесь, в Париже. «Цивильный» характер белого Общевоинского союза — это версия, которую принято произносить с улыбкой и шаловливым подмигиванием.

В своих официальных печатных документах на русском языке, — предполагая, что французы, если не по невежеству и не по лени, то из деликатности в эти документы заглядывать не будут, — «спортсмены» улицы Колизе сообщают открыто и ясно:

«Сущность положения о Русском общевоинском союзе заключается в том, что *с русской армией объединились в составе этого союза все те воинские организации, которые желали быть с нею в связи.* Этим организациям были сохранены их названия, порядок внутреннего управления и самостоятельность во внутренней жизни. *Во главе Р. О. В. союза по его положению стал*

главнокомандующий, и с этого времени армия стала Р. О. В. союзом».

Уже после всех скандалов и разоблачений о действиях русских белогвардейцев во Франции — орган РОВС, журнал «Часовой», приводя «краткое расписание Российской императорской армии», невозмутимо указывал:

«Подчеркнуты все полки, сохранившие свои кадры как части или *под видом* объединений и союзов за рубежом».

Начальник первого отдела штаба остатков белой армии разговаривает с иностранным журналистом, как с маленьким ребенком. Что, если перестать качать ему в ответ головой, не повторять с полупонимающим «уй, се са, сэ клер», а остановиться и сказать не по-французски, а совершенно русским басом:

— Да будет вам врать, почтенный! Кому вы заливаете баки?! Это не в коня корм, все ваши легальные заверения!

Вот удивился бы!..

У них тоже свое расслоение, свои оценки, у этих побитых и изгнанных рабочим классом маршалов Николая Романова, не признанных и отвергнутых страной полководцев, диктаторов, гвардейских сверхчеловеков, придворных гениев.

Одни, уединившись на покой в тихих виллах, обеспеченные до конца жизни вывезенным с родины грабленным золотом, махнули рукой на всякие и всяческие перспективы. Они заняты только подведением итогов. Они выпускают многотомные мемуары и сводят в них долгие счета с врагами. Не с большевиками — тут они пока бессильны. Счета с бывшими сослуживцами, конкурентами, соперниками. Обвиняют друг друга в предательстве, в «забвении интересов России», в плохом вождении войск, в лихоимстве и взяточничестве. Перелагают друг на друга ответственность за свое поражение и, может быть, искренне верят, что победа Красной Армии имела причиной бездарность одних генералов или могла быть предотвращена талантами генералов других.

Другие бредят наяву. Организуют кружки теософов и спиритов, ведут церковные интриги вокруг нескольких уцелевших за границей монастырей и соборов. Комби-

нируют смесь католичества с православием и буддизма со старообрядчеством. Или публично фантазируют на бумаге, за гонорар. Бывший донской атаман генерал Краснов закончил двадцать девятый роман. В романе большевики гибнут, сраженные неслыханными изобретениями белогвардейских инженеров. Против Советского Союза автор пускает невидимые в небе голубые воздушные аппараты, газовые стены длиной в десятки километров, через которые никак не может проникнуть враг, мощное радио, заглушающее все советские станции и громко, на весь СССР, возвещающее смерть коммунистам и гибель коммунизму. Орган генерала Шатилова, журнал «Часовой», скорбит о беспочвенности фантазий Краснова.

«Если у нас осталась только надежда на газовые стены и другие жюльерновские средства, тогда дело плохо... Тогда наше поколение победы, конечно, не увидит...».

Есть третья часть бывших руководителей вооруженной контрреволюции в нашей стране. Эти еще пробуют бороться. Но и они не смеют мечтать даже о каких-нибудь попытках нанести удар Стране Советов своими собственными силами. Главный расчет — на богатых и гостеприимных покровителей. На штабы капиталистических государств. На владельцев военных заводов. На нефтяную аристократию. На международную полицию и контрразведку. На всю подгнившую изнутри, но еще богатую золотом и пулеметным свинцом систему охраны ростовщиков и угнетателей. На эту систему вся надежда русской белогвардейщины в ее подготовке к новому прыжку. При этой системе кормятся верхушка «белого воинства» и вся свора на улице Колизе.

Дай-ка, я его сфотографирую. Как не заполнить в альбом большевика-газетчика эту хищную птицу!

— Мон женераль, вы разрешите сделать снимок?

Он что-то кокетливо бормочет о плохом освещении комнаты. Но доволен, почти в восторге. Он уже видит себя, отпечатанного нежнокоричневой краской во всю страницу роскошного французского журнала. И, предвкушая галантный текст: «Известный — ле селебр — русский генерал Поль Шатилофф, глава храбрых русских комбатантов во Франции»... Нет, милый, ты прогадал. Это совсем из другой фильмы...

— Как же вы будете снимать? Здесь понадобится большая выдержка.

Он сам не знает, как он прав. Выдержка нужна большая. Надо собрать всю свою выдержку, чтобы стоять и на расстоянии трех шагов целиться в этого человека, в живого, уцелевшего начальника штаба деникинской и врангелевской армий, прошедшего огнем и мечом по рабочим кварталам, по крестьянским пашням Украины и Крыма, подготовляющего и сейчас, через пятнадцать лет, новый разбойничий набег.

Это похоже на тир в военной школе: мы стреляли на занятиях в деревянного белого генерала. Здесь генерал живой, и очень близко. Зато в руках не «максим» с пулеметными лентами, а безобидная «лейка» с лентой из целлулоида.

Считаю про себя: одна секунда, две, три, пять... Руки должны не дрожать, чтобы снимок был нешевеленый.

Генерал услужливо повернул закаменевший бюст, смотрит неподвижными глазами, стараясь не моргать. Совсем, как на мишени.

— Мерси!

Его покорность комична и вызывает озорное чувство.

— Вы разрешите, генерал, еще разок? Мне кажется, я обладаю сейчас надлежащей выдержкой.

Он застывает еще раз, весьма охотно... И вопросительно смотрит, не надо ли еще.

— Если не ошибаюсь, генерал, ваш союз и в этом году устраивал парад «восзращения пламени» на могиле неизвестного солдата под Триумфальной аркой?

— Да, только на днях.

— Если не ошибаюсь, на этот раз участники парада были не в своей форме и без знаков отличия, а в штатском платье?

— Да, на этот раз мы были в штатском.

— Чем была вызвана такая перемена? Вы опасались протеста со стороны советского посольства в Париже?

— О, нет! — Начальник первого отдела делает пренебрежительный жест. — Это нас мало трогает.

— Тогда почему же?

— Это была корректность в отношении наших гостей-принимных хозяев. Мы не хотели создавать французско-

му правительству излишних затруднений в его отношениях с Советами.

Как трогательно слышать эти отчаянные слова, полные заботы о франко-советских отношениях! Их произносит руководитель штаба разбойничьих контрреволюционных банд, имеющий своим повседневным основным занятием провокацию войны Франции с Советским Союзом, укрывающий у себя террористов, шпионов и профессиональных убийц. Горгулов был членом Общевоинского союза, он получал документы и удостоверения здесь, на улице Колизе. Миллер вынужден был официально подтвердить это газетам. Кто бы мог подумать, что здесь, в беседах с журналистами, так бережно устраняют препятствия между Францией и Советским Союзом!

...«Откатились» — упойтельное словечко из военных сводок зимы девятнадцатого года. «Части белой армии откатились от Орла...» «Откатились от Харькова...» «Откатились от Ростова...»

Военная диктатура помещиков и капиталистов из петербургских дворцов через всю страну, через моря откатилась в скромные комнатухи на улицу Колизе. Смертельно раненный зверь убежал далеко. Он забился в узкую нору и медленно здесь издыхает. Издыхает, но не издох. Он лежит здесь слабый, но еще в тысячу раз более хищный и разъяренный, призывая других зверей вместе ринуться на старые поля его добычи. Если интервенции не будет, зверь так и околет здесь, в изгнании. Но при большой стае хищников он найдет в себе силы быть самым кровожадным и самым свирепым.

Генерал провожает до дверей и просит прислать снимок, если он будет удачным.

Д. Заславский

СОВРЕМЕННЫЙ КАНДИД

(По Вольтеру)

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

**КАК КАНДИД ПОТЕРЯЛ СВОЙ УЧАСТОК ЗЕМЛИ,
В КОТОРОМ ОН НУЖДАЛСЯ, И КАК НАШЕЛ ЗАЩИТУ,
В КОТОРОЙ НЕ НУЖДАЛСЯ**

Мы оставили Кандида и его друзей, когда они, наконец, обрели покой на маленьком участке земли. Участок приносил много. Кунигунда, правда, была очень некрасива, но она превосходно пекла пироги; Пакета вышивала; старуха заботилась о белье. Это счастье длилось недолго, всего полтора столетия, но годы летели, как минуты.

Выйдя однажды утром из домика, Кандид с изумлением увидел незнакомых иностранцев, которые ходили по его участку и топтали цветы.

— Здравствуйте, господа! — вежливо сказал Кандид. — Кто вы такие и чем помешали вам мои цветы?

— К черту цветы вместе с тобою! — ответил один из иностранцев. — Мы приехали из-за океана, и нам нужен твой участок!

Кандид из всех заокеанских жителей знал только гу-рона (см. Вольтер «Простодушный»). Он решил, что

перед ним гуруны. Кандид сказал кротко, чтобы не раздражать незнакомцев:

— Участок нужен мне самому. А зачем он понадобился вам?

— Мы строим военную базу — аэродром. Отсюда будут летать на бомбежку. А первым вылетишь ты, и притом кверху ногами.

Гуруны захохотали. Один из них сказал снисходительно:

— Мы приехали сюда, туземец, чтобы защищать тебя.

— От кого? — спросил Кандид.

— От врагов, которые растопчут твой сад, вырубят деревья и снесут дом.

В это время другие гуруны валили деревья; а огромный танк двинулся на домик Кандида.

Философ Панглос, слушавший беседу Кандида с добрым гуруном, спросил в свою очередь:

— Скажи, уважаемый иностранец, если дело сводится к тому, чтобы сносить дома, уничтожать посевы и обрекать людей мирного труда на безработицу и голод, то каково же различие между нашими врагами, которых мы не видим и не знаем, и нашими защитниками, которых мы видим?

Доброму гуруну, видимо, не понравился философский вопрос доктора Панглоса, и он крикнул своим спутникам:

— Эти туземцы — красные! Они не хотят видеть в нас своих благодетелей. Уберите их во имя их блага!

Гуруны немедленно и с большим удовольствием выполнили приказ. При этом они повредили Кандиду два ребра, вывихнули руку доктору Панглосу и мимоходом нанесли урон женской чести Кунигунды, а заодно и Пакеты.

Усевшись на придорожном камне, Кандид и Панглос обсуждали создавшееся положение.

— Неужели ты, мой мудрый учитель, — сказал Кандид, — и теперь стоишь на том, что все к лучшему на свете?

— Несомненно! — возразил Панглос, вправляя руку на положенное ей место. — Освободив нас от участка земли, добрые гуруны освободили нас от налогов и от мучительных забот об уплате процентов по закладной.

Они принесли нам свободу, которая является высшим благом. А для того, чтобы мы оценили это благо по достоинству, они предварительно связали нас «помощью». Благословим же ярмо, которое гуроны надели нам на шею!

— Надо сказать: не благословим, а ратифицируем, — поправил Кандид, который читал газеты, презиравые Гианглом, и был ближе к современности, — но я не согласен с этим. Наша страна малая и слабая, ей, подобно Кунигунде, трудно защищать свою честь. Мне поищем страну большую и сильную, чтобы возделывать там землю и мирно вкушать плоды своих трудов.

И они направились во Францию.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

В КОТОРОЙ КАНДИД ВЫЯСНЯЕТ, ЧТО ТАКОЕ СУВЕРЕНИТЕТ

Кандид и его спутники обходили прекрасную Францию. Крестьяне трудились на полях и в виноградниках, рабочие — на заводах и в мастерских. Они были приветливы, но печальны. Кандид замечал всюду упадок промышленности и земледелия, запущенность и нищету.

Кандид спрашивал о причинах такой разрухи.

— Война, — говорили ему, — расходы на войну.

— Зачем же нужна война, которая разоряет вас?

— Она нужна тем, кого обогащает.

— Я понимаю, — сказал Кандид, — так было и раньше, когда я посещал вашу страну. Миллионы семейств трудились и жили в нужде для того, чтобы благоденствовало одно королевское семейство. Это семейство обладало чрезвычайным аппетитом.

— Теперь у нас двести таких семейств. Им нужна война.

— Это плохая семейственность, — сказал Кандид.

— Это буржуазная республика, — сказал француз.

Направляясь дальше на север, Кандид и его спутники остановились перед преградой. Надпись на ней гласила: «Посторонним вход воспрещен».

Кандид обратился к одноногому человеку, который сидел у дороги и меланхолически курил трубку:

— Не скажете ли, добрый человек, можем ли мы **пройти** по этой дороге?

— Вы не из-за океана?

— Нет, мы не гуроны.

— Ну, так вы посторонние. Вам нельзя.

— А кто вы?

— Я француз.

— Значит, вы свой?

— Нет, я посторонний.

Кандид присел рядом с одноногим.

— Я вижу по вашей одежде, — сказал он, — что вы **бывший** солдат. Где вы потеряли ногу?

— Воевал во Вьетнаме, будь он неладен!

— Из-за чего?

— Из-за суверенитета.

— Я не совсем понимаю, что это значит, — сказал Кандид.

Подумав, бывший солдат сказал:

— Наши хозяева во Вьетнаме отнимают у туземцев **суверенитет** оружием. Это война. А здесь они уступают **суверенитет** оптом и в розницу. Это они называют миром.

Доктор Панглос заметил:

— Я слышал, что самая оживленная торговля **суверенитетами** процветает в немецком города Бонне. Времена меняются. Когда наша милая Пакета продавала свою любовь, она и не думала, что торгует своим **суверенитетом**.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

КАК КАНДИД И ПАНГЛОС ЧЕСТВОВАЛИ В ПАРИЖЕ ПАМЯТЬ ВОЛЬТЕРА И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Панглос сказал:

— В Париже происходит чествование памяти великого французского философа, писателя-сатирика Вольтера. Прошло сто семьдесят пять лет после его смерти. **Принимем** участие в торжестве.

— Очень хорошо, — согласилась Кунигунда, — **пойдем** в рабочий клуб на соседней улице.

— Нет, — возразил Панглос, — Вольтер писал для

философов. Я предлагаю отправиться в Сорбонну, где, я думаю, мы найдем весь цвет французской мудрости.

— Вы философ, — сказала Кунигунда, — идите к философам. Я не знаю, что у них будет. А рабочий клуб приглашает на торжественный вечер памяти Вольтера.

И они разошлись в разные стороны: Кандид и Кунигунда в рабочий клуб, Панглос — в Сорбонну.

Когда Панглос вошел в аудиторию, на кафедре старый, лысый человек заканчивал свою речь.

— Итак, — говорил оратор, — отмечая столетие со дня смерти человека, который принес столько беспокойства столпам французского благочестия, мы должны помянуть добрым словом не его, а тех, кто охранял народ от его тлетворной проповеди, от его злой насмешки над нами. Почтим же тех, кто изгнал его из Франции, кто томил его в тюрьме. Воздадим благодарность палачу, который, не имея возможности сжечь самого Вольтера, сжег бестрепетной рукой его знаменитого «Кандида». Вольтер был бесчестным и безбожным коммунистом.

— Прошу прощения, — сказал доктор Панглос, — но вы ошибаетесь. Я лично знал Вольтера. Он был противником коммунизма и защищал частную собственность. Он был врагом мракобесия и стоял за науку и разум...

— Он был коммунистом! — закричали старики.

— Нет, он не был коммунистом. Он боролся за свободу слова...

— Коммунист!

— Он осуждал захватнические войны...

— Коммунист!!

— Он был честным французским патриотом и боролся за независимость родины...

— Коммунист, коммунист, коммунист!!! — ревели ученые и философы. — Арестуйте этого вольтерианца-коммуниста!

И не успел доктор Панглос опомниться, как очутился за решеткой в полицейском участке. К своему крайнему удивлению он встретился здесь с Кандидом. Они бросились друг другу в объятия.

— За что же вас схватили, мой добрый учитель? — спросил Кандид.

— За то, что я не соглашался с оратором, который поносил Вольтера. А вас за что?

— За то, что я соглашался с оратором, который восхвалял Вольтера как великого мыслителя и просветителя французского народа. Полиция разогнала собрание и арестовала оратора и меня.

— Что же вы сказали такое непозволительное? — спросил Панглос.

— Я сказал, что Вольтер всегда был великим гражданином Франции. Находите ли вы и теперь, дорогой учитель, что все к лучшему на свете?

— Безусловно, мой милый Кандид! Во-первых, если бы нас не избили и не арестовали из-за Вольтера, мы так и не поняли бы, кто во Франции свой, а кто чужой. Во-вторых, мы убедились в том; что дело Вольтера бессмертно, потому что его наследство перешло во владение к рабочему классу, к народу Франции.

ИНСТИТУТ ГАЗЕТНОЙ КРАСОТЫ

Во всех столицах капиталистического мира существуют институты красоты. Кокетливые дамочки, выходящие по возрасту в тираж погашения, подвергаются здесь капитальному и текущему ремонту. Техника дошла до высокого совершенства. Иная старая карга, прошедшая огонь, воду и медные трубы, средствами штопки, перекройки, надставки, подмазки и раскраски превращается в юную кулку с выражением двухцентовой невинности на лице.

Институты буржуазной печати представляют разновидность этих институтов красоты. Но техника здесь явно отстает.

Старая продувная Клевета, потерявшая волосы и зубы, садится в кресло.

— Что угодно, мадам? — спрашивает профессор газетной косметики.

— Прошу сделать перманентную достоверность на шесть месяцев, — говорит жеманно Клевета.

— Пardon, мадам, — говорит специалист, глядя на сизый нос Клеветы и набухшие веки, — но наша фирма гарантирует только одну неделю, и то при условии не

попадать ни под солнце, ни под дождь, ни на глаза демократической печати.

— Но неужели, мсье, вы не можете раскрасить меня под правду? Почему же в институте красоты меня могут превратить в херувима?

— Мадам, красители не те! Недаром сказано: клебещите, клебещите, что-нибудь останется у вас на лице.

... Вопросам газетной косметики была посвящена недавняя, вторая по счету сессия «Международного института печати» в Лондоне.

Председатель исполнительного комитета Лестер Маркел говорил сбивчиво, в раздражении и нервном расстройстве:

— Распространяют слухи о нас, будто мы не международное, а — ха-ха! — американское заведение... Какой фантастический вымысел! Скажут же такое недобрые люди! С места мне не сойти, если мы не международное, совершенно независимое заведение!

Но тут у «международного» института выступили на щеках сквозь притирку и подмазку совершенно явственные клейма.

На правой щеке:
«Фонд Рокфеллера»,
На левой щеке:
«Фонд Форда».

А кто вы, мистер председатель?

— Я Лестер Маркел, редактор воскресного выпуска газеты «Нью-Йорк таймс».

Как ни мажут «Международный институт печати», а проступает и его происхождение и его предназначение.

Специальная сессия эта занималась самокритикой, обменом опыта газетной лжи и рассмотрением новых методов наводить тень на плетень. Участники сессии единодушно признали, что газетная пропаганда агрессии проваливается, что старые средства обмана устарели и надо изыскать новые. Три дня старые, опытные поставщики лживой информации придумывали, как бы сделать так, чтобы им поверили читатели, и ничего не придумали.

Конечно, обвинение буржуазной печати во лжи и клевете, в продажности и в мошенничестве нового не представляет. Но дело в том, что все чаще это обвинение

газетные сороки слышат в своем же лагере. Хозяева недовольны своими чернильными рабами.

В США сенатская комиссия пришла к заключению, что пресловутый «Голос Америки» — это наименее эффективное средство проаганды, и не потому только, что он лжет, а и потому, что лжет глупо, грубо, так, что никто не верит. Однако обман, который никого не обманывает, — это уже нечто странное, нечто, вроде «искусства для искусства».

Поэтому речи на сессии «института газетной красоты» носили отчасти покаянный характер. Да, говорили участники, работаем мы плохо, хозяева недовольны, косметика наша никуда не годится, краски на лжи линючие. Надо принять меры к тому, чтобы ложь наша не ходила нагишом... И еще надо, чтобы у нас во лжи разногласицы не было.

Поговорили — и разъехались. Новых красителей не наши. Буржуазная газетная ложь так и осталась в райском виде, без фиговых трусов.

Мы легко можем представить себе то, что предшествовало созыву сессии «Международного института печати».

— Вы приглашали меня, босс, — сказал, почтительно кланяясь, Лестер Маркел. — Чего изволите?

— Садитесь... Да садитесь же! Чего торчите, как столб? Вы же не лакей. Вы независимый журналист. Понимаете, вы независимый...

— Слушаю, босс. Чего изволите?

— Чего изволю? Да вы понимаете, что должны держаться, как независимый? Ну что вы на меня так глядите, как если бы я вас собирался палкой ударить? Эх вы! Правду умеете говорить?

— Как вам будет угодно, босс. Если нужно правду, можно и правду.

— На кой черт мне правда! Это вы должны говорить, чтобы казалось правдой. Мне надо, чтобы вам верили. Вы все плохо работаете. А особенно разболтались наши журналисты в Западной Европе. За что мы им платим? Чем больше мы всаживаем в европейскую печать, тем больше нас там не любят. Сделайте так, чтобы нас любили.

— Слушаю, босс. Сделаем.

— Ничего вы не сделаете! Ну, соберитесь там, потолкуйте, подумайте... Думать можете?

— Чего изволите?

— Вы кто: официант или журналист?

— Был официантом. Теперь журналист. Но это все равно, босс. Прикажете — мы сервируем правду.

— Сервируйте ложь, но под правду. Понимаете, так: посередке ложь куском, а по бокам — гарнир из ломтиков правды. Ну, идите, совещайтесь, потряхните мозгами... Мозги есть?

— С зеленым горошком, босс.

* * *

На открытии второй сессии «Международного института печати» Лестер Маркел говорил, беспокояно озираясь:

— Мы, независимые журналисты, должны говорить правду, то есть так говорить, чтобы все поверили, что это правда. Но как это сделать? Как?

На этот вопрос сессия не ответила.

КАК АМЕРИКАНСКОЕ РАДИО ОТКРЫЛО СВОБОДУ ПЕЧАТИ В США

Это сенсационное открытие было сделано недавно. Удалось обнаружить американскую свободу печати. Конечно, в самой Америке нельзя было совершить такого открытия. Американская свобода печати была обнаружена в «Крокодиле».

Опасаясь сенатора Маккарти, работники американского радио не читают коммунистической американской газеты «Дейли уоркер». Поэтому они доныне и не подозревали, что в США существует свобода печати. Но в «Крокодиле» они увидели переводы фельетонов из «Дейли уоркер». Тут-то и родилось сенсационное открытие. Не простым эмпирическим, а сложным логическим путем американское радио пришло к таким выводам:

Компартия в США издает свою газету.

Газета не привлекается правительством к ответственности, издатели и сотрудники газеты не наказываются.

Общий вывод: в Америке существует свобода печати.

Открытие потрясающее! Логика бронебойная! Впрочем, американцы узнали бы о том, что они счастливые обладатели свободы печати, еще раньше, если бы во славу этой свободы печати не было запрещено в США распространение «Крокодила». Вот к чему приводят скороспелые мероприятия!

Не вступая в спор с американским радио, мы лишь подтвердим его выводы сценками с натуры. Жизненность и правдивость этих сценок, отражающих события трех последних лет, надеемся, не станет оспаривать даже «Голос Америки».

В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ДЕЙЛИ УОРКЕР»

— Могу ли я видеть редактора мистера Джона Гейтса?

— Только с разрешения тюремной инспекции.

— Разве редактор «Дейли уоркер» не принимает посетителей в редакции?

— Нет, он принимает посетителей только в тюрьме в назначенные для этого дни. Гуд бай!

— Гуд бай! Да здравствует свобода печати в Америке!

* * *

— Свободен ли корресподент «Дейли уоркер» Джеймс Долсен?

— Нет, сэр, он не свободен.

— А когда он освободиться? Я подожду бы.

— Пожалуйста! Он освободится через двадцать лет.

— Нет, так я не дождусь. Слава американской свободе печати!

* * *

— Не скажете ли вы мне, где кабинет редактора Уолтера Лаунфелса?

— Вы хотите знать, где его камера? В федеральной тюрьме, сэр.

— Благодарю вас. Троекратное «ура» американской свободе печати!

— Я хотел бы передать рукопись издателю мистеру Трахтенбергу. Когда он принимает авторов?

— Передачи производятся в тюрьме в определенные дни.

— Могу ли я свободно передать, что хочу?

— Да, вы свободны передать, а тюремные надзиратели свободны не принять.

— Да здравствует американская свобода печати!

В ДРУГИХ РЕДАКЦИЯХ

— Где редактор журнала «Политикал афферс» Джером?

— В тюрьме.

— Где сотрудники журнала «Пиплс уорлд» Ричмонд и Кеннеди?

— В тюрьме.

— А редактор Терри Петтус?

— В тюрьме.

— Кто же на свободе? Где же свобода?

— В тюрьме.

НА ОДНОМ ЗАВОДЕ

— Здравствуй, босс.

— Здравствуй, Черри. Что у вас там нового?

— Токарь Смит замечен в том, что тайно читал газету «Дейли уоркер».

— Внесите его в черный лист и скажите, что он с завтрашнего дня свободен. Я не стесняю свободу моих рабочих.

— Пусть здравствует американская свобода, босс!

— Пусть! Когда у Смита не будет работы, у него будет свободное время для чтения этой газеты.

ПОЛНАЯ СВОБОДА ВЫБОРА

— Слушай, красное отродье! Мы тебе предоставляем полную свободу выбора: либо ты скажешь нам, кто дал тебе «Дейли уоркер», либо мы переломаем тебе ноги и руки. Выбирай свободно!

ТОРЖЕСТВО СВОБОДЫ

Сообщение: «Осужденный на 20 лет редактор местной газеты был вчера освобожден от наручников».

ИЗ ЧЕГО ДЕЛАЮТСЯ ПЕРЕДАЧИ АМЕРИКАНСКОГО РАДИО

— Леди и джентльмены! Наша экскурсия находится в первом заготовительном цехе самой крупной в Чикаго скотобойни. Обратите внимание на этих свиней. Замечали ли вы их упитанный вид? Слышите ли вы их голоса?

— Слышим!

— Так вот, мы пройдем вдоль конвейера — и вы убедитесь, что современная техника не оставляет ни одного неиспользованного грамма от свиньи. Все идет в дело! Еще недавно нашим девизом было: в свинье не пропадает ничего, кроме хрюканья и визга. Но этот девиз устарел. Ныне мы используем и эти составные части свиного материала.

— Каким образом?

— Мы записываем их на пленку, отправляем на радио, и опытные редакторы изготавливают из них передачу в эфир. Это «Голос Америки». Так, недавно вы слышали замечательную передачу о свободе печати в США.

— Мы не нашли эту передачу достаточно убедительной.

— Наша продукция содержит только то, что есть в первично обрабатываемом материале.

ОБЩИЙ ВЫВОД

Да, в США есть ничем не ограниченная свобода капиталистов фабриковать, продавать, покупать печатное слово и радиослово. Газетные плантаторы обладают невзбранной свободой покупать на невольничьем рынке человеческих душ чернильных рабов и гнать их на газетные полосы для посева и взращивания лжи, клеветы, идейного дурмана. Они обладают полной свободой растлевать сознание народа, натравливать одни народы на другие, призывать к агрессии и войне. Журна-

листы на этих плантациях верпы своим хозяевам, трусливы, набожны.

И это чернильные рабы именуют американской свободой печати!

Да, есть в США газета, которая свободна от капиталистического рабства; она не продает и не покупает своих убеждений. Эта газета, «Дейли уоркер», бескорыстно служит рабочему классу, трудящимся, народу. Вот уже 30 лет ее работники бесстрашно делают свое трудное дело в обстановке свирепой реакции, в атмосфере разнузданного произвола. Журналисты этой газеты и других редких коммунистических изданий говорят своему народу только правду, и именно потому писатели и читатели коммунистической печати окружены густой цепью шпионов, жандармов и палачей в судебных тогах. То и дело под свист и улюлюканье буржуазных журналистов выхватывают из газеты «Дейли уоркер» редакторов и сотрудников, заковывают в железо и бросают в тюрьмы. Их семьи пытаются голодом. Все делается для того, чтобы сломить свободную волю этих журналистов, поставить на колени, нагнать страх, заставить замолчать. Но с гордо поднятой головой проходят свободные журналисты коммунистической печати сквозь толпу своих палачей и мучителей, и миллионы американских простых людей знают, что в тюрьмах томятся лучшие, благороднейшие и достойнейшие сыны и дочери американского народа. Тюрьму они предпочитают добровольному рабству.

И это «Голос Америки» называет американской свободой печати!

КРЫСА С ОСТРОВА ТАЙВАНЬ

Мы вправе предположить, не рискуя впасть в большую ошибку, что американская журналистка Джералдина Фитч и китаец У Го-чэн отплыли в США с острова Тайвань (Формоза) на одном океанском пароходе.

Сколько лет миссис Джералдине, знают только таможенные чиновники, проверяющие паспорта. Впрочем, сколько бы ей ни было, она изображает и всегда будет изображать такую бойкую птичку, совсем юную, и не какую-нибудь птичку-синичку, а сороку-белобоку.

Вот она и сейчас прыгает с палубы на палубу и немолчно стрекочет. Она умеет только восторгаться или только ужасаться.

— Ах, это очаровательно! — закатывает она выцветшие глазки. — Ах, это ужасно — вращает она глазами, как плошками.

Не прошло и трех дней плавания, а уже при приближении «сороки» пассажиры либо притворяются спящими, либо внезапно вспоминают, что забыли какую-то вещь в каюте.

У Го-чэн, напротив, молчалив, одинок и угрюм. Он старается ни с кем не разговаривать, и с ним никто не сближается. Завидев У Го-чэн, даже Джералдина Фитч берет левый галс, как яхта на повороте, и обходит китайца широким полукругом.

Мистер Джон Фаруотер из Чикаго, сбывший на Тайване крупную партию мясных консервов военного времени, растянувшись в раскидном кресле после обильного завтрака, ткнул в сторону китайца сигарой и спросил Билла Райвера, юркого и всегда полупьяного корреспондента:

— Кто?

Полупьяный Билл всегда притворялся полностью пьяным, чтобы безнаказанно говорить дерзости.

— Желтый? Неужели не знаете? Разве покупали не его?

— Я никого не покупаю, — сказал Фаруотер, — я продаю.

— Конечно, — согласился Билл, — продажны мы, а вы наш ангел-хранитель... Этот желтый спутник — бывший губернатор Формозы, бывшая гоминдановская шишка, бывший друг Чан Кай-ши.

— Кто же он теперь и зачем едет в США?

— Он не едет, а бежит. Он крыса.

Фаруотер поднял брови.

— Не понимаете? Ну, крыса, которая бежит с тонущего корабля.

— Разве Формоза тонет?

— Не знаю, не знаю. В писании сказано: кому суждено отравиться консервами, тот не утонет. Но я не верю писанию. Если бы вы были не мясным королем, а королем страховых компаний и если бы вы сказали

своему верноподданному: «Билл, возьми на страховку от землетрясений и всяких иных трясений остров Формозу вместе с Чан Кай-ши», — я бы почтительно возразил: «Ваше величество, не стоит. Это дело еще более гнилое, чем мясные консервы прошлого века».

— Билл, у вас слишком острый язык.

— Не думаю, сэр. Посмотрите.

И Билл высунул язык к величайшему удовольствию присутствовавших при беседе пассажиров.

При прибытии в США Джералдина Фитч, «сорокабелобока», издала книгу «Формоза — наш плацдарм». Линотиписты сбились с толку, набирая восклицательные знаки. У Го-чэн. напечатал в журнале «Лук» большую статью под заглавием «На американские деньги создано полицейское государство на Формозе». В статье преобладают мрачные и зловещие многоточия.

Так как оба произведения говорят об одном и том же, хотя и с противоположных точек зрения, то мы считаем возможным изложить основное их содержание в виде диалога:

Джералдина. Формоза! Ах, это очаровательный демократический остров!

У Го-чэн. Формоза — это мрачный полицейский застеноч.

Джералдина. Ах, нет, нет! Я давно знаю Чан Кай-ши! Это чудный, чудный демократ! Я его обожаю!

У Го-чэн. Кто может знать Чан Кай-ши лучше, чем я? Я три года был губернатором Формозы, доверенным лицом Чан Кай-ши. Я один из главарей гоминдана. Чан Кай-ши — это кровавый деспот, тиран, палач. Если бы я не убежал, то был бы убит, как другие.

Джералдина. Но Чан Кай-ши — это душкачеловек! Он хочет только блага жителям Формозы! Он издал законы об аграрной реформе. Он хочет отдать землю крестьянам. Какое благородство! Ах, ах!

У Го-чэн. Я же проводил эту «реформу». Сплошное жульничество. Ничего не вышло. Формоза — это остров нищеты и голода. Чан Кай-ши и его гоминдановская банда обобрали весь народ. Они грабители.

Джералдина. Ах, какая черная неблагодарность. Ах, это ужасно! У бедного Чан Кай-ши столько врагов!

Но за него вся армия на Формозе. Она пойдет в бой по первому его слову! Ах, какие солдаты! Все душки! Я бы их всех перецеловала!

У Го-чэ н. Да, пойдут. А вот куда пойдут, еще неизвестно. Мне настроения в армии Чан Кай-ши хорошо знакомы. С офицерами я часто беседовал. Они ненавидят Чан Кай-ши. Не исключена возможность, что солдаты Чан Кай-ши окажутся вместе с красными.

Джералдина. Нет, нет! Ах, ах! Весь китайский народ на континенте за Чан Кай-ши. И стоит лишь этому моему любимому герою показаться на материке, как все, все, ну решительно все пойдут за ним!

У Го-чэ н. (дословно). Военные силы Формозы в настоящее время неэффективны. Бросить их в наступление на красный Китай было бы не только рискованным предприятием, но и могло бы оказаться самоубийством с нашей стороны.

Джералдина. Так вы поэтому и бежали с Формозы? Ах, это ужасно! Вы старая крыса!

У Го-чэ н. А вы старая сорока. Я хочу открыть глаза американцам. А вы лжете в глаза американцам.

Джералдина. Караул! Маккарти! Ах, режут! Ах, погибла! Ах, я тебе, крысе, глаза выцарапаю!

Голос Билла Райвера. Джентльмены! Смотрите бой сороки с крысой! Читайте последние выпуски газет! Увлекательно, сенсационно!

Голос Джона Фаруотера. Пока наше правительство скупает мои старые консервы для помощи Формозе, все обстоит благополучно.

С ПОЗИЦИИ СИЛЫ

(Басня в прозе)

Когда ворота зоопарка закрывались и звери прекращали прием посетителей, наступали в разных углах часы тихих вечерних бесед.

В льявятике его обитатели собирались вокруг Сенатора, престарелого африканского льва, единственного в зоопарке рожденного в пустыне. Все прочие львы, львицы и львята родились и получили образование в питом-

никах, зоопарках, цирках. Жизнь предков в пустыне казалась им сказочным преданием.

Впрочем, и сам Сенатор плохо помнил свои юные годы. В его ослабевшей памяти путались и личные воспоминания и беседы экскурсоводов. Львиное общество относилось к его рассказам с прикрытым из вежливости ироническим недоверием.

— Дедушка, расскажи, как ты бежал по Африке! — задира Сенатора проказник Малыш. — Наверно, собаки за тобой не поспевали?

— Собаки не за мной, а от меня бегали, — хвастливо говорил Сенатор. — От меня все бегали. Я самый сильный был в пустыне.

— А какой был у вас порядок дня в пустыне? — допытывался Малыш. — Сколько раз в день кормили? Когда начинали прием посетителей?

Сенатор презрительно улыбался:

— Никакого приема не было. А кормился сам. Днем спал, а вечером выходил на охоту. Ох, и мастер я был рычать: первый бас в пустыне!

— А зачем ты, дедушка, рычал?

— Чтобы, внучек, страх навести. Как зарычу, все звери от страха рассудок теряют. Им бы бежать, а они на месте топчутся: не знают, куда податься.

— Шантажировали? — едко спросил Доцент, почтавшийся за самого умного в львятнике.

— Ну, нет-с, это был не шантаж. Порычу, а потом р-раз — и готово: антилопа какая-нибудь в лапах и зубам бьется. Только кости хрустят.

— Так и позволили тебе живых антилоп драть! — сказал Малыш. — Заливаешь, дедушка. Нет таких правил.

— А я никакого позволения и не спрашивал. Правило было одно: кто посильнее, тот жрет того, кто послабее. Я был самый сильный, я всех и драл.

— Понимаю, — сказал Доцент, который любил прислушиваться к тому, что говорят посетители. — Это называется: политика с позиции силы. У людей много есть позиций: с позиции мира, с позиции демократии...

— Ну вот, — сказал Сенатор. — Именно так. Но у нас была только одна позиция — силы. Кого хочу, того и деру. А меня никто не смеет драть.

Малыш состроил ехидную рожу и спросил:

— Как же ты, дедушка, с позиции силы в позицию клетки попал?

Молодые львы закихикали. Львица оскалила зубы, обидевшись за своего супруга.

Сенатор поник на минуту лохматой головой, потом сказал:

— Ты прав, Малыш. Я заслужил твою насмешку. Глуп я был смолоду и не понимал того, что позиция силы без позиции ума немногого стоит. Носился со своей позицией по всей пустыне. Думал, сильнее меня никого нет. А человек, вышло, сильнее. У него и позиция силы, и позиция ума.

— А ты бы порычал на человека — посоветовал Малыш.

— Рычал. По рычанию меня и нашли. Ну, и показали мне позицию силы...

— Больно было? — участливо спросил Малыш.

— Нет, стыдно было. Волокут меня, связанного. А звериная мелочь смотрит из кустов, смеется. Зайцы кричат: «Какой он лев! Он осел!..».

— И много их еще в Африке? — спросил Малыш.

— В Африке не знаю, а в Америке еще много.

ТЕ, КОТОРЫЕ НЕ ПРИЗНАЮТ

Профессор Лид О'Корк, известный английский археолог и историк, внимательно прочитал рекомендательные письма, которые мы ему почтительно вручили, и широким жестом пригласил нас следовать за ним.

Когда мы уселись в креслах посреди небольшого, уютного холла, он сказал:

— Как вам известно, господа, я уже давно собираю исторические образцы человеческой ограниченности, памятники крайнего несовершенства человеческого ума и воображения. Мое собрание весьма обширно и, насколько я могу судить, у вас не хватит времени, чтобы полностью ознакомиться с ним. Позвольте показать вам поэтому лишь раздел, носящий название «Те, которые не признают». Речь идет о тех, кто не признает очевидных, совершившихся фактов.

— Вы коллекционируете дураков, профессор? — спросил один из нас.

Профессор не то поморщился, не то улыбнулся.

— Не совсем так, — серьезно возразил он, — но если уж пользоваться этим грубоватым и ненаучным термином, то точнее сказать, что я коллекционирую тех, кто оказался в дураках.

— Они у вас живьем или в банках? — поинтересовались мы.

— Ни то и ни другое. Сейчас вы сами увидите. Пожалуйста.

То, что мы увидели, походило больше всего на музейную камеру восковых фигур. Искусно сработанные человечки группами и отдельно стояли вдоль стен и посреди большого зала в застекленных ящичках.

Профессор остановился перед первой группой. Человечки в древних хламидах, тогах, плащах смотрели друг на друга выпученными глазами. На лицах у них были растерянность, недоумение, досада.

Профессор сказал:

— Вы видите тех древних деятелей и ученых, которые признавали, что Земля имеет форму шара, а утверждали, что она плоская, как тарелка.

— Но позвольте, профессор, — воскликнули мы, — это ведь не глупость, а невежество! Если и назвать это ограниченностью, то это ограниченность закономерная, историческая.

— Конечно, это — невежество, — согласился профессор, — но люди, которых вы видите, согласно археологическим данным, не признавали шарообразности Земли, когда уже решительно все ее признали. Это не только невежество, а и ограниченность, выходящая за пределы закономерности.

— Чем же это кончилось? — спросил один из нас. — Признали или не признали?

— Некоторые признали. А у других на голове кол тесали — в старину такой способ был внушать людям чувство реального, — не помогло. Померли, а не признали.

Мы перешли к другой группе. Монахи в рясах разного цвета что-то втолковывали старому человеку, кото-

рый в смущении сдвинул тнару на затылок и ожесточенно скреб затылок всей пятерней.

Профессор пояснил:

— Здесь воспроизведен известный исторический диалог, имевший место в XVII веке в Ватикане, когда кардиналы пришли к папе и сказали: «Хватит, святой отец, надо признать, что Земля вращается вокруг Солнца!» «Ни за что! — воскликнул папа. — Нет на сие моего благословения!» «Да благославляйте не благославляйте, а она все равно вращается! Все уже это признали». «Зачем же, — говорит папа, — мы Джордано Бруно сожгли?» «Ну, свалили дурака, — отвечают кардиналы, — не мы первые делали глупости, не мы и последние». «Нет, — сказал папа, — как хотите, а я не признаю. Пусть вращается, а я этого не знаю и знать не хочу».

— И ведь верно говорили кардиналы, — добавил после паузы профессор, — что они не последние в этом роде.

Минуя ряд групп, профессор перешел к противоположной стене.

Маленький король бесновался посреди кабинета, увешанного портретами представителей династии. Он топал ногами, рвал бумаги на столе и волосы на голове. Министры почтительно его уговаривали.

— Английский король Георг III, — объяснил профессор. — Министры тщетно уговаривают его признать новое государство: «Соединенные Штаты Америки». «Ни за что! — кричит король. — Никогда, никогда Англия не признает США! Нет такого государства и не может быть, раз я его не признаю!» «Ваше величество, — говорят министры, — нельзя не признать, это совершившийся факт. Франция признала, Россия признала». «А я не признаю! — кричит король. — Лопну, а не признаю! Это мои колонии, а не какие-то Штаты!».

— Вот оно, королевское положение, хуже губернаторского, — заметили мы.

— Да, положение не очень, так сказать, умное, скорее смешное, — подтвердил профессор. — А попадают в это положение не только губернаторы и короли. Бывают и президенты. Вот пожалуйста сюда. Тут у меня угол юмора и сатиры.

На площади перед большим домом с колоннами стоял маленький человек с необыкновенно самодовольным и

гордым лицом. Он постирал руку, как бы указуя путь мировой истории. Он явно прозревал будущее и весь пузырился от распиравшего его величия. Было нечто в высшей степени комическое в его надменной осанке, Ростом с воробья, он пыжился, как петух.

— Бывший президент одной великой республики, — сказал профессор. — Он не признавал Советского Союза. Все уже давным-давно признали, а он один — нет и нет. Вот его слова: «Советского Союза нет и не может быть. Никогда моя страна не признает Советского Союза»...

— Совсем как Георг III говорил о США, — вспомнили мы.

— Точно так, — сказал профессор.

Мы весело смеялись, разглядывая гордого воробья. Профессор присоединился к нам. Потом подвел к последней группе. Крохотные человечки с выпученными глазами, с выражением растерянности и досады на лицах хлопотали в чрезвычайной ажитации. Они очень напоминали древних упрямцев в первой виденной нами группе.

— Те, кто не признает великой Китайской Народной Республики, — объяснил профессор. — Группа еще не закончена.

— Да, — говорили мы, рассматривая с улыбкой небольшие фигурки. — Кое-кого можно узнать. Это Сенатор Ноулэнд, не правда ли?.. Ах, это мистер Лодж! Ну да, они на одно лицо. А вот и... А, Маккарти!

— Скажите, профессор, — спросили мы, — эти ископаемые люди не признают Китайской Народной Республики? Это, конечно, смешно, очень смешно. А признают ли они, что Земля имеет вид шара, а не тарелки? Признают ли, что Земля вращается вокруг Солнца?

— Нет, — сказал профессор, — у них своеобразные представления о мире. Они считают, что земной шар вращается вокруг США и имеет форму пирога на плоской тарелке. Китай для них — это крайняя восточная часть пирога. Вы видите, один из них воткнул свою вилку в пирог, а другой собирается отрезать ломоть.

— Но ведь они подавятся, профессор! — воскликнули мы.

— Несомненно, — сказал профессор. — Вот этот кусок уже застрял у них в горле. Ни туда и ни сюда. Зрелище не из привлекательных.

Мы невольно засмеялись. У человечка выкатились глаза на лоб. Он задыхался от натуги и от жадности.

— Работа не закончена, — повторил профессор. — Приходите через полгода. Может быть, они и признают то, что все признали.

Мы простились с радушным профессором и вышли на шумную улицу, радуясь простым, разумным лицам живых людей.

С. Маршак

ХОЛОДНЫЙ ДОМ

В газетах сказано о том,
Что продан Диккенсовский дом,

Публично, именем закона,
Дом «Копперфильда» и «Сверчка»
Оценщики аукциона
На днях пустили с молотка.

Бедняга Диккенс много лет
Лежит в Вестминстерском аббатстве.
Он не узнает из газет
Об этом новом святотатстве...

Клубится лондонский туман
И с фонарями улиц спорит,
Как в дни, когда писал роман
Покойный автор «Крошки Доррит».

По-прежнему издалека
Мы слышим крик зеленщика.
И запах устрицы и травки
Доносится из ближней лавки.

Во мгле продрогнув до костей,
По переулкам бродят дети...
Но нет уж Диккенса на свете,
Певца заброшенных детей.

Его уж нет. И продан дом,
Где жил поэт, чужак, мечтатель.
Пойдет ли здание в наем
Иль будет отдано на слом —
Решит случайный покупатель...

Будь этот дом в стране труда,
А не в столице лейбористов,
Его бы, право, никогда
Не описал судебный пристав.

В музей он был бы превращен,
Очищен от столетней пыли.
Туда бы школьники ходили
По воскресеньям на поклон.

И вновь бы ожил дом холодный,
Видавший столько перемен...
Среди его старинных стен
Не умолкал бы шум народный.

Согрел бы их людской поток,
И жадно слушали бы дети,
Не затрещит ли в кабинете
Приятель Диккенса — сверчок.

АНТИАМЕРИКАНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИСТЕРА ТОМАСА

Давно ли мистер Томас
Метал раскаты грома
С трибуны на врагов
И всем грозя террором,
Был главным контролером
По линии мозгов?

А нынче где же Томас?
Лакей твердит: — Нет дома-с.
Ушли они в конгресс! —
Но нет его в конгрессе.
Он, если верить прессе,
Уехал на процесс.

Кого же он там судит?
Кто новой жертвой будет?
Нет, вызванный к судье,
Не за столом судейским,
А рядом с полицейским
Сидит он на скамье...

В комиссии сената
Он чистил всех когда-то,
Безжалостен и строг,
И так очистил Штаты,
Что произвел растраты
И совершил подлог...

БЕЗДОННЫЙ ЧАН

Спасти желая Гоминдан,
Банкиры-торгаши
Бросали деньги в старый чан —
Бездонный чан кай-ши.

Но все, что дали янки —
Орудия, и танки,
И банки молока,
Табак, автомобили, —
В боях перехватили
Народные войска.

Теперь бездонный этот чан
Причалил к острову Тайван,
И там его останки
Чинить собрались янки.

Пришлось убыток свой списать
В Китае англичанам,
А янки возятся опять
С пустым и ржавым чапом.

Но, дядя Сам, ты свой карман
До дна опустоши,
А не спасешь дырявый чан,
Бездонный чан кай-ши!

ДОЛЛАР И ФУНТ

Над Темзою в старинном банке
Сошлись на несколько секунд
Английский фунт
И горделивый доллар янки.

— Мое почтенье, старый друг! —
Сказал американец гордо. —
Как изменил тебя недуг!
Ты на ногах стоишь нетвердо.
Скорее покорись судьбе.
Тебе поможет лишь больница.
И я советую тебе
На девальвацию ложиться!
Ты потеряешь фунт—другой,
Бодрее станешь и моложе,
И для тебя, мой дорогой,
Я сделаюсь еще дороже...
Ну, прекрати свой тихий бунт!

— Ах, — простонал английский фунт,
И стон его был глух и гневен. —
Я у тебя давно в плену,
С тех пор, как Черчилль, Этли, Бевин
Тебе продали страну.
Я стал валютою колонии,
Как марка жалкая Бизонии!..

Так отвечал английский фунт
И стал пред долларом во фрунт.

СКАЗКА ПРО КУРОЧКУ РЯБУ

У Джона Буля в дни былые
Рябая курочка была.
Яички курочка несла,
И не простые —
Золотые.

Приятель Джона, дядя Сам,
Куратину любивший сам,
Сказал: — Привычка к яйцам свежим

В преклонном возрасте вредна.
Давай наседку мы зарежем, —
Она червонцами полна!
Доверясь хитрому соседу,
Джон Буль пошел на птичий двор
И режет курицу к обеду...
Яиц не стало с этих пор.
А золота внутри у птицы
Не оказалось и крупицы...

— Не плачь! — промолвил дядя Сам. —
Тебе я в утешенье дам
В кредит и за расчет наличный
Отличный
Порошок яичный!
Его десятки тысяч тонн
Доставить может Вашингтон...

Мораль короткой этой басни:
Корыстный друг врага опасней.
Он вашу курицу — в горшок,
А вам — яичный порошок!

**БАЛЛАДА
О МУЗЫКАЛЬНОМ РЕЦЕНЗЕНТЕ,
АМЕРИКАНСКОМ ПРЕЗИДЕНТЕ
И ЕГО БЕЗГОЛОСОЙ ДОЧЕРИ**

Он был рецензент музыкальный,
Она президентская дочь.
О ней написал он статейку
В ненастную зимнюю ночь.

Печата в местной газете
О новом концерте отчет,
Писал он, что дочь президента
Неверные ноты берет.

Но, видно, неверную ноту
Нечаянно взял рецензент.
Ему сокрушительной нотой
Ответил отец-президент.

Грозит он оставить без носа,
Потом в порошок истолочь
Того, кто посмел безголосой
Назвать президентскую дочь.

Гремящим своим красноречьем
Давно президент знаменит.
В письме он не только увечьем —
Войной рецензенту грозит.

Права президента огромны, —
И может в единый момент
Погибнуть от бомбы атомной
Поднявший перо рецензент.

Молчи, журналист желторотый!
Авось ты поймешь, наконец,
Какие высокие ноты
Берет за певицу отец!

Леонид Лени

ОДНА ФРАЗА

Маленькая американская девочка однажды сказала фразу, которую потом — на весь мир! — произнес с трибуны конгресса сторонников мира один из делегатов конгресса.

Когда я думаю об этой спешной и страшной фразе, я понимаю, что американская девочка не могла произнести ее так просто, в порядке гениального озарения. Бедный ребенок был вынужден сказать эти простодушные и дикие слова. Его довели.

И мне представляется, что жизнь девочки из Сан-Франциско в тот день, когда она обратилась к своей матери с этим потрясающим предложением, сложилась так.

Утром за завтраком папа, просматривая газеты, сказал маме:

— Посмотри-ка на эту карикатуру! Здорово нарисовано!.. Вот это — видишь? — пещера в скалистых горах, в которой будет укрываться от бомбежек наше правительство, когда начнется война. Вот это пенек нашего обожаемого президента. А в этой луже — видишь? — разместился государственный департамент во главе с самым государственным секретарем!.. Довольно комфортабельные апартаменты!..

Мама посмотрела и поджала губы. Потом сказала:

— Они-то найдут себе пещеры получше, будь спокоен. А вот что мы будем делать здесь, во Фриско?!

Девочка с робкой надеждой взглянула на папу: что-то он скажет?..

Папа сказал:

— Да, нам будет худо. Газеты пишут, что атомные бомбы будут сыпаться с неба, как град!..

— Хватит и одной, чтобы от нас ничего не осталось, — сказала мама и снова поджала губы.

Папа, хмурый, толстый, в подтяжках, ничего не ответил, только вздохнул, прожевывая яичницу: торопился в своей «оффис». Конечно, он не бог весть какой папа, но все-таки это папа! Жалко будет, если от него ничего не останется.

Мама спросила:

— А что: положение очень серьезное?

— Очень! Вот видишь, тут прямо пишут, что надо начинать превентивную войну против русских и китайцев. Сама понимаешь, чем это пахнет... Мы кинем на них, а они начнут кидать на нас! И пойдет!..

— Если у них есть, что кидать на нас, — сказала рассудительная мама, — тогда, по-моему, лучше уже не кидать на них!

— А в таком случае они придут сюда, в Штаты, и установят у нас свой коммунизм. Так здесь пишут.

— Ты веришь в это?

— Нет! По-моему, это чехупа. Но так пишут.

Девочка не выдержала и вмешалась с разговор:

— Папа, — сказала она, — а что если кинуть с неба не атомную бомбу, а того, кто пишет?

Папа побагровел и зашипел, как кот Прикс, когда его схватишь за хвост:

— Тс-сс!.. Тиш-ше!.. В федеральное бюро захотела?

И мама тоже рассердилась:

— Дороти, зачем ты слушаешь, о чем говорят папа с мамой? Марш из-за стола! И сейчас же забудь все, о чем мы говорили!..

Пришлось встать из-за стола и уйти в сад. А там девочку уже поджидал приятель — мальчик Дик, обыкновенный американский маленький мальчик с игрушечной «атомкой» в одной руке, с игрушечным «маузером» в другой и с игрушечным карабином за плечами.

— Здорово, Дороти! — сказал Дик, который был

чуть постарше девочки. — Почему у тебя глаза красные? Ревела?

— Немножко! — честно призналась девочка.

— Выпороли?

— Пока нет!..

— Чего же ты ревела, корова?

— Мне очень жалко папу и маму, Дик!.. От них скоро ничего не останется... Папа сказал, что атомные бомбы будут сыпаться, как град!.. Скажи, Дик, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы они не сыпались оттуда, с неба?

— Дура ты! — сказал осведомленный Дик. — Откуда же ещё могут сыпаться бомбы, как не с неба?.. Не из бабушкиного же чулка!.. Между прочим, они все рвут вот в такие клочки!

— И детей... тоже в клочки?!

— И детей в клочки... Давай немножко поиграем, Дороти!..

— Давай, Дик! Во что?

— В войну!

— Я не хочу в войну.

— А я в другое не умею. Слушай, я буду реактивным бомбардировщиком, а ты этим... вражеским городом. Встань сюда, а я влезу на дерево и сброшу на тебя свою «бомбу». Посмотри, какая красивая! Это мне дядя Роберт подарил!

— Я не хочу, не хочу!

— Ну, на одну минуточку, Дороти. Я только разорву тебя в клочки, а потом мы что-нибудь еще придумаем. Постой! Куда ты, Дороти, обожди!..

«Реактивный бомбардировщик» погнался за удиравшим «вражеским городом», но, споткнувшись о корень, проехался носом по песку дорожки и потерпел серьезную аварию.

Девочка скрылась в доме.

Но и здесь было не сладко, потому что говорило радио. Сердитый мужской голос, хриплый и очень страшный, зывал:

— Мы превратим небо и землю в пылающий ад! Мы забросаем их атомными и водородными бомбами! Мы будем убивать взрослых за работой, стариков за молитвой и детей в колыбели!..

Хриплый голос вселял ужас и тревогу в истомившееся сердце девочки. Она вскрикнула: «Мама!» — и бросилась в комнату к матери. А мама была в комнате не одна: с ней сидела незнакомая худая тетя и что-то рассказывала. Мама строго поглядела на девочку, велела одернуть платице и поздороваться с тетей Реджиной, которая только вчера приехала из Нью-Йорка.

Девочка поздоровалась и тихо села в сторонке.

Худая тетя из Нью-Йорка говорила:

— Настроение у нас у всех подавленное, тревожное. Вы слышали, что было у нас в нью-йоркском метро? Произошло короткое замыкание, поезда остановились, и вдруг кто-то крикнул: «Началось!» Люди бросились в окна, давили друг друга. Думали, что воздушная тревога. Ужасно!.. А газеты? Они же пишут такое, что волосы становятся дыбом. Но ведь русские за мир! Они об этом везде говорят! Зачем же летать и бросать на них?! Они же дадут сдачи!.. Начитаешься всего этого, слушаешься, а потом ходишь по улицам и все посматриваешь на небо. Вдруг оттуда... посыплется!..

И вот тут девочка, сидевшая тихо, радостно захлопала в ладоши и сказала свое:

— Мама, а давай уедем туда, где нет неба!

Бедное дитя!.. Ты и не подозреваешь, что уже живешь в стране без неба! Свинцовое проклятье ненасытных богов наживы висит над твоей маленькой головой, и их жрецы приносят им в жертву и твое детство!..

С. Швецов

ДАЛЛЕС-МОРАЛИСТ

Государственный секретарь США Даллес назвал «аморальной независимую политику нейтральных стран борющихся за мир и не желающих присоединиться к империалистическим военным блокам».

Из газет

Политику нейтральную
Назвал он аморальною,
Его влечет желанная
Агрессия гуманная,
Считает благородною
Он бомбу водородную
И славит идеальный
Режим колониальный!

МАДАМ В ПОХОД СОБРАЛАСЬ...

Жена Чан Кай-ши заявила: «Я совершенно уверена, что континент будет завоеван. Как и когда я не могу сказать, но наши взоры все время устремлены к этой цели».

Сия воинственная дама
Резва совсем не по годам.
И мы должны сказать ей прямо:
— Напрасно пыжитесь, мадам!

Вас ждет финал весьма печальный.
Как ни верти, как ни крути,
Но вам в Китай континентальный
Навек заказаны пути.

Ваш муж — банкрот. К чему угрозы!
Они Китай не устроят.
Он скоро вышвырнет с Формозы
И вас и ваших чанкайшат!

ОСАТАНЕЛЫИ «ДЕМОКРАТ»

Датский социал-демократ Эрхардт Якобсен заявил: «Если дело идет к войне с Россией, я готов сотрудничать хоть с самим сатаной и глубоко сожалею, что нам не удалось разместить в Дании иностранные войска».

В антисоветском буйном раже
Грозя пойти на нас войной,
Готов вступить он в сделку даже
С самым нью-йоркским сатаной!

Как видно по его признанию,
Предателя грызет тоска,
Что до сих пор не вторглись в Данию
Заокеанские войска...

Он видит счастье датской нации
В американской оккупации!

ПОМОЩЬ СО ВЗЛОМОМ

Лисынмановское министерство культуры и просвещения заявило о «гибели во время пожара» в Пусане многих исторических ценностей. В действительности же эти национальные сокровища корейского народа расхищены американскими империалистами.

Явившись восстанавливать Корею,
Американцы, на правах друзей,
Картинную украли галерею,
Средь бела дня разграбили музей...

Хоть Ли Сын Ман их защищает яро, —
Не скроет он неблагоприятных дел:
В музее вовсе не было пожара,
Но дядя Сэм там руки понагрел!

В. Круглов

ПРОЦВЕТАЮЩИЙ ВИД ИСКУССТВА

Было бы не совсем точно утверждать, что в Соединенных Штатах Америки деградируют все виды искусства. Справедливости ради следует признать, что искусство выколачивать из народа деньги поднято там на небывалую высоту.

Искусство делать деньги всеобъемлюще: оно вбирает в свою орбиту представителей самых различных групп мастеров бизнеса и вторгается в самые неожиданные области заокеанского быта; оно предельно индивидуализировано.

Тем не менее мелких и средних бизнесменов роднит с крупными общность мировоззрения: для всех них в равной мере оскорбителен вид доллара, находящегося в чужих руках.

Значительным творческим и, разумеется, финансовым успехом пользуются организаторы «сверхоригинальных» состязаний. Любители сильных ощущений находят массу интересного в борьбе, где поощряется выдавливание глаз и вырывание волос, а также в состязаниях по вольно-американской борьбе на своеобразном «ковре» из дохлой рыбы. Неожиданно, свежо, остро! Преуспевающий американец может от души повеселиться, взяв билет на выступление знаменитой девятнадцатилетней девушки из Филадельфии, установившей мировой рекорд слезоточе-

ния непрерывным четырехчасовым рыданием. Тонким гастрономам представлена возможность оценить подлинное искусство мистера Вайнтрауба из Атлантик-сити или мистера Джо Ганона из Сиэтла, красиво поглощающих полторы сотни устриц за какие-нибудь 8—10 минут.

К сожалению, любители оригинальных видов состязаний не смогут больше насладиться мастерством Джорджа Мэттера — рекордсмена по иканию. Переикав всех соперников на матче в Вест Палм Биче, мировой чемпион так и не смог остановиться. Не переставая икать, он был доставлен во флоридский госпиталь и там поставил втупик весь медицинский персонал. Не помогла и сильная доза снотворного: крепко спящий рекордсмен продолжал бодро икать. Это уже было слишком. Превратившись из творческой единицы в безотказно действующий механический икатель, Джо Мэттер, увы, сошел со сцены.

Ряды работников доллародобывающего искусства приятно оживляют определенные группы опытных в этом деле американских писателей. Вдохновляемые не устаревшей музой, а божеством Доллара, в литературу приходят все новые силы. Так, например, заключенные в тюрьму Нью-Джерси гангстеры творчески объединились в «комбинат и союз писателей». Задача — создание мемуаров лучших представителей армии «джентльменов удачи». Произведения пересылаются через администрацию тюрьмы лишь в наиболее солидные еженедельные издания. Доходы делятся поровну между тюремщиками и писателями-убийцами.

Видимо, воодушевляющий пример этих начинающих писателей побудил старого литератора Вернона Тутчелла из Лос-Анжелоса опубликовать специальное исследование на тему «жизнь без спиртных напитков». Автор обнаружил глубокое знание не столько литературы, сколько спиртного, что и засвидетельствовал судья штата, приговоривший Тутчелла к штрафу за непрерывное пьянство.

С творцами мемуарно-гангстерской и питейной литературы успешно конкурируют мастера порнографии. Их искусство делать деньги так высоко, что недавно прокурор города Дюбека, в штате Айова, полностью оправдал массового поставщика порнографических книг Нор-

тона, против которого возбудили дело возмущенные матери.

Серьезный вклад в развитие искусства добывать доллары делают страховые компании. Они давно отказались от вульгарного метода, который требует, чтобы литература рассматривала человека в целом. Как опытные анатомы, они расчленили гражданина США на части:

— У вашей жены доброе сердце, — говорит страховой агент любящему супругу. — Застрахуйте сердце вашей жены от порока и... от измены! — И умиленный муж заменяет в своем бумажнике долларовые купюры страховым полисом.

Реклама настойчиво призывает застраховать в отдельности любую часть человеческого организма — от голосовых связок до мизинца левой ноги включительно. Так, страховой полис в пять тысяч долларов на случай пожара и кражи своей бороды приобрел киноактер М. Оули, справедливо полагающий, что сей волосяной покров — единственный виновник его творческих успехов.

Продажа сувениров — одна из ярких разновидностей искусства доллародобыwania. Сувенироманию по силе ее распространения в США можно сравнить лишь с эпидемией оспы в районе, где не делают прививок.

Комиссия по модернизации Белого дома широко использует сувенироманию:

Двадцать пять центов за кусочек дранки от штукурки из кабинета президента! Сто долларов за кирпичи для сооружения камина! Принадлежность к Белому дому гарантируется!

Но разве могут деревянные гвозди ручной работы, взятые из Белого дома, идти в сравнение с сувенирами из Хиросимы? Ведь на этот город по приказу Трумэна была сброшена атомная бомба уже тогда, когда Советская Армия разгромила японскую армию!

Ах, эта милая сердцу агрессивных американцев разорвавшаяся бомба! Воспоминания о ней так свежи, так волнующи!.. Разрушенный город, около двухсот тысяч сожженных людей! Эти воспоминания тем более приятны, что Гарри Трумэн обещал:

— Я это сделал, и, должен сказать вам, я это сделаю снова, если заставят обстоятельства.

Как не купить сувенир из Хиросимы?

Вот почему американские туристские бюро широко рекламируют путешествие в Хиросиму. Лондонский «Таймс» любезно информирует читателей, что американцы организовали бойкую торговлю сувенирами «на память о Хиросиме». Обломки кирпича, кусочки обгоревших костей и прочие атомные реликвии — все идет в ход для продажи с целью пропаганды атомной агрессии и наживы.

Атомный психоз трясет Америку. Атомный бизнес разжигает его. И скачут вверх прибыли больших и малых бизнесменов — от владельца атомных заводов Моргана до мистера Тинека, сооружающего скоростными методами обычные погреба, находчиво называемые «семейными атомными бомбоубежищами», на пять—десять и более персон.

Захватив кафедру технического колледжа вооруженных сил, некий полковник американской армии продает результаты своих «точных расчетов»:

— В случае атомного нападения на Нью-Йорк, которое, я гарантирую это, случится, сто тысяч будут убиты, сорок тысяч получают ужасные ожоги, потребуется четыре миллиона пинт крови, две мили бинтов...

Перепуганный обыватель, доллары которого перекочевали в карман точного полковника, снова хватается за бумажник, ибо на глаза ему попадается объявление в газете «Лос-Анжелос таймс»:

«Защищайте себя от заражения и ожогов атомным капюшоном! Приобретайте противоатомный капюшон, пока вы живы! Или вы предпочитаете найти убежище в сумасшедшем доме уже теперь?».

Подавить сознание американских граждан неизбежностью атомной войны — такую цель ставят перед собой поджигатели новой войны. Для этой цели хороши все средства. Тем более, что это искусство сочетает в себе богатейшие возможности быть полезным монополиям и делать деньги. Наряду с большими атомщиками, наживающими на производстве атомных бомб миллиарды, съедается атомная мелюзга.

«Каждый может получить свою долю!» — этот лозунг заманчиво ласкает уши предпринимателей. Вот почему искусные кондитеры выпускают особые, грибообразные «атомные торты», напоминающие облако дыма от

взрыва бомбы. Вот почему мастера модных причесок «атом» высоко взбивают волосы американских леди. Вот почему журналисты восторженно описывают «атомную ножку» и «атомный бюст» очередной восходящей кинозвезды.

Печать, радио, кино, реклама объединенными усилиями вдавливают в голову беззащитного американского обывателя мысль о неизбежности новой войны. Так под видом «мобилизации для обороны» американские атомщики стремятся «морально оправдать» новую бойню.

И за всем этим — деньги. Тысячи, миллионы, миллиарды.

Разумеется, миллионеры и миллиардеры — это уважаемые мастера бизнеса. Те, кто наживает тысячи, — презренная мелочь, безгласные статисты. Ибо, как авторитетно заявил герой одного из памфлетов М. Горького, большой специалист делать деньги, «человек, у которого есть пятьсот долларов, в десять раз лучше того, который имеет только пятьдесят...».

НЕУМИРАЮЩИЙ БИЗНЕС

(В американском колледже)

— Джентльмены! Прежде чем начать свою вступительную лекцию, я хочу поздравить вас с выбором замечательной профессии. До конца своих дней вы не пожалеете, что встали на прямой, надежный путь нашего неумирающего бизнеса, для которого не существует неблагоприятной конъюнктуры. Нам не страшны кризисы и спад производства. Мы делаем деньги наверняка, без риска и волнений. Мы с уверенностью можем сказать, что перед нами все более светлые и радостные перспективы.

Итак, в чем гарантия неиссякаемой прибыльности нашего дела, в чем секрет его успехов, не зависящих от того, кто стоит у власти — слоны или ослы?*

Практик по призванию, я, тем не менее, постараюсь подвести некоторую теоретическую базу под этот вопрос.

---

* Эмблемы правящих партий США: слон — республиканской, осел — демократической.

Снарядить гражданина Соединенных Штатов в последний путь, оборудовать ему вечное жилище — вот что составляет предмет нашего бизнеса.

В Америке, как авторитетно свидетельствует журнал «Ньюс-уик», имеется двадцать пять тысяч похоронных бюро и пятьсот двадцать крупных фирм по производству гробов. Согласитесь, что проблема подготовки кадров для этой процветающей отрасли экономики чрезвычайно сложна. Вот почему в нашей стране двадцать четыре колледжа заняты воспитанием высококвалифицированного персонала для обслуживания покойников.

В одном из них мы и собрались с вами для того, чтобы вы могли овладеть всей суммой знаний и накопленного опыта по организации погребения. И мне предстоит ввести вас, уважаемые джентльмены, в курс дела, поведать основные его принципы и специфические черты. Я приступаю к выполнению этой задачи во всеоружии фактов и обобщений. В качестве руководителя молодого, но бурно прогрессирующего похоронного бюро я, как мне думается, смогу сообщить вам кое-что полезное. Я познакомлю вас также с наиболее значительными достижениями и остроумными приемами из практики других похоронных бюро, таких, как «Фратернэл фюнерал хоум», «Эмболмерс сапплай компани», «Аттер-Маккинли морчуарис».

Два года назад вы могли прочесть в нью-йоркских газетах такую рекламу-некролог:

«Композитор Джеймс Браун имеет честь довести до сведения своих почитателей, что всемогущий бог призвал к себе его жену Мэри Браун. Сочиненный по этому поводу Джеймсом Брауном похоронный марш выпущен издательством «Смит Лимитед Нью-Йорк» и продается по цене два доллара за партитуру для рояля и три доллара — для оркестра. Первое исполнение марша состоится на похоронах завтра в одиннадцать ноль-ноль. Спешите приобрести».

Деловой музыкант заработал некоторое количество долларов на смерти своей собственной супруги. Это исключительный случай. Нормально другое: родственники тратят доллары на похороны своих близких, и чем больше, тем лучше. «Расходы близких покойного — наши доходы!» — таков девиз нашей фирмы.

Весть о кончине американца приходит к нам в бюро с быстротой хорошо смазанной молнии. Горестная кончина кого-либо из наших подопечных кладет начало нашей оживленной деятельности.

— Хелло, сэри! — звонит мне агент. — Мистер Симпл мертв, как дверной гвоздь. Ваши указания?

— Тысячу долларов! — отвечаю я, заглянув в донесение обслуживающего нас агента страховой компании.

Тысяча долларов — это сумма, на которую был застрахован Симпл. Стоимость его похорон поэтому я определил в тысячу долларов, и ни цента меньше.

Вернуть покойному все, что ему принадлежит, — наш благородный принцип. Поощрить родственников, быть щедрыми — наш святой долг. Отрицательное явление — «мертвый капитал» мы обращаем в положительное — «мертвый делает капитал».

Умирают, как известно, лишь один раз. Следовательно, выражаясь скупым языком цифр, количество смертей в семье равно количеству ее членов. Для нас же, обслуживающих тысячи семей, как говорится, что ни рыба, то в сеть. Мы оставляем покойника в покое лишь в том случае, если он гол, как обглоданная кость, и одинок, как монета в кармане бедняка.

Вы спросите: могут ли родственники похоронить умершего сообразно со своими склонностями и средствами? Едва ли. Цены на погребальный обряд не зависят от вкусов и желаний заказчиков.

Великое дело монополия! Рабочий докер Мэллон из Пенсильвании скопил за свою долгую жизнь тысячу триста пятьдесят один доллар. После смерти Мэллона местный гробовщик за небольшое вознаграждение разгадал тайну вклада и немедленно организовал похороны стоимостью как раз в тысячу триста пятьдесят один доллар.

— Не протестуют ли родственники? — спросите вы.

Разумеется, протестуют. Но христианское терпение и любовь к ближнему побеждают самых упорных. Тем более, что все преимущества на нашей стороне. Не было случая, могу заверить вас, чтобы метод торможения похорон не оправдывал себя.

Стенания, мольбы и угрозы родственников — единственная темная сторона нашего светлого бизнеса. Но

что же делать? Кто хочет иметь яйца, должен мириться с кудахтаньем курицы.

Все мы здесь свои люди, и я раскрою некоторые тайны нашей профессии, непосредственно связанные с политической экономией. Речь идет о стоимости и цене.

«Включите экран, пожалуйста!.. Перед вами комфортабельный металлический гроб, не проницаемый для воды, воздуха и микробов. Он может находиться в земле пятьдесят лет и выше, до вечности!» Так мы пропагандируем нашу продукцию. Между нами говоря, никто не знает, как ведет себя данный гроб в могиле, поскольку он в могиле не был, хотя покупали его неоднократно. Такая невинная замена оригинала копией, что мы называем «оборотом гробов», приносит фирмам дополнительные доходы.

Поскольку я коснулся категорий политэкономии, позволю себе несколько расширить теоретическую часть лекции. Много раз я задавал себе вопрос: что в нашей стране способствует процветанию похоронного бизнеса и что тормозит его? Я пришел к твердому убеждению, что самый строй, весь уклад американского образа жизни как бы созданы для ничем не ограниченного расцвета погребального дела. Обратимся к фактам. Кризисы и безработица — неизменный и верный спутник нашей жизни. Чем сильнее экономический кризис, тем больше безработица, тем больше смертей, тем крепче наш бизнес. Вот почему я с полным основанием заявляю, что кризис нам не только не страшен, но даже полезен. Сопутствующие безработице голод и нищета, как каждому из вас ясно, также являются нашими верными союзниками, я бы сказал, надежным и постоянным стимулом для дальнейшего развития и процветания нашего производства.

Великолепные перспективы открывает перед нашими фирмами американское здравоохранение. Как вы знаете, на охрану здоровья населения ассигнуются десятки доли процента американского бюджета. А чем меньше эти затраты, тем больше смертей. Врачи... Часть из них — наши враги, а другая часть — союзники. Одни из них в известной мере задерживают, а другие увеличивают естественный приход клиентов в наши объятия. Но, благодарение богу, врачам не очень-то дают развернуться.

И когда швейцар с высшим медицинским образованием распаивает передо мною двери ресторана, я лишь воздаю должное нашему демократическому строю.

По сообщению органов уголовной полиции, в Вашингтоне за последний год значительно выросло число тяжелых преступлений. Литература, искусство, кино, радио, воспитывающие убийц, льют воду на мельницу нашего бизнеса. Я бы сказал: они еще крепче забивают гвозди в изготовленные нашими фирмами гробы, сыплют землю в проданные нами могилы.

Наш спорт с его мордобитием и превращением противника в бездыханное тело, наши зверские конкурсы и соревнования, наша безумная езда на автомобилях с огромным числом жертв уличного движения, — словом, все, куда ни взгляни, каждая деталь американского образа жизни способствует нашему процветающему бизнесу. Даже временный спад безработицы не пугает нас, ибо он связан всегда с вселяющей в нас бодрость подготовкой к войне. Ну, а война — это высший расцвет нашего бизнеса. Война, как непосредственный источник нашей клиентуры, сулит нам гигантские доходы. Наши парней то и дело куда-либо посылают. Надо только уметь и своевременно подготовиться к очередному «оборонительному мероприятию». Надо поднять на высокий уровень патриотическую кампанию по транспортировке трупов из чужих стран на родную американскую землю. Из большого бизнеса войны мы должны урвать и свой кушечек. К слову говоря, здесь важно изолировать конкурирующие фирмы. Мы сами должны заняться переброской трупов на любые расстояния. Но этого мало. Найдутся, конечно, люди, которые не захотят по разным причинам транспортировать в США своих погибших родственников. Мы должны пойти им навстречу. Мы должны, джентльмены, перенести с нашего континента на поле битв не только американские методы массового уничтожения людей, но и американские методы погребения. Я вижу среди вас, джентльмены, тех энергичных пионеров, которые поплывут за океан и откроют в завоеванных странах отделения наших фирм. Это будет логическим завершением нашего всеобщего похода за утверждение во всем мире американского образа жизни, сущность которого убийственно лаконично сформу-

лировал Марк Твен: «Жалейте живых, завидуйте мертвым».

Я несколько затянул свой попутный экскурс в теорию нашего бизнеса и поэтому снова возвращаюсь к практике.

Я уже говорил вам, что конец жизненного пути гражданина США есть начало нашей бурной деятельности. Я был неточен, джентльмены. Мысль о близости смерти и необходимости встретить ее не с пустыми руками мы начинаем внушать человеку исподволь. Вы идете по улице своего города. Вежливый гражданин вручает вам небольшой пакет с изображением очаровательной дамской ножки. Бросить такую пикантную картинку просто невозможно, тем более что вокруг дамской ножки напечатана программа богослужения на текущую неделю. На обороте пакета стихи:

Когда вы умрете, вы захотите быть как можно ближе
к небу.

Купите себе место для могилы на нашем кладбище!
Оно лежит на высоте тысячи футов над уровнем моря.
Вы можете умереть завтра!

Купите же место для своей могилы заранее, сегодня!

Прочитав эти убедительные строки, человек должен лишь написать на вложенной в конверт открытке с готовым адресом приглашение агенту похоронного бюро.

Мы тонко приучаем людей к мысли о смерти.

Все, разумеется, помнят нашуевшую американскую драму «За океаном». Обманутая женщина убивает мужа и сестру, вступающих в преступную связь. Вы, конечно, помните скромного героя этой драмы — агента городского кладбища, его исполненные тонкого остроумия реплики, которые он умело вставлял в разговор основных персонажей.

— Купите место на кладбище, оно вам понадобится! — советовал дальновидный агент в наиболее патетические моменты. — Купите, не пожалеете! Сухой приговор. Чудный вид из могилы!

Не так уж много пришлось нам заплатить режиссеру за эту вставку.

Напомню еще книгу Линклэйтера «Жуан в Америке». Автор талантливо описывает активную деятельность знаменитого погребального бюро «Ибраим Спус и сын». На

кузовах рекламных автомобилей бюро крупными золотыми буквами было написано:

«Зачем бродить вам по земле полумертвым, когда мы можем похоронить вас за тридцать девять долларов пятьдесят центов!».

Успехи такой, назовем ее условно «предсмертной», пропаганды находятся в прямой зависимости от нашего знания, расторопности и инициативы. Продемонстрирую вам фотографию из журнала «Лайф». Дайте экран! Вы видите этого почтенного бизнесмена сидящим в роскошном гробу. Это мистер Джеймс Нельсон Гернхарт, бывший фермер из Бэрлингтона, штат Колорадо. Он заранее купил себе гроб, место на кладбище и памятник с высеченной на нем надписью. Мистер Гернхарт, примеряя гроб и ощупывая бархатную обивку, изволил шутить:

— Это настоящий комфорт. Пусть гроб стоит две с половиной тысячи долларов, но для меня он бесценен потому, что я поселюсь в нем надолго. Лучше уже заранее сделать все по своему вкусу.

Мало того, практичный мистер Гернхарт устроил репетицию своих похорон с богослужением и выносом тела на кладбище. Жители Бэрлингтона, пишет журнал, стали свидетелями великолепного зрелища. Подумайте только, эта репетиция обошлась уважаемому мистеру Гернхарту всего лишь в четыре тысячи долларов!

Поучительный пример, джентльмены! В своем выдающемся исследовании «Стоимость похорон и похоронные обычаи в Филадельфии» доктор Кепхарт из Пенсильванского университета установил опасную тенденцию богатых людей устраивать дешевые похороны. Популярность мистера Гернхарта заставит кое-кого призадуматься: стоит ли скарденностью бросать тень на свое доброе имя? Но я должен констатировать, что и экономность богатых нам не страшна. Мы люди массового бизнеса. Мы не должны рассчитывать на тысячу долларов одного богатого. Богатые живут долго. Мы должны рассчитывать на доллары тысяч простых людей. Они принесут нам сотни тысяч долларов, миллионы. Долголетие не угрожает простым людям. Как я уже указывал, с долголетием нам помогает бороться сам характер американского образа жизни. Именно он благотворно влияет на приближение средней продолжительности жизни американца к желае-

мому минимуму. А вот мистер Херст, например, пережил не одно поколение агентов похоронного бюро. Он скончался лишь на восемьдесят девятом году своей жизни. Но это не должно вас огорчать, ибо таких, как Херст, единицы. Не они наши основные клиенты. Мы, как и подобает представителям демократической страны, работаем на массы, и нашими главными клиентами являются так называемые «средние американцы». Мы широко используем все наши новейшие достижения техники...

Вы видите рекламу похоронной фирмы «Аттер-Маккилли морчуарис». Страшная картина воображаемого взрыва атомной бомбы над американским городом.

«Что делать во время атомного нападения?» — спрашивает реклама.

И дает простой и ясный совет:

«Позвоните только в одно из шестнадцати отделений фирмы Аттер-Маккиллини. Тотчас будут скомплектованы все необходимые принадлежности для похорон!».

Как видите, вполне скромная и приличная реклама. Почему же выступает против нашего бизнеса, почему порочит его в глазах наших потребителей пресса и, в особенности, журналист Билл Дэвидсон? Дайте срок, я еще подберу ключи к этому самому Биллу Дэвидсону! Он еще будет писать для нашей фирмы рекламные рассказы!

Я подхожу к концу своей обзорной лекции, джентльмены. Мне хочется в заключение отметить одну замечательную сторону нашего бизнеса: это его абсолютную демократичность. Мы с одинаковым усердием служим всем классам и всем расам. Только доллары имеют значение, джентльмены. И только они! Я с полным основанием утверждаю, что в современных Штатах единственными демократическими институтами являются похоронные фирмы.

Я кончил. Призываю вас, джентльмены, к настойчивости и упорству. Будущее ваше обеспечено. Ибо все и вся умирает, а наш похоронный бизнес живет.

Быть может, нам и не вполне удалось передать специфику стиля лекции об американском похоронном бизнесе. (Такие лекции читаются студентам в специальных колледжах, готовящих кадры погребальщиков). Однако все факты, приведенные лектором, абсолютно точны, и они убедительно свидетельствуют о том, что американский образ смерти под стать пресловутому американскому образу жизни.

ЯРМАРКА ЧЕМПИОНОВ

Разгар спортивного сезона на стадионах США, как сообщает газета «Нью-Йорк таймс», был отмечен в Кливленде характерным для американского спорта футбольным состязанием. Местная команда «Кливленд» принимала гостей из Техаса — команду «Нью-Даллас». Противники выступали не в полном составе. Встреча носила полумирный характер и закончилась победой техасцев. Примечательно, что эта встреча не привлекла ни одного зрителя даже из числа самых отъявленных болельщиков. Однако проигрыш и отсутствие зрителей не огорчили хозяев поля. Мало того, эти обстоятельства порадовали их.

Как же протекала встреча? Направо от нас сидели представители команды «Нью-Даллас» во главе со своим менеджером. Налево — соответственно кливлендцы. Были выставлены батареи бутылок с тяжелыми спиртными напитками и тарелки с легкими сэндвичами. Игру начал менеджер «Кливленда»:

— Выпускаю бека Уэлдона Хамбла. Вратарь за ним, как за каменной стеной.

— Рассказывайте это в кливлендских барах! — парировал менеджер «Нью-Далласа».

Далее последовали взаимно отражаемые удары:

— Полторы!

— Восемьсот!

— Тысячу двести!

— Девятьсот!

— Ищите дураков в Техасе!

— Тысячу! Со всем инвентарем.

— Продан! — поспешно выкрикнул спортивный босс Кливленда. — Выпускаю хавбека Боба Финелла.

— Что и говорить, ваш Боб умеет пахать песок. Могу дать за него своего хавбека.

— Какого?

— Шермана Хаурда.

— Заставлять его бегать — все равно, что стегать мертвую лошадь, — сострил кливлендец. — Платите за моего Боба тысячу или давайте вашего Шермана с придачей в двести.

— Это называется поехать за шерстью, а вернуться стриженным, — проворчал техасец и полез за бумажником. — Получайте тысячу двести долларов: две за двух ваших игроков минус восемьсот за моего.

— Итак, фиксируем результаты нашей спортивной встречи, — осклабился кливлендский менеджер. И, поднимая стакан с виски, сказал: — Два один в вашу пользу, коллега...

Открытая, таким образом, еще в конце июля в Кливленде осенняя распродажа футболистов ныне в полном разгаре. Бойко идет торговля живым спортивным товаром не только в Америке, но и в Западной Европе.

Лучший финский футболист Аулис Рютконен перекуплен французским профессиональным клубом «Стад Франсэ». Точно не знаем, за какую сумму, но предполагаем, что по дешевке, завистливо сокрушается шведская газета «Дагенс нюхетер».

Итальянский футбольный клуб «Рома» попал впросак: купил шведского футболиста Оке Ялмарссона, а теперь хочет всучить его французскому клубу «НИС». И почему? Да потому, что удалось перекупить в спортклубе города Палермо датского футболиста Хельге Бронне, не без ехидства разъясняет датская газета «Берлингске тиденде».

Итальянцы, перекупившие датчанина, сбывают французам ранее купленного шведа! Ну чем не международная ярмарка!

Перенесемся в страну классического футбола. Хозяева футбольного клуба «Свэнси» решили запродать своего лучшего форварда Айвора Оллчерча! В погоню за сильным игроком пустились все крупные клубы страны.

Даже гордый «Арсенал» соизволил алчно улыбнуться и предложил хорошую цену.

— Погодите, господа, наберитесь терпения, — говорит менеджер клуба «Свэнси». — Мы продадим Оллчерча. Честное слово джентльмена, продадим. Дайте лишь улучшить наше положение в турнирной таблице. Тогда и забирайте нашего Айвора со всеми его потрохами. О цене сговоримся...

...Закованных в цепи людей продавали некогда рабовладельцы на рынках невольников. Крепче, чем в цепи, закованы контрактами спортсмены Соединенных Штатов и других буржуазных государств. Связанные по рукам и ногам кабальными договорами, спортивные «звезды» Запада поступают в полное распоряжение спортивных боссов. Спортсменов продают и покупают, перепродают и перехватывают ловкие бизнесмены. Их увозят в другие города и другие страны, словно зверей из зоопарка. У них нет и не может быть любимой команды, любимого города. Редкие из них ценой огромных жертв добиваются сомнительной свободы действий. Откупившись от менеджера и уплатив неустойку, они освобождают себя от обязанности продаваться и получают право торговать собою по своему усмотрению.

Вот почему на Западе бытует злая шутка: «Ищите людей, глубоко и остро ненавидящих спорт, среди любителей спорта».

М. Горький

ОДИН ИЗ КОРОЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ

...Стальные, керосиновые и все другие короли Соединенных Штатов всегда смущали мое воображение. Людей, у которых так много денег, я не мог себе представить обыкновенными людьми.

Мне казалось, что у каждого из них по крайней мере три желудка и полтора рта штук зубов во рту. Я был уверен, что миллионер каждый день с шести часов утра и до двенадцати ночи все время, без отдыха — ест. Он истребляет самую дорогую пищу: гусей, индеек, поросят, редиску с маслом, пудинги, кэки и прочие вкусные вещи. К вечеру он так устает работать челюстями, что приказывает жевать пищу неграм, а сам уж только проглатывает ее. Наконец, он совершенно теряет энергию, и, облитого потом, задыхающегося, негры уносят его спать. А наутро, с шести часов, он снова начинает свою мучительную жизнь.

Однако и такое напряжение сил не позволяет ему проесть даже половину процентов с капитала.

Разумеется, такая жизнь тяжела. Но — что же делать? Какой смысл быть миллионером, если ты не можешь съесть больше, чем обыкновенный человек?

Мне казалось, он должен носить белое из парчи, каблуки его сапог подбиты золотыми гвоздями, а на голове, вместо шляпы, что-нибудь из бриллиантов. Его сюртук

сшит из самого дорогого бархата, имеет не менее пятидесяти футов длины и украшен золотыми пуговицами в количестве не меньше трехсот штук. По праздникам он надевает сразу восемь сюртуков и шесть пар брюк. Конечно, это и неудобно и стесняет... Но, будучи таким богатым, нельзя же одеваться, как все...

Карман миллионера я понимал как яму, куда свободно можно спрятать церковь, здание сената и все, что нужно... Однако, представляя емкость живота такого джентльмена, подобной трюму хорошего морского парохода, — я не мог вообразить длину ноги и брюк этого существа. Но я думал, что одеяло, под которым он спит, должно быть не меньше квадратной мили. И если он жует табак, то, разумеется, самый лучший и фунта по два сразу. А если нюхает, так не меньше фунта на один прием. Деньги требуют, чтобы их тратили...

Пальцы его рук обладают удивительным чутьем и волшебной силой удлиняться по желанию: если он, сидя в Нью-Йорке, почувствует, что где-то в Сибири вырос доллар, — он протягивает руку через Берингов пролив и срывает любимое растение, не сходя с места.

Странно, что при всем этом я не мог представить — какой вид имеет голова чудовища. Более того, голова казалась мне совершенно лишней при этой массе мускулов и кости, одушевленной влечением выжимать из всего золото. Вообще мое представление о миллионере не имело законченной формы. В кратких словах, это были прежде всего длинные эластичные руки. Они охватили весь земной шар, приблизили его к большой, темной пасти, и эта пасть сосет, грызет и жует нашу планету, обливая ее жадной слюной, как горячую печеную картофелину...

Можете вообразить мое изумление, когда я, встретив миллионера, увидел, что это самый обыкновенный человек.

Передо мной сидел в глубоком кресле длинный, сухой старик, спокойно сложив на животе нормального размера коричневые сморщенные руки обычной человеческой величины. Дряблая кожа его лица была тщательно выбрита, устало опущенная нижняя губа открывала хорошо сделанные челюсти, они были усажены золотыми зубами. Верхняя губа — бритая, бескровная и тонкая —

плотно прилипла к его жевательной машинке, и когда старик говорил, она почти не двигалась. Его бесцветные глаза не имели бровей, матовый череп был лишен волос. Казалось, что этому лицу немного не хватало кожи и все оно — красноватое, неподвижное и гладкое — напоминало о лице новорожденного ребенка. Трудно было определить — начинает это существо свою жизнь или уже подошло к ее концу... Одет он был тоже как простой смертный. Перстень, часы и зубы — это все золото, какое было на нем. Взятое вместе, оно весило, вероятно, менее полуфунта. В общем этот человек напоминал собой старого слугу из аристократического дома Европы...

Обстановка комнаты, в которой он принял меня, не поражала роскошью, не восхищала красотой. Мебель была солидная, вот все, что можно сказать о ней.

«Вероятно, в этот дом иногда заходят слоны...» — вот какую мысль вызывала мебель.

— Это вы... миллионер? — спросил я, не веря своим глазам.

— О, да! — ответил он, убежденно кивая головой.

Я сделал вид, что верю ему, и решил сразу вывести его на чистую воду.

— Сколько вы можете съесть мяса за завтраком? — поставил я ему вопрос.

— Я не ем мяса — объявил он. — Ломтик апельсина, яйцо, маленькая чашка чая — вот все...

Его невинные глаза младенца тускло блестели передо мной, как две большие капли мутной воды, и я не видел в них ни одной искры лжи.

— Хорошо! — сказал я в недоумении. — Но будьте искренны, скажите мне откровенно — сколько раз в день едите вы?

— Два! — спокойно ответил он. — Завтрак и обед — это вполне достаточно для меня. На обед тарелка супу, белое мясо и что-нибудь сладкое. Фрукты. Чашка кофе. Сигара...

Мое изумление росло с быстротой тыквы. Он смотрел на меня глазами святого. Я перевел дух и сказал:

— Но если это правда, — что же вы делаете с вашими деньгами?

Тогда он немного приподнял плечи, его глаза пошевелились в орбитах, и он ответил:

— Я делаю ими еще деньги.

— Зачем?

— Чтобы сделать еще деньги...

— Зачем? — повторил я.

Он наклонился ко мне, упираясь локтями в ручки кресла, и с оттенком некоторого любопытства спросил:

— Вы — сумасшедший?

— А вы? — ответил я вопросом.

Старик наклонил голову и сквозь золото зубов протянул:

— Забавный малый... Я, может быть, первый раз вижу такого...

После этого он поднял голову и, растянув рот далеко к ушам, стал молча рассматривать меня. Судя по спокойствию его лица, он, видимо, считал себя вполне нормальным человеком. В его галстухе я заметил булавку с небольшим бриллиантом. Имей этот камень величину каблука, я еще понял бы что-нибудь.

— Чем же вы занимаетесь? — спросил я.

— Делаю деньги! — кратко сказал он, подняв плечи.

— Фальшивый монетчик? — с радостью воскликнул я; мне показалось, что я приближаюсь к открытию тайны. Но тут он начал негромко икать. Все его тело вздрагивало, как будто невидимая рука щекотала его под мышками. Его глаза часто мигали.

— Это весело! — сказал он, успокоясь и обливая мое лицо влагой довольного взгляда. — Спросите еще что-нибудь! — предложил он и зачем-то надул щеки.

Я подумал и твердо поставил ему вопрос:

— Как вы делаете деньги?

— А! Понимаю! — сказал он, кивая головой. — Это очень просто. У меня железные дороги. Фермеры производят товар. Я его доставляю на рынки. Рассчитываешь, сколько нужно фермеру денег, чтобы он не умер с голоду и мог работать дальше, а все остальное берешь себе как тариф за провоз. Очень просто.

— Фермеры довольны этим?

— Не все, я думаю! — сказал он с детской простотой. — Но, говорят, все люди ничем и никогда не могут быть довольны. Всегда есть чудаки, которые ворчат...

— Правительство не мешает вам? — скромно спросил я.

— Правительство? — повторил он и задумался, потирая пальцами лоб. Потом, как бы вспомнив что-то, кивнул головой. — Ага... Это те... в Вашингтоне. Нет, они не мешают. Это очень хорошие ребята... Среди них есть кое-кто из моего клуба. Но их редко видишь... Поэтому иногда забываешь о них. Нет, они не мешают, — повторил он и тотчас же с любопытством спросил: — А разве есть правительства, которые мешают людям делать деньги?

Я почувствовал себя смущенным моей наивностью и его мудростью.

— Нет, — тихо сказал я, — я не о том... Я, видите ли, думал, что иногда правительство должно бы запрещать явный грабеж...

— Н-но! — возразил он. — Это идеализм. Здесь это не принято. Правительство не имеет права вмешиваться в частные дела...

Моя скромность увеличивалась перед этой спокойной мудростью ребенка.

— Но разве разорение одним человеком многих — частное дело? — вежливо осведомился я.

— Разорение? — повторил он, широко открыв глаза. — Разорение — это когда дороги рабочие руки. И когда стачка. Но у нас есть эмигранты. Они всегда понижают плату рабочим и охотно замещают стачечников. Когда их наберется в страну достаточно для того, чтобы они дешево работали и много покупали, — все будет хорошо.

Он несколько оживился и стал менее похож на старика и младенца, смешанных в одном лице. Его тонкие, темные пальцы зашевелились, и сухой голос быстрее затрещал в моих ушах.

— Правительство? Это, пожалуй, интересный вопрос, да. Хорошее правительство необходимо. Оно разрешает такие задачи: в стране должно быть столько народа, сколько мне нужно для того, чтобы он купил у меня все, что я хочу продать. Рабочих должно быть столько, чтобы я в них не нуждался. Но — ни одного лишнего! Тогда — не будет социалистов. И стачек. Правительство не должно брать высоких налогов. Все, что может дать народ, — я сам возьму. Вот что я называю — хорошее правительство.

«Он обнаруживает глупость — это несомненный признак сознания своего величия, — подумал я. — Пожалуй, он действительно король...»

— Мне нужно, — продолжал он уверенным и твердым тоном, — чтобы в стране был порядок. Правительство нанимает за небольшую плату разных философов, которые не менее восьми часов каждое воскресенье учат народ уважать законы. Если для этого недостаточно философов — пускайте в дело солдат. Здесь важны не приемы, а только результаты. Потребитель и рабочий обязаны уважать законы. Вот и все! — закончил он, играя пальцами.

«Нет, он не глуп, едва ли он король!» — подумал я и спросил: — Вы довольны современным правительством?

Он ответил не сразу.

— Оно делает меньше, чем может. Я говорю: эмигрантов нужно пока пускать в страну. Но у нас есть политическая свобода, которой они пользуются, — за это нужно заплатить. Пусть же каждый из них привозит с собой хотя бы пятьсот долларов. Человек, у которого есть пятьсот долларов, в десять раз лучше того, который имеет только пятьдесят... Дурные люди — бродяги, нищие, больные и прочие лентяи — нигде не нужны...

— Но ведь это сократит приток эмигрантов... — сказал я.

Старик утвердительно кивнул головой.

— Со временем я предложу совершенно закрыть для них двери в страну. А пока пусть каждый привезет немного золота... Это полезно для страны. Потом, необходимо увеличить срок для получения гражданских прав. Впоследствии его придется вовсе уничтожить. Пусть те, которые желают работать для американцев, — работают, но совсем не следует давать им права американских граждан. Американцев уже довольно сделано. Каждый из них сам способен позаботиться о том, чтобы население страны увеличивалось. Все это — дело правительства. Его необходимо поставить иначе. Члены правительства все должны быть акционерами в промышленных предприятиях — тогда они скорее и легче поймут интересы страны. Теперь мне нужно покупать сенаторов, чтобы

убедить их в необходимости для меня... разных мелочей. Тогда это будет лишнее.

Он вздохнул, дрыгнул ногой и добавил:

— Жизнь видишь правильно только с высоты горы золота.

Теперь, когда его политические взгляды были достаточно ясны, я спросил его:

— А как вы думаете о религии?

— О! — воскликнул он, ударив себя по колену и энергично двигая бровями. — Очень хорошо думаю! Религия — это необходимо народу. Я искренно верю в это. И даже сам по воскресеньям говорю проповеди в церкви... да, как же!

— А что вы говорите? — спросил я.

— Все, что может сказать в церкви истинный христианин, все! — убежденно сказал он. — Я проповедую, конечно, в бедном приходе — бедняки всегда нуждаются в добром слове и отеческом поучении... Я говорю им...

Лицо его на минуту приняло младенческое выражение, но, вслед за тем, он плотно сжал губы и поднял глаза к потолку, где амуры стыдливо закрывали обнаженное тело толстой женщины с розовой кожей йоркширской свиньи. Бесцветные глаза его отразили в своей глубине пестроту красок на потолке и заблестели разноцветными искрами. Он тихо начал:

— Братья и сестры во Христе! Не поддавайтесь внушениям хитрого Дьявола зависти, гоните прочь от себя все земное. Жизнь на земле кратковременна: человек только до сорока лет хороший работник, после сорока его уже не принимают на фабрики. Жизнь — непрочна. Вы работаете, — неверное движение руки — и машина дробит вам кости, — солнечный удар — и готово! Вас везде стерегут болезни, всюду несчастья! Бедный человек подобен слепому на крыше высокого дома, — куда бы он ни пошел, он упадет и разобьется, как говорит апостол Иаков, брат апостола Иуды. Братья! Вы не должны ценить земную жизнь, она — создание Дьявола, похитителя душ. Царство ваше, о милые дети Христа, не от мира сего, как и царство Отца вашего, — оно на небесах. И если вы терпеливо, без жалоб, без ропота, тихо окончите ваш земной путь, он примет вас в селениях рая и наградит вас за труды на земле — вечным блаженством.

Эта жизнь — только чистилище для ваших душ, и чем больше вы страдаете здесь, тем большее блаженство ждет вас там, — как сказал сам апостол Иуда.

Он указал рукою в потолок, подумал и продолжал, холодно и твердо:

— Да, дорогие братья и сестры! Вся эта жизнь пуста и ничтожна, если мы не приносим ее в жертву любви к ближнему, кто бы он ни был. Не отдавайте сердца во власть бесам зависти! Чему вы можете завидовать? Земные блага — это призраки, это игрушки Дьявола. Мы все умрем — богатые и бедные, цари и углекопы, банкиры и чистильщики улиц. В прохладных садах рая, быть может, углекопы станут царями, а царь будет сметать метлой с дорожек сада опавшие листья и бумажки от конфет, которыми вы будете питаться каждый день. Братья! Чего желать на земле, в этом темном лесу греха, где душа плутает, как ребенок? Идите в рай путем любви и кротости, терпите молча все, что выпадает вам на долю. Любите всех и даже унижающих вас...

Он вновь закрыл глаза и, покачиваясь в кресле, продолжал:

— Не слушайте людей, которые возбуждают в сердцах ваших греховное чувство зависти, указывая вам на бедность одних и богатство других. Эти люди — посланники Дьявола, господь запрещает завидовать ближнему. И богатые бедны, они бедны любовью к ним. «Возлюбите богатого, ибо он есть избраннык божий!» — возкликнул Иуда, брат господень, первосвященник храма. Не внимайте проповеди равенства и других измышлений Дьявола. Что значит равенство здесь, на земле? Стремитесь только сравняться друг с другом в чистоте души пред лицом бога вашего. Несите терпеливо крест ваш, и покорность облегчит вам эту ношу. С вами бог, дети мои, и больше вам ничего не нужно!

Старик замолчал, расширив рот, и, блестя золотом зубов, с торжеством посмотрел на меня.

— Вы хорошо пользуетесь религией! — заметил я.

— О, да! Я знаю цену ей, — сказал он. — Повторяю вам — религия необходима для бедных. Мне она нравится. На земле все принадлежит Дьяволу, говорит она. О человек, если хочешь спасти душу, не желай и ничего не трогай здесь, на земле! Ты насладишься жизнью пос-

ле смерти — на небе все для тебя! Когда люди верят в это — с ними легко иметь дело. Да. Религия — масло. Чем обильнее мы будем смазывать ею машину жизни, тем меньше будет трения частей, тем легче задача машиниста...

«Да, он король!» — решил я и почтительно спросил у этого недавнего потомка свинопаса:

— А вы себя считаете христианином?

— О да, конечно! — воскликнул он с полным убеждением. — Но, — он поднял руку кверху и внушительно сказал: — я в то же время американец, и, как таковой, я строгий моралист...

Его лицо приняло выражение драматическое: он оттопырил губы и подвинул уши к носу.

— Что вы хотите сказать?.. — понизив голос, осведомился я.

— Пусть это будет между нами! — тихо предупредил он. — Для американца невозможно признать Христа!

— Невозможно? — шепотом спросил я после паузы.

— Конечно, нет! — подтвердил он тоже шепотом.

— А почему? — спросил я, помолчав.

— Он — незаконнорожденный! — Старик подмигнул мне глазом и оглянулся вокруг. — Вы понимаете? Незаконнорожденный в Америке не может быть не только богом, но даже чиновником. Его нигде не принимают в приличном обществе. За него не выйдет замуж ни одна девушка. О, мы очень строги! А если бы мы признали Христа — нам пришлось бы признавать всех незаконнорожденных порядочными людьми... даже если это дети негра и белой. Подумайте, как это ужасно! А?

Должно быть, это было действительно ужасно — глаза старика позеленели и стали круглыми, как у совы. Он с усилием подтянул нижнюю губу кверху и плотно приклеил ее к зубам. Вероятно, он полагал, что эта гримаса сделает его лицо внушительным и строгим.

— А негра вы никак не можете признать за человека? — осведомился я, подавленный моралью демократической страны.

— Вот наивный малый! — воскликнул он с сожалением. — Да ведь они же черные! И от них пахнет. Мы линчуем негра, лишь только узнаем, что он жил с белой, как с женой. Сейчас его за шею веревкой и на дерево...

без проволочек! Мы очень строги, если дело касается морали...

Он внушал мне теперь то почтение, с которым невольно относишься к несвежему трупу. Но я взялся за дело и должен исполнить его до конца. Я продолжал ставить вопросы, желая ускорить процесс истязания правды, свободы, разума и всего светлого, во что я верю.

— Как вы относитесь к социалистам?

— Они-то и есть слуги Дьявола! — быстро отозвался он, ударив себя ладонью по колену. — Социалисты — песок в машине жизни, песок, который, проникая всюду, расстраивает правильную работу механизма. У хорошего правительства не должно быть социалистов. В Америке они рождаются. Значит — люди в Вашингтоне не вполне ясно понимают свои задачи. Они должны лишать социалистов гражданских прав. Это уже кое-что. Я говорю — правительство должно стоять ближе к жизни. Для этого все его члены должны быть набираемы в среде миллионеров. Так!

— Вы очень цельный человек? — сказал я.

— О, да! — согласился он, утвердительно кивая головой. Теперь с его лица совершенно исчезло все детское и на щеках явились глубокие морщины.

Мне захотелось спросить его об искусстве.

— Как вы относитесь... — начал я, но он поднял палец и заговорил сам:

— В голове социалиста — атеизм, в животе у него — анархизм. Его душа окрылена Дьяволом, крыльями безумия и злобы... Для борьбы с социалистом необходимо иметь больше религии и солдат. Религия — против атеизма, солдаты — для анархии. Сначала — насыпьте в голову социалиста свинца церковных проповедей. Если это не вылечит его — пусть солдаты набросают ему свинца в живот!..

Он убежденно кивнул головой и твердо сказал:

— Велика сила Дьявола!

— О, да! — охотно согласился я.

Впервые наблюдал я силу влияния Желтого Дьявола — Золота — в такой яркой форме. Сухие, просверленные подагрой и ревматизмом кости старика, его слабое, истощенное тело в мешке старой кожи, вся эта небольшая куча ветхого хлама была теперь воодушевлена

холодной и жесткой волей Желтого Отца лжи и духовного разврата. Глаза старика сверкали, как две новые монеты, и весь он стал крепче и суше. Теперь он еще больше походил на слугу, но я уже знал, кто его господин.

— Что вы думаете об искусстве? — спросил я.

Он взглянул на меня, провел рукой по своему лицу и стер с него выражение жесткой злобы. Снова что-то младенческое явилось на этом лице.

— Как вы сказали? — спросил он.

— Что вы думаете об искусстве?

— О! — спокойно отозвался он. — Я не думаю о нем, я просто покупаю его...

— Мне это известно. Но, может быть, у вас есть свои взгляды и требования к нему?

— А! Конечно, я имею требования... Оно должно быть забавно, это искусство, — вот чего я требую. Нужно, чтобы я смеялся. В моем деле мало смешного. Необходимо впрыснуть мозг иногда чем-нибудь успокаивающим... а иногда возбуждающим энергию тела. Когда искусство делают на потолке или на стенах, оно должно возбуждать аппетит... Рекламы следует писать самыми лучшими, яркими красками. Нужно, чтобы реклама схватила вас за нос издали, еще за милю от нее, и сразу привела, куда она зовет. Тогда она оправдывает деньги. Статуи или вазы — всегда лучше из бронзы, чем из мрамора или фарфора: прислуга не так часто ломает бронзу, как фарфор. Очень хорошо — бои петухов и травля крыс. Это я видел в Лондоне... очень хорошо! Бокс — тоже хорошо, но не следует допускать убийства... Музыка должна быть патриотична. Марш — это всегда хорошо, но лучший марш — американский. Америка — лучшая страна мира, — вот почему американская музыка лучше всех на земле. Хорошая музыка всегда там, где хорошие люди. Американцы — лучшие люди земли. У них больше всего денег. Никто не имеет столько денег, как мы. Поэтому к нам скоро приедет весь мир...

Я слушал, как самодовольно болтал этот больной ребенок, и с благодарностью думал о дикарях Тасмании. Говорят, и они тоже людоеды, но у них все-таки развито эстетическое чувство.

— Вы бываете в театре? — спросил я старого раба

Желтого Дьявола, чтобы остановить его хвастовство, страной, которую он осквернил своей жизнью.

— Театр? О, да! Я знаю, это тоже искусство! — уверенно сказал он.

— А что вам нравится в театре?

— Хорошо, когда много молодых дам декольте, а вы сидите выше их! — ответил он, подумав.

— Что вы любите больше всего в театре? — спросил я, приходя в отчаяние.

— О! — воскликнул он, раздвинув рот во всю ширину щек. — Конечно, артисток, как все люди... Если артистки красивы и молоды — они всегда искусны. Но трудно угадать сразу, которая действительно молода. Они все так хорошо притворяются. Я понимаю, это их ремесло. Но иногда думаешь — ага, вот это девушка! Потом оказывается, что ей пятьдесят лет и она имела не менее двухсот любовников. Это уже неприятно... Артистки цирка лучше артисток театра. Они почти всегда моложе и более гибки...

Он, видимо, был хорошим знатоком в этой области. Даже я, закоренелый грешник, всю жизнь утопавший в пороках, многое узнал от него только впервые.

— А как вам нравятся стихи? — спросил я его.

— Стихи? — переспросил он, опуская глаза к сапогам и наморщив лоб. Подумал и, вскинув голову, показал мне все зубы сразу. — Стихи? О, да! Мне очень нравятся стихи. Жизнь будет очень весела, когда все начнут печатать рекламы в стихах.

— Кто ваш любимый поэт? — поспешил я поставить другой вопрос.

Старик взглянул на меня в недоумении и медленно спросил:

— Как вы сказали?

Я повторил вопрос.

— Гм... вы очень забавный малый! — сказал он, с сомнением качая головой. — За что же буду я любить поэта? И зачем нужно любить его?

— Извините меня! — произнес я, отирая пот со лба. — Я хотел спросить вас, какая ваша любимая книга? Я исключаю книжку чеков...

— О! Это другое дело! — согласился он. — Я люблю две книги — Библию и Главную Бухгалтерскую. Они

обе одинаково вдохновляют ум. Уже когда берешь их в руки, — чувствуешь, что в них сила, которая дает тебе все, что нужно.

«Он издевается надо мной!» — подумал я и внимательно взглянул в его лицо. Нет. Его глаза убивали всякое сомнение в искренности этого младенца. Он сидел в кресле, как высушенное ядро ореха в своей скорлупе, и было видно, что он уверен в истине своих слов.

— Да! — продолжал он, рассматривая ногти. — Это вполне хорошие книги! Одну написали пророки, другую создал я сам. В моей книге мало слов. В ней цифры. Они рассказывают о том, что может сделать человек, если захочет работать честно и усердно. После моей смерти правительство должно бы опубликовать мою книгу. Пусть люди видят, как нужно идти, чтобы подняться на эту высоту.

И торжественным жестом победителя он обвел вокруг себя.

Я чувствовал, что пора прекратить беседу. Не всякая голова способна относиться безразлично, когда по ней топчут ногами.

— Может быть, вы скажете что-нибудь о науке? — тихо спросил я.

— Наука? — он поднял палец, глаза и посмотрел в потолок. Затем вынул часы, взглянул, который час, закрыл крышку и, намотав цепочку на палец, покачал часами в воздухе. После всего этого он вздохнул и загворил:

— Наука... да, я знаю! Это — книги. Если в них хорошо пишут об Америке — книги полезны. Но в книгах редко пишут правду. Эти... поэты, которые делают книги, — мало зарабатывают, я думаю. В стране, где каждый занят делом, некому читать книги... Да, поэты злы, потому что у них не покупают книги. Правительство должно хорошо платить писателям книг. Сытый человек всегда добр и весел. Если вообще нужны книги об Америке, следует нанять хороших поэтов, и тогда будут сделаны все книги, какие нужны для Америки... Вот и все.

— Вы несколько узко определяете науку! — заметил я.

Он опустил веки и задумался. Потом вновь открыл глаза и уверенно продолжал:

— Ну да, учителя, философы... это тоже наука. Профессора, акушерки, дантисты, я знаю. Адвокаты, доктора, инженеры. All right. Это необходимо. Хорошие науки... не должны учить дурному... Но — учитель дочери моей сказал мне однажды, что существуют социальные науки... Этого я не понимаю. Я думаю, это вредно. Хорошая наука не может быть сделана социалистом. Социалисты вовсе не должны делать науку. Науку, которая полезна или забавна, делает Эдисон, да. Фонограф, синемаграф — это полезно. А когда много книг с науками — это лишнее. Людям не следует читать книг, которые могут возбудить в уме... разные сомнения. Все на земле идет как нужно... и вовсе не за чем путать книги в дела...

Я встал.

— О! вы уходите? — спросил он.

— Да! — сказал я. — Быть может, теперь, когда я уйду, вы, наконец, все-таки объясните мне — какой смысл быть миллионером?

Он начал икать и дрыгать ногами вместо ответа. Может быть, такова была его манера смеяться?

— Это привычка! — воскликнул он, переводя дух.

— Что привычка? — спросил я.

— Быть миллионером... это привычка!

Я подумал и поставил ему мой последний вопрос:

— Вы думаете, что бродяги, курильщики опиума и миллионеры — явления одного порядка?

Это, должно быть, обидело его. Он сделал круглые глаза, окрасил их желчью в зеленый цвет и сухо ответил:

— Я думаю, что вы плохо воспитаны.

— До свиданья! — сказал я.

Он любезно проводил меня до крыльца и остался стоять на верхней ступеньке лестницы, внимательно рассматривая носки своих сапог. Перед его домом лежала площадка, поросшая густою, ровно подстриженной травой. Я шагал по ней и наслаждался мыслью о том, что больше уже не увижу этого человека.

— Галло! — услышал я сзади себя.

Обернулся. Он стоял там, на крыльце, и смотрел на меня.

— А что, у вас в Европе есть лишние короли? — медленно спросил он.

— Мне кажется, они все лишние! — ответил я.

Он сплюнул направо и сказал:

— Я думаю нанять для себя пару хороших королей, а?

— Зачем это вам?

— Забавно, знаете. Я приказал бы им боксировать вот здесь...

Он указал на площадку перед домом и добавил тоном вопроса:

— От часа до половины второго каждый день, а? После завтрака приятно отдать полчаса искусству... хорошо.

Он говорил серьезно, и было видно, что он приложит все усилия, чтобы осуществить свое желание.

— Зачем вам нужны короли для этой цели? — осведомился я.

— Этого здесь еще ни у кого нет! — кратко объяснил он.

— Но ведь короли дерутся только чужими руками! — сказал я и пошел.

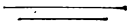
— Галло! — позвал он в другой раз.

Я снова остановился. Он все еще стоял на старом месте, сунув руки в карманы. На лице его выражалось что-то мечтательное.

— Вы что? — спросил я.

Он пожевал губами и медленно сказал:

— А как вы думаете, сколько это будет стоить — два короля для бокса, каждый день полчаса, в течение трех месяцев, а?

Взираю
на лица

С. Васильев

ПАРОДИИ И ЭПИГРАММЫ

ЭЛЕГИЯ

(Аделина Адалис)

Я критик, редактор, поэт, дегустатор, проходчик;
Я, может быть, даже источник воды и огня;
Я токарь и пекарь; я, кроме всего, переводчик, —
Ступайте найдите другую такую, как я!
Я, верно, собратьям вовеки не буду по нраву!
Я, верно,
    бессмертна

издательствам всем вопреки!

Живи бы Гомер, — он меня называл бы по праву
Единственной в мире владычицей длинной строки.
Читайте меня наизусть. Изучайте! Любите!
Я бриджи надела. Довольно носить паранджу!
Поставьте при жизни мне памятник... Что? Не хотите?
Держите меня, ведь сама я себя не сдержу.

ДВА МНЕНИЯ

(М. Алигер)

Есть такое мнение,
Что ваши сочинения,
Так сказать, явление
Более иль менее.
Есть иное мнение,
Что ваши сочинения
(Заявить позволю я!)
Если уж явление,
То менее, чем более.

БУРБОНЫ ИЗ СОРБОННЫ

(Павел Антокольский)

Здесь побывали все под сводом книжной арки:
Аркебузиры, лучники прошли.
Вийоны. Дон-Кихоты. Тьеры. Жанны д'Арки.
В жабо. В ботфортах. В пудре. И в пыли.
Здесь были все. Голландцы. Турки. Негры. Греки.
Здесь пили пунш. И били баккара,
Глотали сандвичи. Бананы. Чебуреки,
Альфонсы. Франты. Шлюхи. Шулера,
Здесь пропивали все: и кэбы и фургоны.
Лечили люэс. Нюхали цветы.
Магистры. Пэры. Мэры. Сэры. Гарпагоны.
Гризетки в капюшонах. И шуты.
Здесь морг времен. Кладбище. Свалка. Нашу жалость
К усопшим завернем в остатки от портьер.
Здесь все перемешалось и слежалось:
Мако Линдер, Командор и Робеспьер.
Здесь пахло английским, немецким и французским.
Здесь кто хотел блудил и ночевал.
Здесь только мало пахло духом русским,
Поскольку Поль де Антоколь не пожелал.

ЖДЕМ

(Николай Асеев)

Правда,
есть
у нас
Асеев
Колька.

Этот может
хватка у него,
моя.

Маяковский «Юбилейно»

Не за скрытность, а за искренность
крепко любим мы тебя.
Потому, шеренгой выстроясь,
говорим тебе, любя:
— Нет, не примем мы за истину,
будто наш Асеев сник,
наш маститый, наш неистовый,
уважаемый Ник. Ник.
Не в бегах за гонорарищем
рыщет Муза день-деньской.
Разве мог бы быть товарищем
Маяковскому такой?
Нет, еще горда доподлинно
неподкупная строка,
и Пегас стоит оседланным
в ожидание седока.
Ну-ка, выдай полной мерою,
на рысях возьми подъем!
Мы надеемся, мы веруем,
мы не сетуем, а ждем.
Нам не надобно трюкачество,
фокус-мокус через край.
Где же сила? Где же качество?
Если можешь, то давай!

ДЕТСКАЯ ШУТКА

(Агния Барто)

Пишет А. Барто толково,
часто в темпе Михалкова,
но зато наверняка

отстает от Маршака.
 Вот надеть бы на Барто
 маршаковское пальто
 да на обе бы ноги
 с Михалкова сапоги, —
 вот тогда бы, вот тогда бы
 всех Барто обогнала бы!
 Всыпав крепко Михалкову,
 догнала бы Бичер-Стоу
 и развеяла бы в дым
 братьев Тур и братьев Гримм.

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ

(Александр Безыменский)

Друзья мои!
 О чем вопрос?
 Даешь сюда
 статью любую,
 Коробку спичек,
 пачку папирос, —
 И я статью любую **парифмую!**
 Итак, борьба!
 Борьба к борьбе!
 Труба трубит
 в трубу_трубою!
 Труба
 трубою
 по трубе!
 В боях,
 на бой,
 от боя
 к бою!
 Буржуям-гадам **гроб!**
 И крах!
 К чертям
 конвенты-дивиденды!
 Бум-бум, друзья!
 Бум-бум и трах!
 (Овации. Аплодисменты,
 Все встают и.... уходят.)

**АВТОРУ ДЛИННОГО РОМАНА В СТИХАХ
«ДОБРОВОЛЬЦЫ»**

(Евг. Долматовский)

Простите, ваше величество,
Но, несмотря на бодрячество,
В вашем романе количество
Не переходит в качество.

СУХОПУТНЫЙ МОРЯК

(Александр Жаров)

Зря зовут меня тайком
Сухопутным моряком.
Скажем, взять мои труды:
Нешто мало в них воды?!
Если глубже заглянуть,
Можно тут же утонуть.

ЗАПЕВАЛА

(Михаил Исаковский)

Я таковский и сяковский,
Я московский и смоленский,
Я Михайло Исаковский,
Городской и деревенский.
Мои песенки простые
Все поют: и стар, и млад,
Пожилые, холостые,
И профессор, и солдат.
В поле, в лодке, на дому,
На Неве и на Дону,
Под сосной и под березой,
И намерен и вчерась,
В состоянии тверезом
И слегка опохмелясь.

ЗИГ—ЗАГИ

(Семен Кирсанов)

Шло авто,
и в то
авто

я вто-
пан меж
двух дам,
цвета беж!

С. Кирсанов
Дорога по радуге

Момолевский Мульвар
мом восемь....

С. Кирсанов. Буква „М“

Были недовольны мы,
ехали в «Линкольне» мы.
Я с приятелем, и к нам
если меж
пара наших новых дам
цвета беж.

Едем криво,
едем косо.

Ехать прямо —
не к лицу.

По Садовой едем.
По Са-
довой (по Са)-му кольцу,
Давай,

авто,
авто,
давай!

Гони,
а то

мотнем
в трамвай!

Не «Линкольн»
а «Любо-Бис»!

Наконец
мы в Клубе Пис.

Стали мы
                    глотать икру,
кушать джем,
стали мы
                    играть в игру,
в букву «ЭМ»:
— Шуры!
— Муры!
— Фиглы!
— Мигли!
— Пети!
— Мети!
                    Мсё!!!

МУХОМОР

(А. Коваленков)

Случалось ли вам собирать мухоморы
В лесах, где тропинки протоптаны лешим,
Где ведьмы в чащобах ведут разговоры,
Где конникам страшно и муторно пешим?
Известно ли вам, что грибок подосиновик —
Пустяк по сравнению с лесным мухомором
И что сыроежки в платочках малиновых
Считаю я так... не грибами, а вздором?
Маслята, опята и прочие рыжики —
Ничто мухомору, пустяк перед ним.
Они мельтешат, как начетчики-книжники,
Питаюсь талантом его нутряным.
Нет, гриб мухомор — это овощ богатая!
Настойка с него — не настойка, а мед.
Не только что муха погибнет проклятая,
А, правду сказать, и читатель заснет.
Я в солнечный день надеваю поддевку,
Лукошко бесстрашно беру за рога,
Заместо винтовки хватаю муховку
И бодро с муховкой иду на врага!

ПОД ПОНТОННЫМ МОСТОМ

(Леонид Мартынов)

Я и Она. Она сидит на корме.
Я — на веслах и сам себе на уме.
Луну заслоняет нам Волчий Хвост.
Плывем во тьму, неизвестно к чему,
Под Деревянный мост,
Под Оловянный мост,
Плывем под Картонный мост,
Плывем под Понтонный мост.
— Не утонешь? — кричит мне, пугая реку Тишину.
— Не утону! — отвечаю. — Не утону! —
И чувствую, что иду ко дну.
А на дне — Лукоморье. Трава-мура.
Горят изумруды, играют флейты.
Какая-то рыба кричит мне: — Эй, ты!
Ну, как под водку моя икра?! —
Меня вопрошает сама природа.
Ведь я же лирик особого рода!
Я не колхозный и не совхозный,
Я виртуозно-претенциозный,
Я, если хотите, комар малярный,
Но не газетный, не индустриальный.
Я понимаю язык вороний,
Деревья со мной разговор ведут.
Я посторонний, потусторонний,
Я, может быть, даже не там и не тут.
Но даже в воде и даже во тьме
Я сам себе на уме.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

(С. Михалков)

Мне подобных в мире много ль?
Я, во-первых, Михалков,
Во-вторых, бесспорно, Гоголь,
В-третьих, дедушка Крылов.

ФАКТ, А НЕ РЕКЛАМА

(Иван Молчанов)

Я нигде не бил посуду,
Жил как мог, писал как мог,
А прославиться повсюду
Маяковский мне помог.

ОХОТА КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО НА ПАО-ПАО

(Илья Сельвинский)

Царь (Шуйский):

Я поскачу! Уж я те поскачу!
Всю бороду ощиплю по щетинке
Да ноздыря законопачу — во!
А губы-то зашью, зашью, зашью..
«Рыцарь Иоанн» акт 2-й, картина 6-я.

1

Прослышал князь, что штражникам противу,
В Московию, лесов Рязанских скрозь,
Продрался зверь породы «Пао-пао»,
Забрел, стервец, неведомо откель.
Размыслил князь и снарядил облаву.
Сто конных ратников и сто стрельцов
Пошли в обход. Для строгости, для тайны
Исправный князь дал письменный указ.

Пао (обезьяна)

Я видел сквозь платье,
Как видят сквозь сон,
Языческим глазом святые колонны
ваших очаровательных ног.
«Пао-пао», акт 2-й картина 6-я.

«Болвана пересказывать нет толку!
 К сему пишу. Приметы таковы:
 В ухе серьга, неведомо откуда,
 Глаза в очках немыслимой кости,
 Хучь он в шерстях, и видом непристоен;
 И псиной даже пахнет, между тем
 Ярыжки бают, обучен наукам
 И потому до крайности хитер.
 На правой длани, быдто у монаха,
 Шелкают четки (чет либо нечет),
 На левом чресле тычется в кошелко
 Самопечатия марки «Ундервуд».
 Охочь до баб, до браги и до меду.
 Ишо не стар, однако и не млад.
 Подачек не берет. Взамен курей да хлебу
 За ересь требует какой-то гонорар.
 Наказываю: где бы он ни шлендал,
 Сыскать его, пымать и привести
 Ко мне сюды. Связать в дороге, дабы
 В пути оказий разных не чинил!»

«...Ааа? Псср! — На здоровье».

— Рразь!!

— Аа! — «Ну?» — А... —

«Ну? — Нет... Проехало».

«Улялаевичина», глава 11-я.

Скрутили, заковали Пао-пао,
 Свезли в Москву на правый суд бояр.
 Один кричит: «Давай его на дыбу!»
 Другой кричит: «Коли ему глаза!»
 «Вишь, вражий дух, — кричит боярин третий, —
 В святую Русь пришел без пропусков!
 Пушай забавит нас, пушай кричит совою,
 Пушай по-щучьи воет! Право! Ась?!»

«Пошто, бояре, так вы безыскусны? —
Кричит четвертый. — Дать ему воды.
Чтоб он для нас разов десяток кряду
Огонь оттэда высек... Каково?!»
Великий спор решил опять же Шуйский.
Он встал и молвил: «Токмо не шуметь!
Зверь может все. Пушай потехи ради
Пропляшет Пао ямбом на пять стоп!»

КАЗАКИ С БАГРОМ
(Анатолий Софронов)

В погожий день в лампадах да в погонах
Казачи ехали над Доном табуном.
Глядят казаки: вниз плывет бочонок...
Один кричит: — Да он, никак, с вином?!
Поднялся шум, поднялся спор законный:
— Коньяк, братва!
— Какой коньяк?! Кагор!
И подал тут команду эскадронный:
— Э-гей, э-гей! Давай сюда багор!
Нашли багор. Догнали, зацепили ловко.
Хорош бочонок! Весь в смоле на вид.
Какие обручи, какая упаковка!
Клеймо на нем московское стоит.
Ловки казаки. Вскрыли днище дружно.
Отведал первым командир-отец.
Глотнул глоток и вымолвил натужно:
— Обман, братва! В бочонке-то сырец!
— Ховай, казаки, кружечки-жестянки! —
Весь эскадрон, как улей, загудел.
— Его не пить, а мыть бы в нем портянки!
Ну, попадись нам этот винодел!
По коням, конники, братишки да сестренки!
Цимля-Цимлянская виднеется вдали.
Э-гей, э-гей, подшлейники-постромки,
Э-гей, э-гей, копыта-ковыли!

В. Швецов

СТИХИ НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ

О СУХОВЕЕ «МОСКВОШВЕЕ»

(Сергей Смирнов)

Я живу в квартире коммунальной,
Где нашел буквально рай земной
Со своею индивидуальной,
Интеллектуальной женой.

И живут в квартире вместе с нами
Старый слесарь, в прошлом молодой,
Плотник с антикварными усами,
Токарь с уникальной бородой.

Давний враг степного суховея,
Безусловно, я иду вперед
В пиджаке системы «Москвошвея»
И в ботинках фирмы «Скороход».

Муза не стандартного размера
Мне открыла к славе все пути.
Я спрошу у милиционера
— Где тут ближе к классикам пройти?

А в стране снимают урожай,
Ставят телеграфные столбы,
Добывают нефть, детей рожают,
Удят рыбу, ходят по грибы.

И еще скажу, что прошлым летом
Волго-Дон, сооруженный в срок,
Был открыт. Присутствовал при этом
Персонально автор данных строк.

Там, где экскаватор и бульдозер
Перевыполняли план работ,
Я стоял в весьма активной позе —
Шум плотины заносил в блокнот.

Между тем, шутя и балагурия,
Нашим планам всем в противовес,
Антигосударственная буря
Поломала дефицитный лес...

Мимо котлована, мимо тына
Я шагаю, не жалея ног.
Есть на то особая причина:
Тороплюсь в подшефный «Огонек»!

БРАКОРАЗВОДНАЯ ЛИРИКА

(По страницам литературно-художественных журналов)

Немало лириков сейчас,
Гонясь за темой очень модной,
Усиленно снабжают нас
Поэзией бракоразводной.

И публика уже привыкла,
Взяв наугад журнал любой,
Там находить стихи из цикла:
«Зачем я развелась с тобой»?

Стихов таких и в этом роде
Печется много в наши дни.
Читатель ждет от нас пародий.
Я сочинил их. Вот они:

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

РАЗЛУКА

На траве, еще не скошенной,
Я сижу, тобою брошенный,
И пишу рукой проворною
О разлуке песнь минорную.
Знаю я: мои элегии
Любят члены редколлегии.
Пусть обильно слезы катятся, —
Все они сполна оплатятся...

Олег Спекулириков

О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

И он меня любил, и я его,
Довольны были всем и я и Вася.
Скажите, люди, отчего,
Я все же с Васей развелась?

Полина Мотылькова

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Любимый мой! Меня ты лучше брось.
Должна тебе признаться честно:
Мне очень трудно жить с тобою врозь,
Еще труднее жить совместно...

Евгения Скушнова

ПРИЗНАНИЕ

Сегодня от соседей я узнал,
Что неверна мне стала Дуся.
Оповещаю всех через журнал:
Я скоро с Дусей разведуся.

Филат Возбужденцев

ПЕРЕДАЧА ОПЫТА

Спившийся с круга маститый один
Над стихотворцем неопытным шефствовал.
Ночью его на банкеты водил,
Днем вместе с ним по пивным путешествовал.

Творческий опыт свой, страсть и азарт
В душу вложил, молодую и пылкую:
Тьму анекдотов ему рассказал,
Бездну острот сообщил за бутылкою.

Юноша быстро во все это вник...
Стали о нем говорить на Парнасе:
— Пишет по-прежнему, как ученик,
Но выпивает, как классик!

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ ОДНОЙ ЯКОБЫ САТИРИЧЕСКОЙ ПЬЕСЫ

(Пародия)

ОТЕЦ — подлец.

СЫН — кретин.

ДОЧЬ — тупица.

МАТЬ — клеветница.

СТАРШИЙ БРАТ — злостный бюрократ.

МЛАДШИЙ БРАТ — явный дегенерат.

ЗЯТЬ — многоженец.

ДЕД — перерожденец.

БАБКА — скряга.

ПЛЕМЯННИК — стилига.

ВНУКИ И ВНУЧКИ — барчуки и белоручки.

ДВОРНИК АНТИП — аморальный тип.

ДАРЬЯ МОЛОЧНИЦА — сплетница и
склочница.

Встречаются также по ходу пьесы

Дураки, оболтусы и балбесы.

МАЛАЯ ЛИТЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Эпиграммы

СЕРГЕЙ БОРОДИН

Он баснословной немотою сѣван:
Не пишет со времен «Димитрия Донского».

ГОРЕ РЫБОЛОВА

Хотя, как всякий рыболов,
Глубокую он любит воду, —
Мелеет творчество его от года к году
И все беднее у него «улов».
Он поделом наказан. Ибо,
Уйдя от актуальных тем,
Талант свой посвятил он рыбам
И сам теперь, как рыба, нем.

**ИЗ ПИСЬМА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И. АННЕНСКОМУ —
СЦЕНАРИСТУ И ПОСТАНОВЩИКУ
ФИЛЬМА «КНЯЖНА МЕРИ»**

Я потрясен, я поражен...
Ужель вам кто-нибудь поверит?
Как не похожа на себя здесь Мери!
А ваш Печорин — форменный пижон!

За них и за княгиню Веру
(Ей тоже заодно не повезло!)
Я мог бы вызвать вас к барьеру,
Да нет теперь дуэлей, как назло!

М. Лермонтов

ВЛ. МАСС И МИХ. ЧЕРВИНСКИЙ

В их фельетонах мысль видна,
Но на двоих всего одна.

Ю. Благов

А и Б

Писатель А. лица не прятал
И беспокойной жил судьбой.
Он как творец взлетал и падал,
Но был всегда самим собой.
Не мысля каяться бездумно,
Не брал сегодня он пера,
Чтоб отмежевываться шумно
От веры, принятой вчера...
А Б. имел иной оттенок;
Он бездорожья избегал,
Из всех критических оценок
Предпочитая мадригал.
Он мог легко до удивленья
Пойти с достойным видом вспять,
Менять, где просят, направленья,
А где не просят, не менять.
Он не проходчик, не новатор,
Не проводник ничьих систем,
В нем поглотить администратор
Успел художника совсем.
Он речи длинные, как реки,
Ведет про творческую честь,
И хватка в этом человеке,
Хоть и ремесленная, есть.

Плоды холодной этой хватки
Машинам зимовским сродни:
И обтекаемы и гладки,
Лишь не блестящи, как они.
В пылу деляческого рвенья
Он создает труды свои
«Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви»...

РЕПЛИКИ

ОСТОРОЖНЫЙ КРИТИК

Я за смех... Но нам нужны
Подобнее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

РАЗНОСТОРОННЕЕ ДАРОВАНИЕ

Писатель Эн такой универсал,
Что трудно вспомнить, что он
написал.

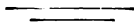
В ТВОРЧЕСКОЙ КОМАНДИРОВКЕ

Очеркист достиг Тюмени
И поведал от души,
Что сибирские пельмени
Очень к водке хороши.

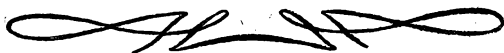
БЫЛО

Редактор всем твердил уныло
Одно и то же слово: «Было».
«В работе больше пыла...»
— Было!

«Не суй свиное рыло...»
— Было!
«Она его любила». — Было!
«Употребляйте мыло...»
— Было!
Само небесное светило
Его не радовало:
— Было!

Э. Кроткий

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Плавают разными стилями, тонут — одним.

—○—

У строителей воздушных замков всегда хватает строительного материала.

—○—

Хотел сказать новое слово в литературе, а сказал только: «Дайте аванс!».

—○—

Не расставался с книгой. Возьмет в библиотеке — и не вернет!

—○—

Если ты хочешь быть впереди классиков, — пиши предисловия к ним.

—○—

Жизнь не автобус! Она не останавливается по требованию.

—○—

Каждая его комедия была драмой для режиссера и трагедией для зрителя.

Радио будит мысль. Даже в те часы, когда очень хочется спать!

—○—

Таланта у него, безусловно, нельзя было отнять: таланта у него не было.

—○—

— Прислуживаться к начальству? Нет, уж увольте... И его уволили.

—○—

Живопись не каша, — ее и маслом испортить можно.

—○—

Даже о плохих людях надо писать хорошие рассказы.

—○—

И в общую тетрадь можно вписывать собственные мысли.

—○—

Такт необходим не только в музыке.

—○—

Хорошая цитата подобна изюминке в хлебе, но не выпекай хлеб из одного изюма!

—○—

На его палитре были все краски, кроме краски стыда.

—○—

Их роман был так короток, что правильной было бы называть его новеллой.

—○—

О лице писателя судят не по приложенному к его книге портрету, а по самой книге.

—○—

Любил жаловаться. В библиотеке требовал только жалобную книгу.

Когда вагоновожатый ищет новых путей, вагон сходит с рельсов.

И траве приходится пробиваться.

Если бы все хватали звезды с неба, не было бы звездных ночей.

Через пропасть, отделявшую его от молодости, зубной врач перекинул золотой мост.

Починочная мастерская чинила только препятствия заказчикам.

Вкрался в литературу, как опечатка.

Часы на цепочке, а время все же убегает.

Маникюрша знала всю подноготную своих клиентов.

Верх осторожности: ходя по комнате, соблюдать правила уличного движения.

Радиоприемник сближает нас с отдаленными странами и ссорит с ближайшими соседями.

Не все попугай говорящие. Есть и пишущие.

Лысина — те же кудри, но в конечной фазе их развития.

Так много пил за чужое здоровье, что погубил свое.

—○—

Перья у писателя были, — ему не хватало крыльев.

—○—

Он был незлопамятен — не помнил зла, которое причинял другим.

—○—

Каждому свое, а иным и чужое.

—○—

Современников у него не было: у него были только собутыльники.

—○—

Если шофер верит в бессмертие, жизнь пассажира в опасности.

—○—

Добрая эпиграмма — то же, что ласковая сторожевая собака.

—○—

Самым ярким зрелищем в летнем театре был его пожар.

—○—

Это был человек умный на короткие дистанции.

—○—

Зубы у него уже не росли, хотя он постоянно держал их в стакане с водой.

—○—

Геометрическая фигура: круглый дурак в квадрате.

—○—

Мыльный пузырь всегда радужно настроен.

Философы, как тарелки: они либо глубокие, либо
мелкие.

С точки зрения воробья, автомобиль менее совершен,
чем лошадь: он не дает навоза.

Любил все человечество, кроме соседей по квартире.

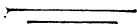
Житейские драмы идут без репетиций.

В домового ребята не верили. Они верили в домо-
управа.

Резолюция часто подобна покойнику: ее выносят и
забывают.

А. Николаев

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

(По И. А. Крылову)

— Здорово, друг,
— Здорово, брат!
— Куда ты ездил?
— В Сталинград,
На Волго-Дон, на Гидрострой...
Какой там видел земснаряд!
Ну, знаешь ли, гора горой.
А экскаватор там какой!
А шлюзы!
А плотины!
При всем желании,
                                        такой
Не передать картины.
Заводы! Новые дома!
Пиши хоть целые тома...
— Послушай друг. На Гидрострое,
Наверно, люди все герои?
Писатель тут потупил взгляд,
Подумал и ответил:
— Ну, братец, виноват,
Людей-то я и не приметил!

БАСНЯ ПРО БАСНОПИСЦА

Поэт вопрос обдумал ловко,
Теперь-то все пойдет на лад!
И, взяв себе командировку,
Поехал тут же в зоосад.
Он погулял в саду немного,
Увидел льва и носорога,
Осла, медведя и мартышку,
Вписал их в записную книжку, —
И за работу.
Вывод ясен:
Поэт создал немало басен.
В них звери есть,
Но вот помеха:
Ни смысла нет в них
И ни смеха.
Смеяться, право, не грешно
Над тем, что вышло не смешно.

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Почтальон приносит драму.
— Расписаться?
Что ж, изволь... —
Смотрим:
«Вес три килограмма.
Заказная бандероль».

Почитаем, интересно...
Почитали.
Как назло,
Драма очень легковесна,
Хоть и весит три кило.

В чем мораль?
Мы скажем прямо:
Взвесить драму не спеши.
Лучше взвесь-ка, сколько в драму
Ты сумел вложить души.

СТИХИ ПРО СТИХИ

Свои стихи прочел поэт,
Над ними бился он немало.
Поэту все дают совет:
— Неси в редакцию журнала!
Редактор бросил беглый взгляд:
— Что ж, ничего,
Дойдут до сердца! —
Потом, вернув стихи назад,
Сказал:
— Вот только мало перцу.
И вновь поэт к нему идет,
А тот скривился, как от боли.
— Ну, что ж, не плохо,
Только вот
Теперь как будто много соли.
Поэт идет к нему опять.
Прошелся тот по кабинету.
— Не плохо, можно было б дать,
Да жаль, изюминки в них нету.
Опять поэт стучится в дверь,
Стоит, робея, у порога
И снова слышит:
— А теперь
Переборщили вы немного.
Пусть стих еще перекипит,
Ведь это очень важный фактор...
У автора смущенный вид:
Наверно, повар там сидит,
Где должен был сидеть редактор.

Л. Митницкий

МИМОХОДОМ

I

Если верить людям, карась любит, чтобы его жарили в сметане. Сам карась об этом ничего никому не говорил.

—○—

Болезнь за дело можно и без больничного листка...

—○—

— А теперь я хотел бы перейти к самокритике, — сказал в заключение докладчик, — но, к сожалению, мое время уже...

О, как он огорчился, когда ему продлили время!

—○—

Приметы осени: дни стали короче, птички улетели, листва опала, школа не отремонтирована.

—○—

Если на дороге образовалась пробка, ищи и бутылку.

—○—

По указанию гороно детский утренник был устроен в восемь часов вечера.

Была глубокая ночь. В коридоре гостиницы громовым голосом пело радио: «Спи, моя радость, усни!»

Сколько у нас еще хозяев по положению, а не хозяев положения!

II.

Автор диссертации так озаглавил и так изложил тезисы своего труда, словно боялся, что его... поймут.

Когда за плохой перевод платят большие деньги, — разве это не перевод денег?

Ее горячо любил один человек. Только он один... Соперников у него не было.

Она была книгой, а он — ее автором.

Поехать в командировку и что-то такое там натворить — это еще не творческая командировка.

Режиссер, ставивший спектакль, был неисправимым оптимистом.

— Ругают, стало быть, смотрят! — бодро говорил он.

— Выход стенной газеты — для нас всегда большой праздник.

— Такая хорошая газета?

— Нет... Выходит по большим праздникам.

III.

Сколько бокалов за повышение качества ни поднимай, качество этим не поднимаешь.

Зачастую рубят сплеча именно те, кому работа не по плечу.

—○—

Ну, как у вас с подготовкой к зиме?

— Все в порядке. Пишем оправдательные документы

—○—

— Как дела в цехе?

— Плана не выполняем. А так все хорошо.

—○—

В стихах о деревне решающая фигура — гармонист. А тракторист используется главным образом для рифмы.

—○—

— Какое красивое сено! Прямо золото, а не сено!

— Да!.. А между прочим, это солома!

—○—

— Ни-че-го не понимаю! — разводил руками старый офицант. — Вводят самообслуживание... А кто же кому будет давать на чай?

—○—

Слово «культтовары» уже вошло в обиход. Теперь очередь за другим хорошим словом «культпродавцы».

—○—

Дай ему торговую палатку, а уж палатами он сам обзаведется.

—○—

Из размышлений председателя райпотребсоюза. — Если в чайной нет чаю, то это все-таки чайная. Но если в чайной нет водки, — какая же это чайная?

—○—

Торговой точке надлежит торгсовать, а не быть звеном предпринятия в торговле.

Если б на табличке не было написано: «Бригада отличного обслуживания покупателей», никто из покупателей так и не догадался бы об этом.

Толстяк — заведующий столовой — решил бороться с ожирением. Но похудели столующиеся...

СОДЕРЖАНИЕ

ГОД ЗА ГОДОМ

стр.

М. Горький

Русские сказки	5
--------------------------	---

С. Есенин

Песнь о великом походе	21
Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве	36

И. Бабель

Мой первый гусь	42
Комбриг два	45
История одной лошади	47
Продолжение истории одной лошади	50
Как это делалось в Одессе	51

М. Зощенко

Баня	61
Аристократка	63
Пациентка	66
Нервные люди	69
Галоша	71
Царские сапоги	74
Монтер	76
Не пушу	78
Солдатские рассказы	81
Двадцать три и восемь десятых	91
Чрезвычайное происшествие	95

М. Кольцов

Все, как принято	101
----------------------------	-----

И. Ильф и Е. Петров

Здесь нагружают корабль	106
Под знаком Рыб и Меркурия	110
Переходя улицу, оглянись по сторонам	111
Обыкновенный икс	113
Процедуры трикартова	116
Счастливого отца	119

	стр.
<i>С. Нариньяни</i>	
Сколько стоит рябчик	122
Синяя борода.	123
<i>С. Михалков</i>	
Лев и ярлык	130
Богатые впечатления	131
Осел в обойме	131
Классический пример.	132
Заяц во хмелю	133
Лиса и бобер	134
<i>Л. Лench</i>	
Шкаф	136
Васькина мамаша	142
Когда медицина бессильна	146
Сеанс гипнотизера	150
<i>С. Смирнов</i>	
Короткие басни	154
<i>Б. Карбовская</i>	
Невеста	162
<i>М. Заборский</i>	
Щука	169
Душевная беседа	178
<i>Ю. Благов</i>	
Случай в вагоне	188
Почему они разводятся.	189
<i>В. Ардов</i>	
Как осветили вопрос	191
<i>С. Ананьин</i>	
Рассказ об истинном происшествии	195
Афоня	200
<i>Д. Беляев</i>	
Неподвижная личность.	204
ПО ТУ СТОРОНУ	
<i>М. Кольцов</i>	
В норе у зверя	215

	стр
<i>Д. Заславский</i>	
Современный кандидат	227
Институт газетной красоты	232
Как американское радио открыло свободу печати в США	235
Крыса с острова Тайвань	239
С позиции силы	242
Те, которые не признают	241
<i>С. Маршак</i>	
Холодный дом	249
Антиамериканская деятельность Мистера Томаса	250
Бездонный чай	251
Доллар и фунт	252
Сказка про курочку рябу	252
Баллада о музыкальном рецензенте, американском президенте и его безголосой дочери	253
<i>Л. Лench</i>	
Одна фраза	255
<i>С. Шенцов</i>	
Даллес-моралист	259
Мадам в поход собралась	259
Остателный «демократ»	260
Помощь со взломом	260
<i>В. Крулов</i>	
Процветающий вид искусства	261
Неумирающий бизнес	265
Ярмарка чемпионов	273
<i>М. Горький</i>	
Один из королей республики	276

В В И Р А Я Н А Л И Ц А

<i>С. Васильев</i>	
Пародии и эпиграммы	293
<i>С. Шенцов</i>	
Стихи на литературные темы	304
<i>Ю. Благов</i>	
А и Б	309
Реплики: «Осторожный критик», ...	310
«Разностороннее дарование», ...	310
«В творческой командировке», ...	310
«Было», ...	310

	стр.
Э. Кроткий	
«Отрывки из неаписанного» (афоризмы)	312
А. Николаев	
Любопытный писатель (по И. А. Крылову)	317
Басня про баснописца	318
Тяжелый случай	318
Стихи про стихи, ...	319
Л. Митницкий	
Мимоходом (афоризмы реплики сатирические диалоги)	320

«Твои друзья веселые»

Сборник юмора и сатиры

Редактор *Н. Г. Белозеров*

Художник *И. Д. Зайцев*

Тех. ред. *П. П. Погожев*

Корректоры *З. Т. Прископенко*
и *Г. В. Ходырева*

Сдано в набор 6/X. 1958 г.

Подписано к печати 16/XII—1958 г.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Объем 6 л. 5,06,
п. л. 20,25, уч.-изд. л. 16,0. 34400 зн. в 1 печ. л.

АЯ 2661. Заказ № 4331

Тираж 75000. Цена 7 руб. 90 коп.

Белгородское книжное издательство
Белгород, Дом Советов

Типография газеты «Курская правда»
г. Курск, ул. Ленина, 77.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
71	12 снизу	Тот прямо как меня обнадежил.	Тот прямо вот как ме- ня обнадежил.
74	18 сверху	...Очень роскошные. Царские. Я сразу спросил...	...Очень роскошные. Царские. Я же вдруг увидел в описи сапоги. Русское голенище, восемнадцать целковых. Я сразу спросил...
183	11 снизу	Что-то у него не боль- но того!..	Что-то дела у него не больно того!.
194	13 сверху	— А вот только то.	— А вот только что.
245	20 снизу	...которые признава- ли,...	...которые не призна- вали,...

